

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 11-12(23-24), 2014

Одухотворенные люди

*Изборский клуб
на Донбассе*

*Галерея героев
Новороссии*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Одухотворённые люди
- 8** **Донбасс: у истоков империи**
(заседание Изборского клуба в Донецке 30 октября 2014 года)
- 30** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Донбасс говорит по-русски!
- 36** Владислав ШУРЫГИН.
Донецкий дневник
- 44** Александр ДУГИН.
Фактор борьбы в Новороссии
- 48** **Кто ты, «Стрелок»?**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и бывшего министра обороны Донецкой народной республики Игоря СТРЕЛКОВА)
- 60** **«Мы были первыми...»**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и бывшего премьер-министра Донецкой народной республики Александра БОРОДАЯ)
- 68** **«Мы — донецкие»**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и первого вице-преьера Донецкой народной республики Андрея ПУРГИНА)
- 74** **Шахты и пули**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и командира «Шахтёрской дивизии» Константина КУЗЬМЕНКО)
- 82** **«Я брал аэропорт»**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и командира бригады «Восток» Александра ХОДАКОВСКОГО)
- 92** **«Новороссия — любо!»**
(беседа Александра ПРОХАНОВА и атамана Всевеликого войска Донского Николая КОЗИЦЫНА)
- 98** **«Я — полевой командир»**
- 106** **Саур-Могилы: рассказ ополченца**
- 114** Станислав ФЁДОРОВ, Виктор ГАЛЕНКО.
Сильные небом
- 120** **Библиотекарь**
- 122** **Хронология мероприятий клуба**
- 123** Стихи Елены ЗАСЛАВСКОЙ.
«Мы стали чёрным хлебом на войне...»

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 11–12(23–24), 2014 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 13.01.2015

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 2104

/ Александр ПРОХАНОВ /

Одухотворённые ЛЮДИ

В Донбассе перемирие под свист пуль. Но, слава Богу, перестали грохотать установки залпового огня, которые вырывали квартал за кварталом из Донецка и Луганска. Перестали плюхаться тяжёлые снаряды дальноточных гаубиц в дома престарелых, превращая обитателей в кровавые кляксы. Начался обмен военнопленных. Изнурённые, истомлённые, раненые, волоча кровавые бинты, люди покидают места своего пленения.

Казалось бы, всё, слава Богу, «блаженны миротворцы». Однако некоторые пункты Минского протокола вызывают разногласия и сомнения. Они сформулированы неясно, туманно, подвержены разным толкованиям. И это порождает смятение как в российском обществе, так и в самой Новороссии. Некоторые говорят с весьма истерическими интонациями,

что Новороссию сдают, Новороссию сливают. Это далеко не так. Недаром лидер Донбасса Александр Захарченко, вернувшись из Минска к себе в Донецк, заявил, что суверенность Новороссии как отдельного, завоевавшего свою независимость государства не подлежит сомнению. А эти размытые, неточно сформулированные пункты протокола были необходимы, чтобы представители Донбасса и Киева сели за стол переговоров и стали обмениваться не пулями, а словами.

Когда-нибудь эти крайние позиции будут заявлены. Киев заявит, что никакой отдельно взятой Новороссии, Донецкой и Луганской республик, нет и быть не может. Существует только одна неделимая Украина с единой конституцией и с единым взглядом на все внутренние политические и культурные процессы.

Люди Донбасса скажут: нет, Новороссия — это государство, за которое мы платили кровью, которое состоялось и мы не желаем быть в составе единой Украины. Эти две точки зрения породят длительный и мучительный переговорный процесс, систему компромиссов, что будет длиться, быть может, десятилетия.

Но сейчас, слава Богу, перемирие. Ополченцы — это герои, которые умеют сражаться, умеют сжигать танки, подбивать самолёты, умеют ходить в контратаки и схватываться с врагом в рукопашной. Но одно дело — побеждать и сражаться на поле боя, другое дело — строить государство.

Строить это государство необходимо. А для этого нужен мир. Нужно провести выборы, после которых все назначенцы, будь то премьер-министры или губернаторы, станут вы-

борными фигурами, заручатся поддержкой народа и получат легитимность.

Необходимо будет избрать президента. Нужно создать государственные институты, которые позволят восстанавливать инфраструктуру, ремонтировать дороги, создавать новые коммуникации для электричества, воды. Старикам надо будет выплачивать пенсии.

Предстоит гигантская работа по формулированию мировоззрения и идеологии этого государства, потому что, если нет идеологии, нет и самого государства. Когда я разговариваю с полевыми командирами и спрашиваю их: какое государство вы хотите строить? — Они смущаются и отвечают: мы не знаем. Мы знаем одно — в основе этого государства должна лежать совесть, мы будем строить государство совести. Но что такое совесть? Совесть — это справедливость. Значит, государство, которое они хотят строить, ради которого сражаются и умирают, это государство справедливости. Совесть — это глас божий в душе человека. Значит, государство, которое они будут строить, это будет государство божественной справедливости, устанавливающее справедливое отношение между человеком и человеком, между народами, между людьми и остальным космосом. Именно о такой модели поведения мечтает сегодня человечество, утомившееся либеральным проектом, который чреват войнами, кризисом, насилиями и огромной глобальной ложью.

Новая модель складывается сегодня среди грохота взрывов, среди стонов раненых. Там, в Новороссии, строят государство русских. Отстаивают русский язык, отстаивают право русских сочетаться с русским миром, со своей родной верой, со своим родным православием.

Но это вовсе не узконационалистическое государство, отнюдь. Это не Республика Русь. Это не «Новороссия — для русских». Русские здесь понимаются в пушкинском смысле. В том смысле, в котором трактовал слово «русский» Достоевский. Это вселенскость, открытость миру. Именно такое представление о человеческом поведении ложится в идеологию этого будущего государства. Новое слово жизни, новое слово мира зреет на устах сегодняшней России, сегодняшней Новороссии, стран, «кровью умытых».

Недаром помогать ополченцам Донбасса стекаются со всего мира — французы, каталонцы, шотландцы, сербы, британцы. Они едут сюда для того, чтобы принять участие в создании этого нового мировоззрения. Они готовы сражаться за это и гибнуть.

Путин поставил в московском храме две свечи: поминальную — в память павших героев Новороссии, и заздравную — во славу тех, кто сражается. И две эти свечи слились в одну, о которой когда-то Иван Калита, собиратель русских земель, сказал: «Чтобы свеча не погасла». Свеча великой русской истории, непрерывного русского времени, могучего государства Российского, свеча непобедимой Новороссии.

В Донбассе — мир. Хрупкий, ненадёжный, но мир. «Блаженны миротворцы».

Когда в Чернобыле случилась страшная катастрофа, там работали донецкие шахтёры. Взорванный четвёртый блок превратился в огромный ком горящего урана и прожигал бетонный подпятник, стремясь к грунтовым водам. Это грозило колоссальным паровым взрывом. Чтобы его предотвратить, шахтёры били штольню под взорванный блок. Помню, как они работали. Какая страсть, какой азарт! Голые по пояс, они мчались в глубину этой страшной горы, а назад катили вагонетки, полные грунта. Мимо неслись невидимые стрелы смертельной радиации. Шахтёры не замечали этой опасности. Работали слаженно, дружно и грозно. А когда пробрили штольню под блок, они, утомлённые, встали рядом и держали на своих руках огромный бетонный подпятник. И казалось, что они держат на своих руках целый мир.

Теперь в Донбассе, в Новороссии те же самые шахтёры сложились уже не в бригады, а в батальоны, воюют на блокпостах, отражают чудовищный взрыв нового Чернобыля, когда взорвался фашистский кратер и направил на целый мир и на Донбасс свои невидимые беспощадные лучи. Лучи, которые превращаются во рвы, полные убитых, во взорванные города, в разнесённые вдребезги школы и детские дома. Там идёт сражение, идут великие схватки. И новороссийские ополченцы опять, как и тогда, держат на своих руках весь белый свет.

Сегодня в сознании каждого русского человека, каждого русского Новороссии превратилась в мечту, Землю обетованную, куда стремятся наши молитвы, наши упования. Люди Новороссии среди дымов и взрывов хотят построить свободное народное государство без олигархов, без рвачей, без огромной несправедливости. Они хотят построить государство социальной справедливости. Хотят построить общество, где не было бы национального гнёта, где все нации были бы равны, все языки были бы свободны. И на всех языках можно было бы проповедовать совесть, красоту и божественную справедливость.

Они строят государство, в котором даётся отпор чудовищному мировому злу, этой беспощадной Америке, что положила лапу на всё человечество. И эту лапу сбрасывают с себя

ополченцы Донецка. Они хотят построить страну, основанную на всемирной божественной справедливости. Это чувство божественной справедливости живёт в сознании нашего народа испокон веков. С наших русских сказок, где поётся песнь о чудесной Жар-птице. С проповеди старца Филофея, который проповедовал теорию «Москва — Третий Рим», где государство обязано поддерживать не просто армию, не просто финансы, а душевную святость человечества, православную мечту о рае. Сталинград, где отражались фашистские атаки на город, где миллионами людей совершались подвиги, — это та же мечта о справедливости, та же мечта о божественной правде. И сегодня эта мечта достигается там, в Новороссии.

Грядут очень трудные времена для России. Напасти надвигаются. Негативные воздействия усиливаются с каждым днём. Экономике трудно, экономике худо. Будут усиливаться подрывные действия. В таких условиях эта мечтательность, это стремление к идеалу, этот стоицизм духовный, свойственный нашему народу, является самым драгоценным ресурсом. Гораздо драгоценнее, чем углеводороды. Этот ресурс будет востребован в минуты огромного напряжения, в минуты рывка, который неизбежен в час прорыва, в час модернизации. И тогда мечта о красоте, мечта о правде будет главным инструментом создания нашего нового мира.

Новороссия даёт нам сегодня пример стоицизма, отпора и духовного героизма. Когда-то, в древние времена, о чём пишет Евангелие, о чём пишет Новый Завет, на карте мира была маленькая точка — крохотный, никому не известный городок Назарет. И скептические мудрецы спрашивали, пожимая плечами: что доброго можно ждать из Назарета? А из Назарета вышел Иисус, вышел Спаситель, вышло будущее для всего человечества. Сегодня Донбасс, Новороссия — это микроскопическая точка на гигантской карте мира. И кто-нибудь спросит: что доброго можно ждать из Новороссии? Из Новороссии мы ждем будущего. Из Новороссии в мир — среди дымов, среди взрывов снарядов — стремится ослепительное, драгоценное грядущее.

Я вернулся с Донбасса. И теперь могу сказать о себе: «Мы — донецкие». Я был там, чтобы посмотреть на выборы. Поразительное зрелище. Из разгромленных домов, под порывы холодного ветра, люди валом валили на избирательные участки, часами стояли в очередях, чтобы получить бюллетени. Члены избирательной

комиссии говорили мне, что явка даже превышает ту, что была на референдуме, чем они были смущены. Они говорили: как мы будем заявлять цифры явки? Нам не поверят, подумают, что это фальсификация. Избирательные участки были развёрнуты в университетах, в школах, гостиницах, они были развёрнуты на передовых позициях, в окопах. Это было удивительное явление, когда люди, истосковавшись по общению, желая объединиться в общем деле, в едином порыве голосовали за мир, за победу, за работу, за пенсию, за заработную плату, за восстановление шахт, за ремонт и восстановление железных дорог и мостов. Они голосовали за ту правду, ради которой столько претерпели под бомбёжками и обстрелами. Они выбрали своих лидеров, свой парламент. И это ещё один этап построения государства.

Государство — это, прежде всего, люди. Которые его олицетворяют и будут его строить. Во время поездки я встречался с огромным количеством людей. Вновь избранный глава Донецкой народной республики Александр Захарченко. Удивительная судьба. До революционных пертурбаций и восстаний — обычный человек. Успешный ответственный предприниматель, умница, человек со сметкой, знающий цену усилию и работе. И вдруг — это восстание, война, вихри, которые подхватили его и сделали блестящим организатором, создателем военной организации «Оплот». Смертельно опасные операции, броски, атаки, контратаки, удары по наступающим укрпам, ответные действия по ликвидации террористических организаций и банд, проникающих в город. В Александре вспыхнули гены его предков, воителей, один из которых был награждён Суворовым серебряным рублем за отвагу, проявленную во время Альпийского похода. Другой получил шашку за войну 1812 года. В Великой Отечественной войне его многочисленная родня была отмечена высокими наградами. И эти гены вспыхнули в нём, когда началось реальное потрясение земли.

А теперь, когда он стал всеми признанным военным лидером, проявилась и новая его ипостась — он стал политическим, духовным руководителем ещё не состоявшейся, но стремящейся к своему установлению Донецкой республики. Какое испытание, какая внутренняя напряжённость!

Или командир бригады «Восток» Александр Ходаковский. Легендарный человек, интеллектуал, военный с колоссальным боевым опытом. Это он со своим, тогда ещё батальоном «Восток» бросался на освобождение аэропорта,

Главное достояние этого государства, конечно, ополченцы. Это, как правило, немолодые утомлённые люди. Люди, которые пришли с шахт, пришли, оставив «баранки» такси, оставив медицинские кабинеты, где работали врачами. У них экзотические бороды, на них удивительные облачения-камуфляжи. Они разные, но от их лиц исходит таинственное свечение. Будто в эти лица заглянуло само небо.

вместе с подчинёнными находился на крыше огромной башни, по которой гвоздили мины, авиация укров наносила бомбовые удары. Он всегда был на передовой — не страшился огня, не отсиживался в штабе. И создал уникальную военную организацию — теперь уже бригаду «Восток». Знарок антитеррористической борьбы, имеющий опыт агентурной работы, в будущем правительстве, я думаю, он займёт высокую должность в оборонной области.

Или друг Александра Захарченко — Андрей Пургин. Поразительный человек — энергичный, страстный, умный. Политолог, концептуалист, знаток своего народа, участник множества политических и политологических форумов. На нём лежит задача — создать идеологию молодого государства, создать концепцию, которая бы объединила в этом огненном фокусе всех людей, занимающихся сейчас войной и строительством. Объединить шахтёров и бизнесменов, русских и украинцев, мусульман и православных — людей всех классов, всех сословий и всех возрастов. Это он пытается понять и объяснить, что такое сегодняшняя Донецкая республика. Это часть Русского мира или это начало построения народного неолигархического государства? Или это особый мессианский порыв народа, который должен объединить в себе всю Новороссию, а может быть, и всю Украину? Это он вырабатывает удивительную концепцию, которая объединяет в себе все страсти и поколения, — концепцию «Мы — донецкие». Ибо недаром бытуют поговорки: «Донецк — не первый город в мире, но и не второй», «Донбасс своё возьмет, где бы оно ни лежало». Это донбасское чувство общности, глубины и братства объединяет сейчас ополченцев всех возрастов, всех направлений и складов.

Или атаман Всевеликого войска Донского Николай Козицын. Удивительная русская, ка-

зачья натура! Цветастый, пышный, нарядный, говорливый. А внутри тонкий, осторожный, иногда лукавый, хитрый. Человек открытого боя, открытой публичной речи, объединяющий вокруг себя людей шуткой, острым словцом или историей. Внутренне собранный, делец, знающий цену каждому винту, каждому патрону, каждому стволу. Он показывал мне расположение своих частей, где, укрытые в лесах, стоят установки залпового огня и тяжеловесные самоходные гаубицы. А также водил в рембат, в отделение, где когда-то, видимо, помещалась ремонтная мастерская совхоза, а теперь стояли разбитые танки, боевые машины пехоты, бронетранспортёры с пробитыми бортами, те, что сгорели под ударом казачьего войска. Их восстанавливали, лечили, латали их дыры, запускали моторы и опять отправляли в бой, в сражение. Это арсенал, взятый во время боёв с украинцами.

В этом же ангаре мне показали и захваченный вертолёт — живой, работающий. Атаман Козицын — участник многих войн, мы с ним встречались и в Приднестровье, и в Югославии во время стояния на мосту через реку Саву, когда летели американские крылатые ракеты и долбили пасхальный восхитительный Белград.

И лихой Козицын предложил мне полетать на этом вертолёте над расположениями укров.

Все эти люди — поразительны по разнообразию, по цветению и по темпераменту. Это персонажи нового государства, которое и само ни на что не похоже.

Но главное достояние этого государства, конечно, ополченцы. Это, как правило, немолодые утомлённые люди. Люди, которые пришли с шахт, пришли, оставив «баранки» такси, оставив медицинские кабинеты, где работали врачами. У них экзотические бороды, на них удивительные облачения-камуфляжи, на голове — папахи с красным верхом. У них самое разное вооружение. Некоторые даже с мосинскими винтовками, снабжёнными прицелами.

Это люди, лица которых таинственно светятся. Они самые разные: и отставные офицеры украинской армии, и люди, пришедшие с производства, и фантазёры, мистики и романтики. Они разные, но от их лиц исходит таинственное свечение. Будто в эти лица заглянуло само небо. В своё время великий писатель Андрей Платонов сказал: «Одухотворённые люди». Это одухотворённые люди. И государство, которое они строят, — одухотворённое государство.

А чтобы понять до конца происходящее там — в Донецке, в Новороссии, — необходимо

побывать на Саур-Могиле. На горе, где проходили чудовищной силы бои.

Не так давно у меня была встреча с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. В разговоре мы коснулись и событий в Новороссии, на Донбассе. И он сказал, что у него на столе появилась сводка, в которой рассказывается, как на некоей высоте проходят непрерывные рукопашные схватки. По высоте лупит артиллерия, установки залпового огня. И ополченцы, чувствуя, что враг одолевает, сбивает их с горы, вызывают огонь на себя. Путин сказал, что эти люди повторяют подвиг героев Великой Отечественной войны.

Это была Саур-Могилка, на которой я оказался и был поражен зрелищем. Высоченная гора, на которой установлены монументы, воспроизводящие, может быть, Мамаев курган в Сталинграде. Медленный, плавный восход со ступенями, с уступами — к вершине. По пути — грандиозные барельефы, посвящённые танкистам, лётчикам, пехотинцам. Огромные лица, напряжённые глаза. Летящие в атаку штурмовики и истребители. Мчащиеся танки. Пехотинцы, которые в развешивающихся плащ-палатках идут в наступление. И по этим стелам, по монументам, по барельефам украинцы гвоздили из всех видов оружия. Они убивали

уже однажды убитых — погибших людей. Они истребляли памятники нашей победы, наших мук, нашего подвига. Они брали реванш. Они хотели уничтожить тех, кто уничтожил когда-то их предтеч — предтеч современного фашизма. Это была поразительная, мистическая война с памятниками, с исторической справедливостью.

Саур-Могилу отстояли, и на вершине этой горы, там, где когда-то возвышалась стела, сбита ныне снарядами, сейчас — несколько могил ополченцев. На могилах — кресты, стяги Донецкой республики, стяги полков и соединений, в которых сражались герои, павшие в сражениях за Саур-Могилу.

На вершине Саур-Могилы веет непрерывный, чудовищной силы, с гулом и космическим скрежетом ветер. Кажется, что над этой вершиной сошлись все ветра мира, они дуют со всех сторон и во все стороны. Они разносят весть об этой войне. Разносят, как трубный глас, весть об ополченцах, погибших на этой войне. Разносят весть о грядущем мире, о грядущем человечестве, которое заявляет себя в этих окопах, в этих сражениях, у этих избирательных урн.

И, стоя на этой горе, слушая гулы мирового ветра, я чувствовал себя счастливым, потому что был сопричастен мировой истории.

Донбасс: у истоков империи

Фотографии: Игорь СТАРКОВ

Заседание Изборского клуба в Донецке 30 октября 2014 года

Сергей БАРЫШНИКОВ,
*ректор Донецкого
национального
университета (ДонНУ),
сопредседатель Изборского
клуба Новороссии:*

— Сегодня у нас, безусловно, праздник. Это выездное заседание Изборского клуба в Донецке,

на котором клуб представляет его председатель Александр Андреевич Проханов и ближайшее его окружение. Их визит сюда не является формальным, это не хозяева и не гости, это наши соратники, наши братья, те, кто борется с нами не один уже год за наши общие цели, идеалы.

Александр ПРОХАНОВ,
*писатель, председатель
Изборского клуба:*

— Вы извините, ради Христа, нас за опоздание, мы не предполагали, что будет такой длинный маршрут. Мы ездили в район Мариуполя, на передовую, там был Захарченко, он проводит сейчас

предвыборную кампанию, и он поехал туда общаться на блокпосты. Туда приехала концертная бригада, и был создан абсолютный антураж Великой Отечественной войны, когда певица, как Шульженко когда-то, пела, плясала, танцевала в окружении бойцов, в окружении ополченцев. Это была очень сильная, мощная встреча, и это заставило нас задержаться. Мне кажется, что филиал Изборского клуба в Новороссии обладает уникальной возможностью на фоне строительства государства строить идеологию этого государства. Потому что когда есть идеология — есть государство, нет идеологии — нет государства. Идеология — мать любого государства. Это огромная философская, мировоззренческая задача.

Мирослав РУДЕНКО,
вице-спикер Верховного
совета ДНР:

— Наверное, задача Изборского клуба, как мы ее понимаем, — выработка новой идеологии для новой России. И основной элемент для такой идеологии — это синтез «белых» и «красных». И, как мне кажется, вот именно здесь, на территории Новороссии, эта идея реализовалась. Как говорят, «пролетарский Донбасс» встал за свои исторические и духовные корни, когда уже, казалось бы, наступало доминирование этой неонацистской, чуждой нам идеологии. И начались тектонические процессы, которые затронули далеко не только Донбасс, далеко не только Новороссию, но и Россию. Новая Россия — это не только государство здесь, но это и обновление большой России.

На Донбассе существовал целый ряд партий и организаций, они были во многом нивелированы доминирующей ролью Партии регионов, ко-

торая старалась задвинуть все существующие общественные и политические силы, не дать им возможности раскрыться, в том числе и защищать интересы русскоязычного большинства наших регионов. По сути, к началу Русской весны существовали только какие-то небольшие кристаллы, в частности Коммунистической партии, совсем небольшие группы — Славянская партия, партия «Русь», организация «Донбасская Русь», евразийцы и некоторые другие. Потом родился ряд новых организаций, в том числе народное ополчение Донбасса, в последующем — Новороссия, союз ветеранов Донбасса «Беркут». И вот эти новые организации исповедовали одновременно и правые идеи, и в то же время левые. Допустим, кто-то был монархистом, кто-то выступал

за социальную справедливость, и здесь, так или иначе, это всё находило объединение, синтез. Добровольцами из России сюда также ехали как люди левых взглядов, так и правых.

Было такое выражение, наверное, ещё в предыдущую эпоху, что Донбасс — это многонациональный, но русский край. Здесь Русский мир объединил все национальности, причём достаточно органично, по Достоевскому, с его идеей о русской всечеловечности.

Артём ОЛЬХИН,
главный редактор журнала
«Новая земля»:

— Изборский клуб начал работу у нас в июне этого года. Мы успели провести два заседания. Потом вокруг города сложилась очень напряжённая военная ситуация. Многие эксперты нашего

клуба были вынуждены покинуть город. Не так давно мы начали издавать журнал Изборского клуба Новороссии, который называется «Новая земля».

Что касается синтеза правых и левых у нас. У бойцов «Беркута» я видел не раз нашивки, шевроны на рукавах, там, где половина имперского флага и половина советского. Вот это идеальное отражение того, какая сейчас парадигма. И в принципе, мне кажется, Новороссия может эту парадигму воплотить. А для Донецка самой кипящей, центральной точкой, на мой взгляд, стало 23 февраля, когда нас напугали приездом сюда «Правого сектора». Это, как позднее выяснилось, была дезинформация. Но тогда вышло огромное количество мужиков, было сформировано, как мне помнится, 13 или 14 так назы-

ваемых взводов. Мы тогда были вооружены черенками лопат – другого оружия не было.

В результате начальство городское, бывший губернатор и т.д. пришли, сказали нам: «Вы молодцы, вы отстояли город; автобусы, которые шли с запада Украины, остановлены». Мы расходимся по домам, включаем дома телевизоры, а там губернатор нашим же донецким журналистам говорит: «Я являюсь последовательным сторонником евроинтеграции точно так же, как и мой кумир Збигнев Бжезинский». И на следующей неделе (это было как раз в выходные 1 марта) началась Русская весна. Собралась полная площадь народу, туда пришла колонна под русскими знамёнами, в формировании которой мы принимали участие. И они нам что-то со сцены рассказывают, а мы на все их обещания и аргу-

менты кричим одно слово: «Россия!» Вся площадь завелась, и всё.

И вот сюда пришла Россия...

Юрий СИВОКОНЕНКО,
координатор СВД «Беркут», кандидат в президенты ДНР:
– Нашей организации Донецкого областного совета ветеранов ОМОН и «Беркута» уже в этом году 12 лет. Мы с ноября 2013 года поддерживали ребят, которые выехали выполнять свой профессиональный долг в Киев. Поддерживали их морально, помогли бельём, когда холодно стало, и так далее. И когда парни вернулись, ни одного целого не было: все или обожжённые, или побитые были. У нас из подразделения донецкого 18 человек приехали с огнестрелами, ещё тогда, когда оружия не было у наших бойцов. Были и тяжёлые ранения – попадания и в голову, и в сердце нашим ребятам. И здесь реально встречали их, как героев. Встречали хлебом-солью, цветами.

Александр Андреевич, я хотел бы вам подарить вымпел, он знаковый, потому что здесь есть несколько лозунгов. «Честь и доблесть» – это наш символ, «Служу вере православной, Отчеству и спецназу» – это наш девиз. А в славянском единстве – наша сила. С другой стороны этого вымпела стихотворение – его ребёнок написал. Это стих, посвящённый 9 Мая. Я, с вашего разрешения, его зачитаю.

*Если каждый на планете
не захочет воевать,
И весной на рассвете будет
деревце сажать.
А потом построит домик, пусть
хотя бы из песка,
Домик тот никто не тронет –
не поднимется рука.
Потому что не разрушить то,
что сделано любя,
Потому что домик нужен
для тебя и для меня!*

Вот мы ради этого и встали — чтобы дети могли писать стихи, праздновать эти же дорогие для нас, для отцов, прадедов наших даты, память светлую воинству, которое совершило этот великий подвиг и победило фашистскую чуму, сломало фашизму и нацизму хребет. И мы встали для того, чтобы вся эта нечисть не пришла в наш дом.

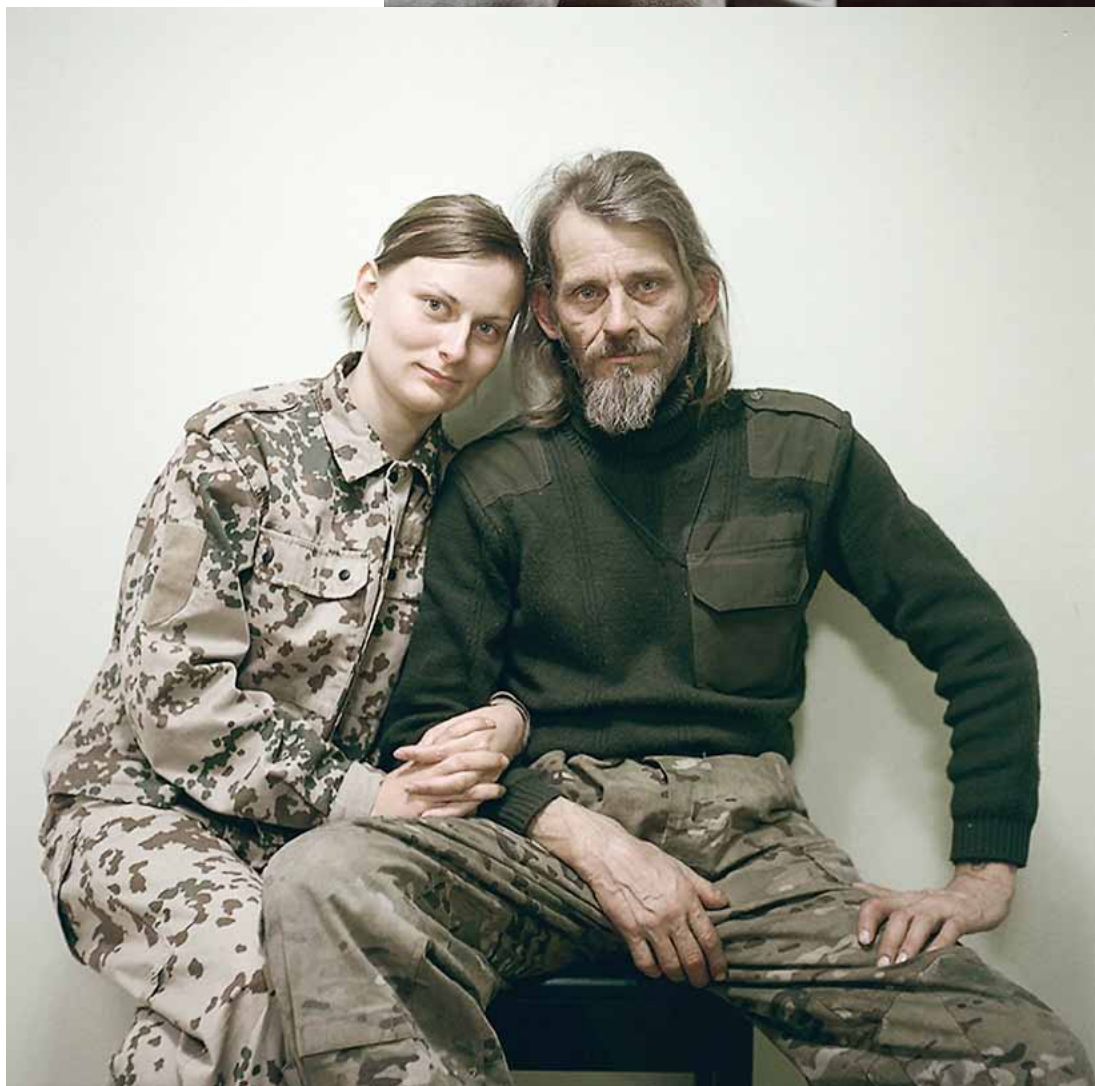
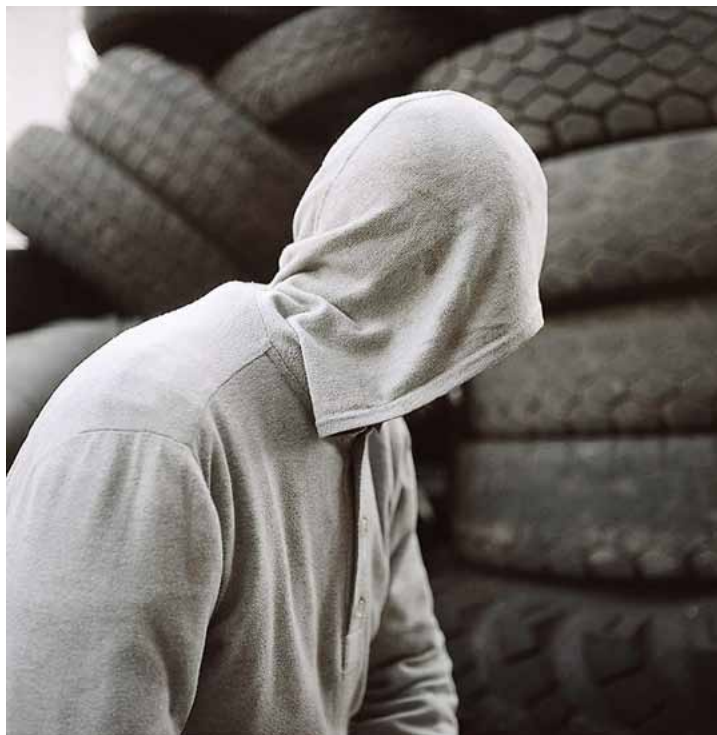
Кирилл ЧЕРКАШИН,
декан истфака ДонНУ:

— До сих пор на Украине господствовала идеология для нас чуждая. Государство и Родина были разделены фактически. Сегодня, наконец-то, может произойти соединение патриотизма и государственности.

Я по своей сфере научной деятельности тесно связан с социологией, с социологическими опросами. Не так давно у нас проводились опросы по теме «Что больше всего волнует граждан?» И были показатели следующие: на первом месте – война (то есть близость боевых действий); второе – это невыплаты зарплат, пенсий, стипендий и безработица; и третье – криминальная ситуация, не всегда благополучная.

С другой стороны, очень большая проблема – будет у нас олигархическое государство или нет. Мы действительно построим новую Новороссию или же это будет повторение какой-то клановой системы,

когда идеология поверхностная, — это одно, а внутри — что-то совершенно другое? Мне кажется, для большинства населения проблемы — война, выплаты пенсий, зарплат, стипендий и преступность — это то, что сейчас лежит на поверхности. В стратегическом отношении наибольшая проблема — как создать действительно справедливое государство и получится ли это сделать. Это волнует всех.

Ну по крайней мере мы пытаемся.

Роза ТИТОВА,

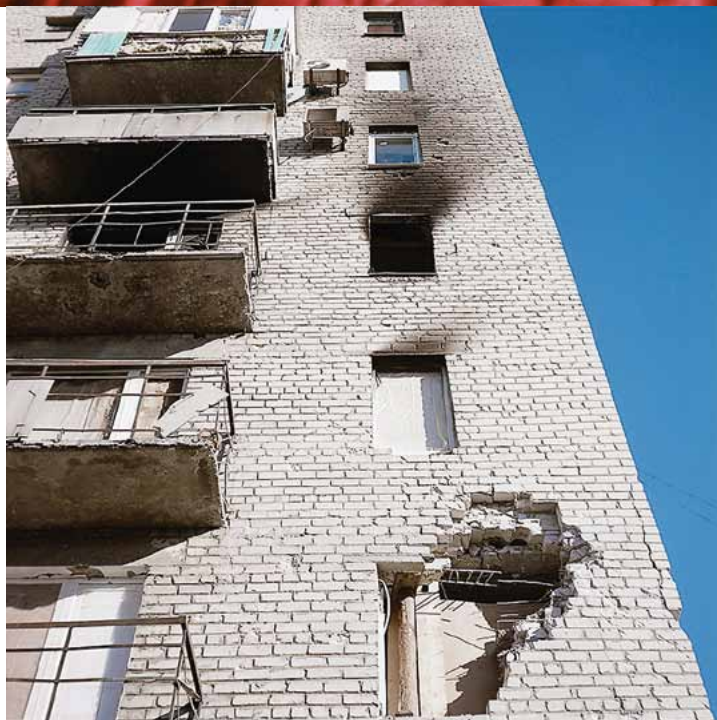
движение «Новое время»:

— Поскольку я работаю на горячей линии, принимаю звонки

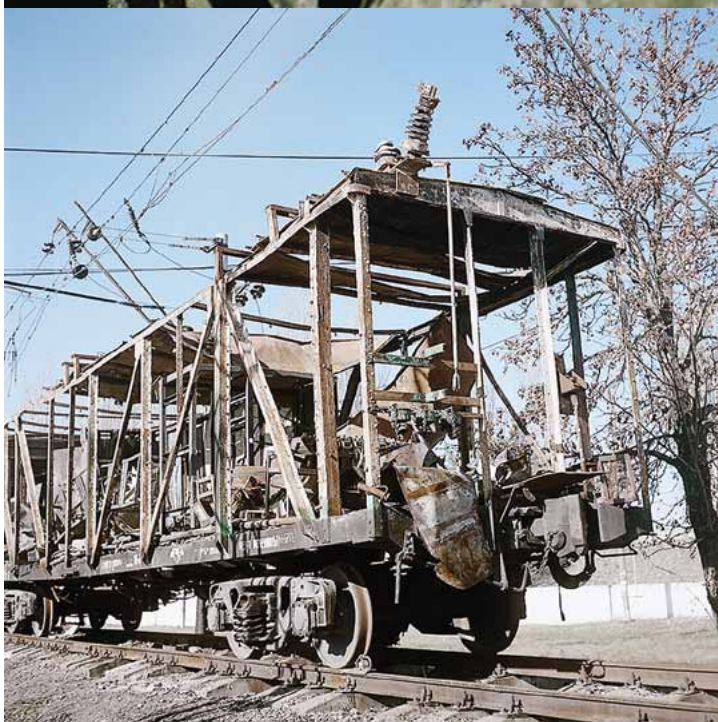

множества людей, могу подтвердить: пенсии беспокоят, зарплаты, пособия; беспокоит, конечно, война, бомбёжки. Но всё-таки большинство людей беспокоит, не напрасны ли были эти жертвы, которые уже принесены, и сможем ли мы действительно построить справедливое государство? У людей есть страх, что опять придут какие-то подставные люди, купленные, от сильных мира сего, надевшие овечьи шкуры. Подобно тому, как Коломойский смог внедрить своих людей — не участвуя в выборах на Украине, он фактически является там третьей силой.

Наше движение «Новое время» предлагает как возможный вариант создание уже на этом

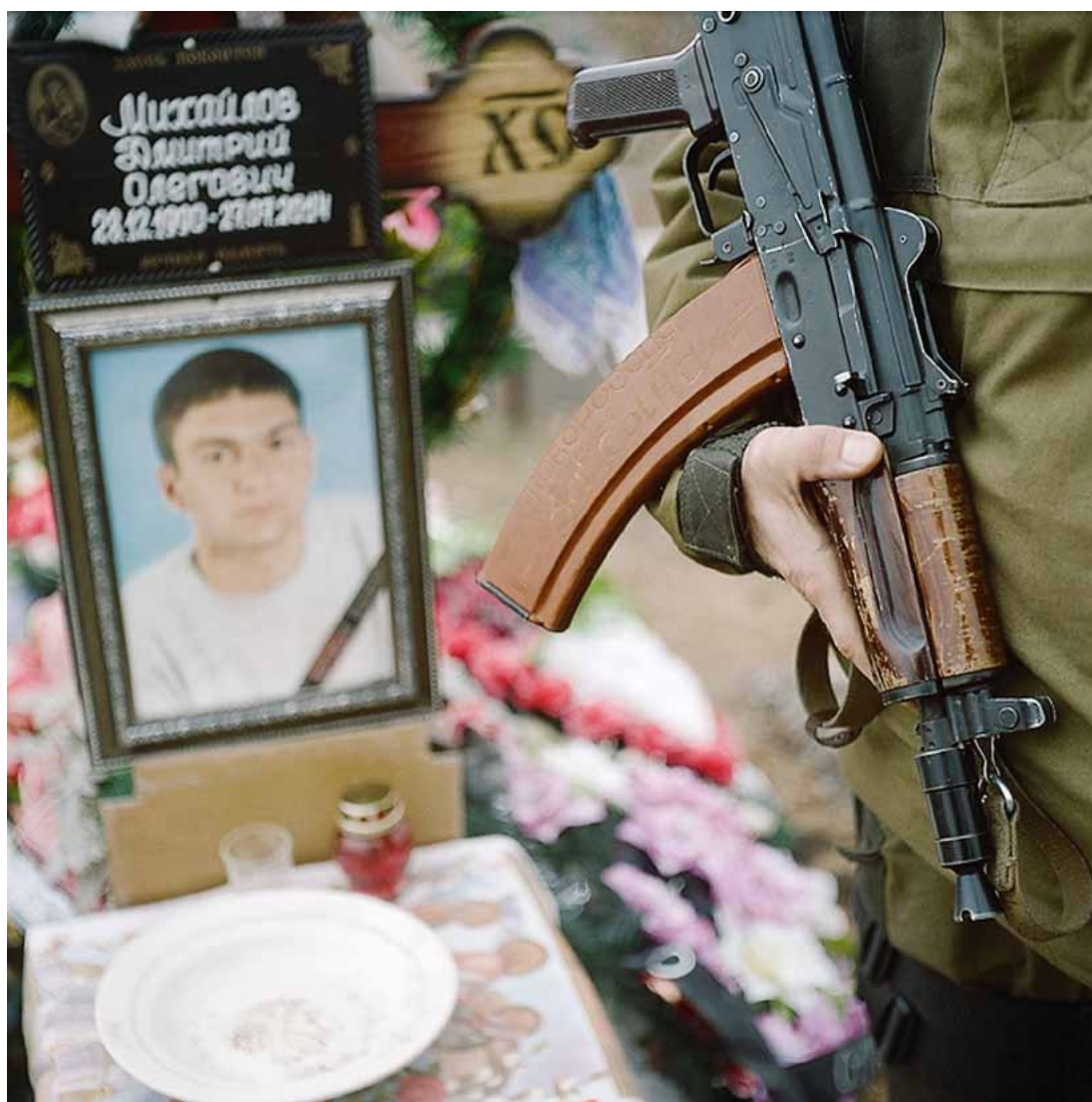

этапе структуры народного контроля. Нам нужна система с элементами электронного правительства, когда любой человек может обратиться с претензией или со своим каким-нибудь вопросом, если он увидел нарушение прав, чтобы его услышали.

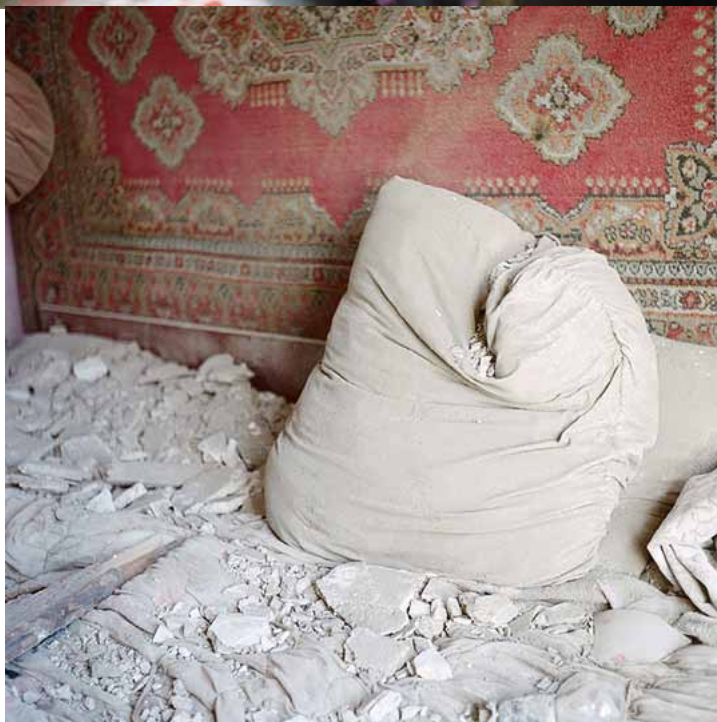
Андрей КОНОВАЛОВ,
доцент ДонНУ:

– Задачи Изборского клуба – это сохранение, развитие, защита Русского мира как территории гармонии людей разных национальностей и религий. Цель Изборского клуба в Новороссии – это создание таких условий, при которых территории Новороссии могут войти в лоно нашей Матушки России: либо

прямо, по примеру Крыма, либо опосредованно, через союзное государство. На первом заседании Изборского клуба мы сформулировали три главных на данный момент направления развития Новороссии.

Первое – это преодоление табуирования самих терминов «Новороссия», «ДНР», поскольку был на них запрет, а люди в массе своей не знали, что такое Новороссия. Вторая важнейшая задача – это защита, в том числе военная, нашей земли. Третий блок задач связан с институционализацией новой власти, преодолением сопротивления тех олигархов, которые попытаются заблокировать наше воссоединение с Матушкой Россией. Мы

не имеем права останавливаться на этом пути.

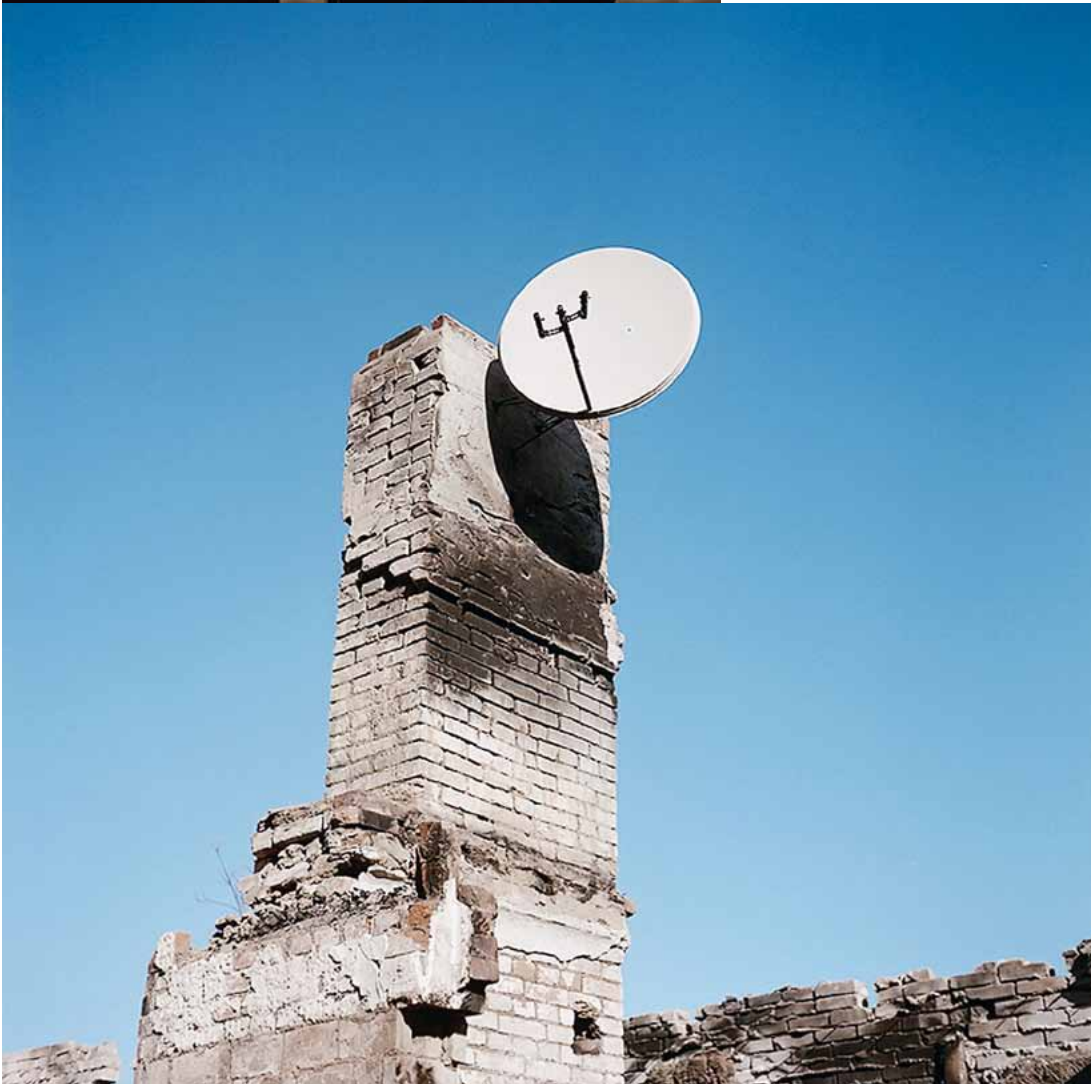
Сергей БАРЫШНИКОВ:

— Я добавлю чуть оптимизма, пусть на йоту. Был в вашем университете до недавнего времени фактически центр НАТО, под какой бы вывеской он там ни действовал. И он превратился в такую машину по формированию у наших студентов соответствующих взглядов. Теперь его нет. Зато появился филиал Изборского клуба.

Иван РЕВЯКОВ,

культуролог:

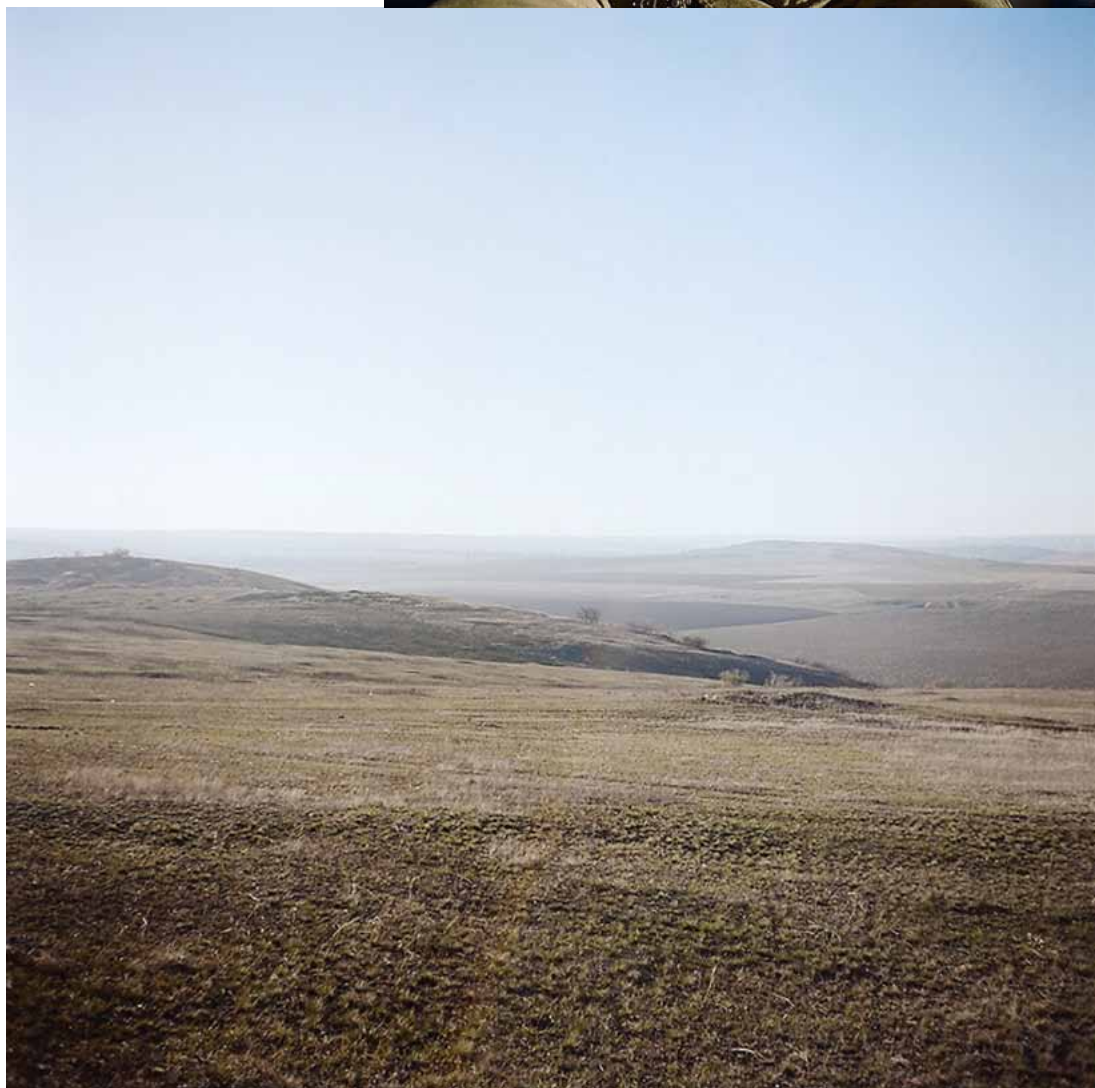
— Что такое Новороссия? Это не просто историко-географическое понятие. Это понятие,

которое указывает, прежде всего, на обновление России. Сегодня духовное обновление России должно начаться, как мне кажется, именно с Новороссии, которая благодаря своему географическому положению с точки зрения сакральной географии олицетворяет пограничную зону, территорию встречи Суши и Моря. Давайте вспомним о том, что мифическое Лукоморье, которое, по представлениям древних славян, является соприкосновением с сакральным, запредельным миром, также находится на территории Донецкого края, недалеко от Новоазовска, рядом с селом Безымянным.

Что такое теория «Москва – Третий Рим»? Здесь мы можем

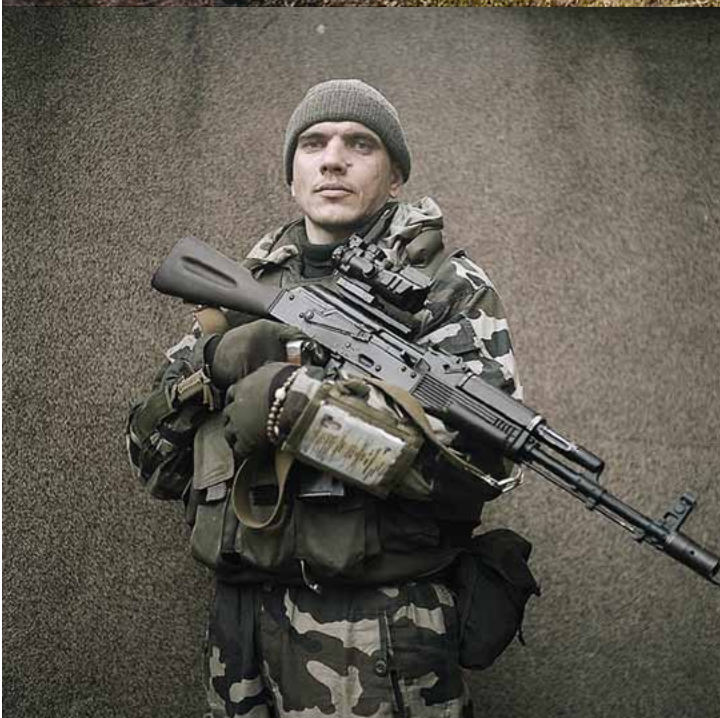
говорить прежде всего о соборном государстве как о единстве вер, этносов и наций. И именно постоянная связь земного и небесного и делает концепцию Москвы как Третьего Рима эсхатологической, то есть повествующей о завершении неправильных времён. Другие нации, народы, этносы обозначаются именем существительным, тогда как в русском языке понятие «русский» как прилагательное указывает на духовные качества каждого человека, как будто каждый может стать русским. И вот, как мне кажется, одной из духовных задач Новороссии является, в том числе, и напоминание о глубоко скрытой в каждом человеке русскости.

Шавлеги ЛУРСМАНИШВИЛИ,
*зампред общественного
совета при Верховном
совете ДНР:*

— Я хочу заострить внимание на идеологической платформе будущих наших государств, будущего постсоветского пространства. Мне кажется, что мы чего-то боимся, что мы ходим вокруг да около, но почему-то не говорим главное, к чему мы должны стремиться. Само понятие «империя» у нас приняло отрицательный, отвратительный оттенок. Однако империя сидит у нас в голове и в сердце. Империи, как мы знаем, всегда существовали, и сейчас они есть, но почему-то мы не признаём себе в этом.

Разрушение нашего государства в 1917 году поломало наш код, уничтожило тот стержень, который всех нас объединял. Это принесло людям большую кровь, большое горе. И то же самое повторилось с Советской империей. Я всячески призываю вас педалировать эту тему, чтобы люди поняли, что такое империя, какие блага она приносит каждому из нас и какое значение она имеет для утверждения в сложном конкурентном мире с его геополитическими противоборствами. Нам необходимо вернуться к имперскому коду, который заложен в нас.

Владислав ШУРЫГИН:

— Я бы начал с небольшого заявления. Нужно отдавать себе

отчёт, что разговоры о том, «слила» Россия Новороссию или нет, закончены. Россия пришла сюда надолго, навсегда. При этом нужно понимать, что она очень сильно ограничена во многих вещах, потому что Россия на себя взвалила тяжелейший груз санкций. И заходить на Донбасс, как в 1943 году, с развёрнутыми знамёнами и, что называется, парадом, невозможно.

Одна из иллюзий, которых я бы хотел, чтобы вы избежа-

ли, это иллюзия того, что само по себе вхождение в Россию что-то решает. Скорее оно приносит новые проблемы. Просто потому, что Россия — это громадное пространство, и хотя мы действительно составляем абсолютное духовное единство, мы технологически очень сильно разорваны. Приведу простой пример: мой близкий родственник занимался в Крыму паспортизацией. В первый месяц они просто пытались понять, что де-

лать, потому что Россия уже 10 лет как перешла на электронные базы. Оказалось, что никаких электронных баз нет и нужно рукой карточки заполнять, и так, в принципе, почти по всей Украине. Просто это к вопросу о том, как технологически не всё стыкуется и насколько это нелегко осуществить.

Впереди есть ещё несколько очень сложных периодов. Конечно, главное — это война. Часть Донбасса остаётся оккупиро-

ванной. Это серьёзная проблема, потому что очень многие вещи, ключевые для инфраструктуры, остаются там. Вторая проблема, на мой взгляд, — это зима. По тому, как зима пройдёт, вообще можно будет судить о том, насколько республика состоится, поскольку это будет экзамен для власти, а также в какой-то степени экзамен для людей на преданность республике. Разочаруется в итоге народ или не разочаруется — это очень важный момент. Третий момент, абсолютно актуальный, этим занимаетесь вы каждый день, — это борьба с преступностью. После того как Украина отсюда ушла, все поняли, что юридическая система унич-

тожена, уничтожена система правозащиты, когда поступил приказ милиции покинуть Донецк и перейти частью на Одессу, частью на Харьков. Регион был спровоцированно брошен Украиной под преступность. И от того, насколько быстро будет наведен порядок, очень многое зависит.

Я бы хотел выразить глубочайшую благодарность Донбассу, донбассцам, потому что так же, как и Крым, вы впервые за эти годы мучительного противосто-

яния внутри России соединили нашу власть и наш народ, помогли нам преодолеть раскол в обществе. И Россия сегодня вступает в новую эпоху именно благодаря вам, и мы совершенно по-другому сейчас себя осознаем.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*исполнительный секретарь
Изборского клуба:*

— Я буду больше говорить не о том, что мы наблюдаем,

а о том, что могло бы произойти, о неких возможностях, которые сегодня заложены. Из диалога с вами нам многое становится понятно, потому что важнее услышать факты из первых уст, чем когда мы читаем какую-то информацию в Интернете и СМИ. Сегодня вы замечательно обрисовали картину происходящего у вас синтеза «красных» и «белых». Вы знаете, что Изборский клуб посвятил свой третий доклад

этой теме. В России этот синтез очень тяжело протекает. Но я бы не стал идеализировать и этот процесс у вас, потому что на сегодняшний день он успешен только по одной простой причине: он протекает вокруг образа врага, он протекает за счёт энергии Антимайдана. Когда будет одержана окончательная победа, государство утвердится, синтез «красные – белые» столкнётся с новыми сложностями. Поскольку его гораздо сложнее осущест-

влять в мирных, стабильных условиях. И в то же время здесь перспектива развития Русского мира, русской цивилизации – перспектива безальтернативная, потому что альтернативой этому синтезу могут быть только новая смута, новый распад, новая деградация.

Еще хотел бы отметить, что очень отраднo было слышать и слова о необходимости обновлённого, свежего прочтения понятия «империя». Согласен

и с теми, кто говорил сегодня про необходимость народного контроля, и с теми, кто говорил, что нельзя его абсолютизировать, потому что народный контроль может сыграть выдающуюся роль в условиях чрезвычайного положения на коротком историческом отрезке, а потом, безусловно, нужно создать очень чёткие юридические механизмы.

А теперь по вопросу, наверное, самому сложному – по вопросу об олигархах и справед-

ливости. Всё постсоветское пространство погружено в кислотный раствор клановых отношений. Мы все пострадали от этого и продолжаем страдать. Кланово-олигархический строй стал ничем иным, как опусканием на несколько порядков ниже по отношению к советской системе. Индустриальный уклад, завод или фабрика, был демонтирован и превращён в рынок, в «восточный базар». За красивым словом «рынок» скрывались

деградация и разрушение более сложных и совершенных социальных систем. Как бы мы ни относились к большевистской революции и к советскому периоду в целом, была выстроена передовая социальная система, которую все мы теперь утратили.

Когда поднимается вопрос о творении нового мира, «Новой России», мы сталкиваемся с вопросом: а что же Большая Россия? Если здесь, на Донбассе, произойдёт этот прорыв к на-

родному государству, то Большая Россия начнёт отставать и объективно будет тянуть назад. Поэтому для того, чтобы проявить авангардную волю строить здесь Россию Новую, более справедливую, необходимо обладать, может быть, и большей смелостью, чем на фронте. Поскольку внутренний враг энтропии страшнее, чем внешний враг, которого ты ясно видишь, чётко понимая, что с ним следует делать.

Эта задача очень благородная. Если бы интеллектуальная элита Новороссии взяла на себя эту задачу, мы бы её поддержали всеми силами.

Александр ПРОХАНОВ:

— Мне кажется, не нужно полагать, что Изборский клуб Новороссии будет в состоянии формировать органы исполнительной власти, например, или делегировать в политику тех или иных пассионарных лидеров и людей. Это произойдёт само собой. Необходимо, чтобы Изборский клуб Новороссии формировал доктрину, формировал идеологическое поле, через которое он мог бы корректировать те социально-политические процессы, которые происходят и будут происходить в вашем государстве.

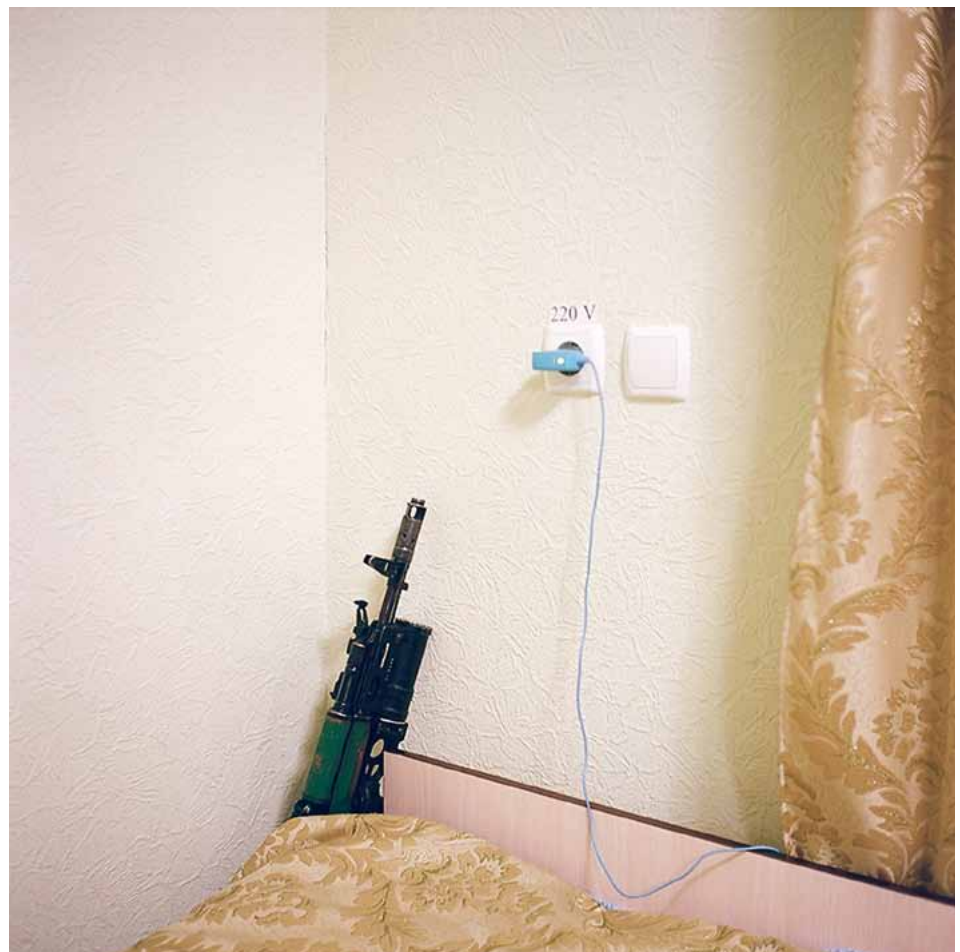
Россия жила все эти годы, после 1991-го, в недрах либерального идеологического проекта, который себя исчерпал, но который до сих пор держит Россию в своего рода тенетах. И Россия бьётся, пытается разорвать эти тенеты, ищет выход из этого либерального кокона, и я убеждён, что она найдёт и во многом находит выход из этого кокона. При этом Путин, если следить за его выступлениями и деяниями, демонстрирует стремительную эволюцию своих представлений о государстве, о России, о мире, о смысле русского народа и, по-видимому, о своём собственном предназначении.

Работа, которая проведена русским самосознанием, с одной стороны, сложна, а с другой — очень проста. Мы апеллируем к традиционным национальным кодам, которые в постсоветский период были стёрты, замутнены, вырваны из материка исторического и заменены фальшивыми чуждыми кодами. И наши традиционные коды при система-

тизации сводятся к нескольким обобщающим положениям.

Первое из них: вся история государства Российского — это история нескольких империй. И сейчас мы находимся в стадии формирования пятой империи, причём находимся на её восходящем отрезке, когда выстраивается новое государство. Будущее российское государство — это имперское государство. Имперское в том смысле, что это симфония, это союз пространств, союз народов, культур, верований, языков. Это соединение не математическое, не механическое, а соединение через сложнейшую нелинейную божественную функцию, через симфонию. И события в Новороссии, мне кажется, надо рассматривать в лоне восстановления традиционного российского имперского государства.

Второй постулат, который тоже не высосан из пальца, а является итогом исследования великих русских текстов, начиная от волшебных сказок, через учение старца Филофея о Третьем Риме, потрясающей метаисторической инициативы патриарха Никона, который перетащил под Москву, к себе «под бок», топонимику Святой земли, — к трудам русских религиозных мыслителей и к великому красному сталинскому проекту, где была осуществлена идея справедливости. Все эти тексты, все эти мечтания, все эти поэмы Пушкина, все эти тексты славянофилов, да и западников многих говорят о том, что в недрах русской идеологии лежит концепт справедливости. Причём если предшествующий сталинский период уповал на социальную справедливость и,

к сожалению, не выдержал исторического напряжения, то в грядущем идея справедливости, которой чаёт мир, по которой истосковалось человечество, без которой человечество превращается в огромный концентрационный «мешок», должна быть окрашена божественным смыслом.

Справедливость – это универсальная формула, по которой был создан мир, было создано человечество. Дей-

ствительно, Россия мечтает о низведении неба на землю, об исполнении вот этой единственной, оставленной нам Спасителем молитвы, в которой Господь учит нас просить о том, чтобы воля Его была как на небе, так и на земле. Поэтому идея Царствия Небесного, реализованного в русской жизни, – это и есть грандиозная, растянутая на тысячелетия русская идея. И она никуда не ушла. Это мессианская идея русского народа.

Дело Новороссии – это мировое дело, потому что здесь Новороссия выдерживает очередную удар мировой тьмы, ибо речь идёт о создании на границах с Россией натовского радикального фашистского государства. Вот магма раскалённая, которая, казалось бы, была погашена и застыла в 1945 году, будучи загнанной глубоко в кратер, сейчас вновь вылилась и мир стоит перед угрозой глобального фашизма.

Европа стоит перед возможностью создания нескольких фашистских государств. Новороссия встала на пути этой тьмы, и в этом смысле люди Донбасса выполняют вековечную русскую задачу, они находятся в поле вот этого великого и, может быть, трагического русского мессианства — переведения тьмы в свет, остановки тьмы на том рубеже, где ей даётся беспощадный, кровавый, жестокий и, может быть, нескончаемый бой.

Новороссия реализует здесь русскую мечту в её современном проявлении, в её современной трактовке. Было бы прекрасно и важно, чтобы вы, наполненные этим сражением, наполненные этой борьбой, своими скорбями, своими слезами, своими верованиями, молитвами своими великими, чтобы вы на своём донбасском языке сформулировали вот эту идею новороссийского мессианства для построения здесь, в Новороссии, общества, пускай

сказочно прекрасного, пускай недостижимого, но — общества идеальной божественной справедливости. И Россия, которая сидит, как птица на ветке, и которая неизбежно взлетит, будет подчиняться тому же самому закону.

Новороссия — это фермент. Это фермент, который брошен в большую русскую квашню. И русское тесто, которое уже начало всходить, получает эти вот донбасские дрожжи как замечательный стимул для нашей русской мечты.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Донбасс

ГОВОРИТ ПО-РУССКИ!

Приезд небольшой делегации Изборского клуба в Новороссию пришёлся на последние дни октября, перед самыми выборами президентов и депутатов в двух республиках Донбасса. В делегации — председатель клуба Александр Проханов, наш военный эксперт, заместитель Проханова по газете «Завтра» Владислав Шурьгин, арт-директор журнала «Изборский клуб» Василий Проханов, не расстающийся с фотоаппаратом, и автор этих строк.

Фронтовой концерт. На передовой в районе Мариуполя. За два дня до выборов в непризнанных республиках Донбасса мы следуем вместе с кандидатом в президенты Захарченко, артистами Музыкально-драматического театра через блокпосты в одну из отдалённых деревень неподалеку от побережья Азовского моря. Вдоль трассы в складках местности и перелесках можно заметить вкопанные в землю танки.

На месте нас встречает отряд ополчения и население небольшой деревни. Местные

жители окружают Захарченко, они долго беседуют. Он — человек из народной среды, говорит просто, незатейливо, слушает внимательно, старается морально поддержать, решить первостепенные нужды.

В одном из дворов штаб участка фронта, склад с боеприпасами. Актёры устанавливают посреди улицы усилители и начинают петь песни из репертуара фронтовых концертных бригад времен Великой Отечественной. Александр Проханов попросил спеть «Тёмную ночь» — просьбу тут же исполняют. Звучат также песни Высоцкого, Митяева, некоторые из эстрадных шлягеров. Многие в толпе подпевают. Один из мужичков пускается в пляс. Я слышу замечание кого-то из местных: «Скорей бы закончилась война, тогда все будем танцевать».

Усталость в народе от военных действий, застигших их край врасплох, заметна повсюду. И в то же время ощущается редкостное единодушие — мы здесь поём свои песни, а Киев, как марионетка, пляшет под дудку американцев.

Донбасс — русская земля. Это общераспространённое убеждение.

Слово берёт Захарченко, которому предстоит через несколько дней стать первым президентом республики. Он говорит одновременно с бойцами и с немногочисленными жителями деревни. В его словах соединяются бескомпромиссность по отношению к врагу, готовность к самопожертвованию — с волей к мирной жизни, к обустройству быта людей, измученных трагедией войны. Он желает ополченцам вернуться домой целыми и невредимыми, мирным гражданам обещает сделать всё возможное, чтобы их жизнь стала лучше. Затем он обращается к артистам: «Война — это не только «Ураганы», «Смерчи» и «Грады». Эта музыка на фронте доказывает, что мы их не боимся и отвечаем силой искусства, а не оружия. Очень здорово, что вы это делаете! Каждое поколение сочиняет свои песни, и у нас обязательно будут свои песни, которые мы будем слушать и плакать от них».

После Захарченко выступает Проханов. Он говорит о столкновении мирового зла и добра, о том, что униженная и растоптанная Россия наконец-то поднимается с колен. Его речь исполнена эсхатологических мотивов. Бойцы ополчения расстроганы. Они подходят к Александру Андреевичу, бережно обнимают его, просят сфотографироваться с ними.

Концерт тем временем возобновляется. Это самое необычное из «предвыборных» шоу, которое нам довелось видеть. Совсем рядом, порядка одного километра от этого места, позиции украинцев. Мощный звук усилителя должен доносить эти песни и до их слуха.

Обратно в Донецк нужно проехать через несколько блокпостов. Мы опаздываем на несколько часов, потому что через блокпосты пропустят только всю колонну. В Донецке нас ждут в конференц-зале ДонНУ — Донецкого национального университета.

Мы сильно удивлены: несмотря на наше опоздание, никто не ушел. Здесь не только члены местного отделения Изборского клуба, созданного ещё в июне, но и многие не входящие в него эксперты, общественные деятели, журналисты, которые ждали этого события. Мероприятие открытое — пришли неравнодушные, кому это интересно и важно.

Накануне, 29 октября, в этом же университете мы провели первую встречу — выступили перед большой аудиторией студентов и преподавателей. Студенты задавали множество вопросов. «Быть может, сами ополченцы не догады-

ваются об этом, — говорил Проханов, — но они сегодня держат на своих плечах покачнувшийся мир, сегодняшний зыбкий, неустойчивый, ядовитый, огненный и трагический мир». «Русский народ несёт в себе коды, которые не позволяют ему войти в Европу, в потребительскую цивилизацию. Так считают наши либералы. Когда угоняют машины, у них зубилами с мотора выбивают номера и перебивают эти номера. Вот такая же задача была поставлена либералами, и 15 лет у русского народа, у советского народа пытались выбить наши коды, такие как героизм, взаимопомощь, милосердие, творчество, самопожертвование. И сегодня возвращение кодов — мучительный, но неизбежный процесс».

В заседании клуба 30 октября участвуют и первый вице-премьер Андрей Пургин, и еще один кандидат в президенты ДНР, глава ветеранской организации «Беркут» Юрий Сивоконенко. Ведёт заседание Изборского клуба Новороссии один из его сопредседателей ректор ДонНУ Сергей Барышников. Он один из тех историков, кто обосновывает новую страницу в судьбе Новороссии как органичное развитие его прошлого начиная с заселения в XVIII веке колонистами из Большой России.

Участники заседания с донецкой стороны подробно отвечают на вопрос о том, как протекает на Донбассе идеологический синтез «красных» и «белых» — этот процесс они считают ключевым для понимания феномена Новороссии XXI века. Вице-спикер Верховного совета ДНР Мирослав Руденко, один из лидеров местных изборцев, редактор журнала «Новая жизнь» Артем Ольхин подробно рассказывают о соединении левых и правых политических сил, о пробуждении здесь энергии Русской весны. Ректор Барышников подчёркивает, что успешность синтеза «красных» и «белых» идей связана с тем, что он протекает вокруг образа врага, в результате антимайданного консенсуса.

В заключение слово предоставляют москвичам. Влад Шурыгин заверяет собравшихся, что разговоры о «сливе» Россией Новороссии закончены. Россия пришла сюда надолго, навсегда. Он выразил глубочайшую благодарность донбассцам за то, что они, вместе с крымчанами, впервые внутри России соединили власть и народ, помогли преодолеть раскол в обществе.

Слово берет Александр Проханов. Он говорит об идее божественной справедливости — мессианской идее русского народа. «Эта укоризна, которую русский человек бросает прежде всего себе самому, а потом остальному миру, очень

дорого обходится России, потому что мир не принимает этой укоризны, мир хочет, чтобы Россия перестала укорять его в несправедности. Мир хочет, чтобы господин Путин перестал в своих валдайских речах называть Запад «Содомом», например. Ему неудобно чувствовать себя фабрикой зла и тьмы. И поэтому он насылает на Россию нашествия начиная от Стефана Батория, Наполеона, Гитлера, а сейчас и НАТО».

Александр Андреевич призвал Изборский клуб Новороссии и всех патриотов Донбасса сформулировать «своими словами» идею русского мессианства и справедливости. Он назвал Новороссию ферментом, брошенным в русскую квашню. И теперь весь Русский мир должен «взойти» как хорошее тесто — он будет восходить непременно и неостановимо.

Мы здесь — посланники Большой России, мы говорим от лица Русского мира, выражаем добрую волю и чаянья миллионов русских людей, которые поддерживают народ Донбасса.

Присутствие России в Донецкой республике в эти дни было очень заметным. Днём раньше нас в Луганске и Донецке пел Иосиф Кобзон. Параллельно с нами даёт свои концерты Александр Скляр и его группа, которых привез Захар Прилепин. Одновременно в ДНР побывал Михаил Пореченков, снявшись в постановочном телекадре с оружием в районе донецкого аэропорта, чем очень разозлил киевские власти.

В эти же дни на Донбасс прибыли из России два гуманитарных конвоя — 4-й и 5-й. Привезли они стройматериалы, медикаменты, продовольствие. Мне довелось видеть, как эти конвои небольшими группами, по 10–15 машин, стремительно продвигались по местным трассам (часть их направлялась в Донецк, часть — в Луганск). Груз очень важный. Стройматериалы накануне зимы важны не меньше, чем продовольствие. От взрывной волны во многих домах выбиты стекла. Эта проблема затронула многих. Ведь стекольный завод остался по ту сторону фронта. Стекла взять негде. Вся надежда на Россию.

Но стекла — это полбеды. Страшнее другое: несколько городов буквально разгромлены. В их числе Горловка, Еленовка, Первомайск и многие другие. Сильно пострадал Луганск. На улицах Иловайска, по которым я проезжал, повреждено каждое второе здание, многие дома разрушены до основания. Впечатление такое, что здесь была не точечная, а тотальная война.

Ощущение, что попал в условия Великой Отечественной, возникает, когда находишь-

ся в народной толще. В рейсовых автобусах, следующих из Донецка в Таганрог и Ростов, полным-полно людей. Люди заполняют проходы, сидят с детьми на тюках и сумках. Люди терпеливы, они не унывают. Это все тот же русский народ, что и всегда.

В первый же вечер нас пригласил на встречу-знакомство премьер республики Захарченко. Разговор с ним уходит за полночь. Это не интервью, — диктофоны выключены, — это именно разговор по душам. Мы слышим много такого, что в голову не пришло бы ни при каких обстоятельствах. Перед нами возникает картина странной войны, идущей не по классическим законам, не изобретённой, не придуманной, а вызванной чрезвычайными обстоятельствами. Не формальная логика борьбы с врагом, а железная, изощрённая логика жизни, логика выживания в условиях, которые не предусмотрены учебниками и обычными нормами права, — вот что определяет решения политиков, вождей новорождённых республик.

К числу странностей относится, к примеру, тот факт, что Луганская республика всё время боевых действий не переставала продавать Украине уголь. Другая странность — и Луганск, и Донецк до сих пор перечисляют налоговые отчисления в Киев. Объясняется это тем, что на Донбассе нет своей банковской системы. Чтобы люди могли получать пенсии, договорились с одним из украинских банков — условием же его работы в регионе являются выплаты налогов в центр.

Полевые командиры на Донбассе вынуждены не только воевать, но и выполнять функции власти на местах. В каждом из сегментов, закреплённых за тем или иным отрядом, накопилась куча проблем. Буря войны обязательно выносит на поверхность и мутную пену криминала и мародёрства. Донбасс здесь не исключение. Навести правопорядок — первостепенная задача новой власти. Конкретные батальоны ополчения находятся на самообеспечении, стандартные правовые и силовые механизмы пока не работают. Так, чтобы нормализовать жизнь, переделывают местное налогообложение.

От наших собеседников мы услышали и забавные истории войны. Так, например, во время обмена пленными ополченцам не хватало 20 человек укров для обмена. И тогда вышли на передний край и в мегафон сказали: «Ребята, кто хочет завтра уехать домой, нам нужно 20 человек». В итоге перебежало 60 человек. 40 лишних перебежчиков пришлось переада-

вать по «обмену» в нагрузку к требовавшемуся числу пленных. После чего на радиочастоты вышел украинский командир и стал укорять наших, что они поступают нечестно, что так у украинцев людей не останется.

Однако эти курьёзные случаи обманчивы. Война идёт чрезвычайно жестокая. Захарченко рассказывает о войне как об обыденном для себя деле. Но становится понятно, что мы имеем дело со своего рода военным гением. Не имея военного образования, не будучи кадровым офицером, этот человек, которого бойцы называют «батей», возглавлял операции, в которых малыми силами успешно противостоял десятикратно превосходящему противнику и громил его.

«Шахтёрск для нас — как Сталинград», — говорит командир. 170 ополченцев и 6 единиц боевой техники противостояли в этом городе примерно трём тысячам украинских солдат и 200 единицам боевой техники. Получается, что это даже не Сталинград, а нечто сродни военным чудесам Александра Македонского или Суворова.

Сам Захарченко немногословен в ответе на вопрос о силе воинского духа ополченцев. У шахтеров особое отношение к смерти, го-

ворит он. Тот, кто каждую смену спускается в забой, кто не понаслышке знает о завалах и авариях на шахте, и на войне ведёт себя иначе, чем обычные люди.

Другая причина доблести — менталитет Донецка. Здесь бытует поговорка: «Донецк не первый город в Украине, но он и не второй». Терпения у людей больше, чем на киевском Майдане, но когда терпение кончилось — произошло необратимое. Сегодня, после пролитой крови, после потерь в семьях, после страшных разрушений, Донбасс уже ни за что не вернётся в Украину.

— *У противника во многом утрачено чувство реальности,* — рассказывает один из военных лидеров Донбасса, командир батальона «Восток» Александр Ходаковский. — *К примеру, многие из них убеждены, что ополченцы сражаются за Януковича. Удачным ходом киевской пропаганды стало создание образа врага в виде России. Они употребляют уже такое выражение, как «отечественная война».*

Возраст ополченца — в основном от 25 до 45 лет. Это зрелые люди, понимающие, за что сражаются, осознанно идущие в бой. С украинской стороны, напротив, большинство — плохо обученные юные новобранцы либо же

активисты радикальных групп, малопригодные для регулярных боевых действий, больше склонные к митинговщине. Тем не менее Захарченко и полевые командиры, с кем нам пришлось разговаривать, признают: солдаты киевской армии — это славяне, по характеру они такие же, как мы, стойкие воины. Принижать их боевые качества не приходится.

На следующий день в Донецком музыкально-драматическом театре проходит благотворительный концерт с целью призвать мировую общественность к поддержке и восстановлению разрушенных учреждений культуры. Захарченко и Проханов выступают на этом концерте, состоящем из разных по тональности и символическому наполнению номеров. Здесь и песни, и групповые хореографические композиции, и выступления чтецов. В ходе концерта состоялась премьера новой песни, которая, хотя и без каких-либо претензий, но звучала гимном сражающейся республики:

*И если Донбасс
Даст военный приказ,
За землю свою
Встанет каждый из нас.
Донбасс говорит по-русски!
Да здравствует наш Донбасс!*

СБУ заявляло о том, что в день выборов в ДНР и ЛНР будут теракты и диверсии. Заявления эти довольно комичны, если учесть, что СБУ же и должно было организовывать эти диверсии, больше некому. Получается: мы сами организуем против вас теракты и сами же вас ими пугаем.

Выборы 2 ноября на Донбассе — это даже не выборы в обычном понимании, это не процедурный момент. Они имеют онтологический статус. На них люди идут для того, чтобы сказать: «Мы есть. Мы есть как субъект права, как народ».

Хотя мы и скорбим об утрате Российской империи, об утрате СССР, сегодня не так важно, сколько будет русских государств. Их может быть много: и Большая Россия, и Белоруссия, и Новороссия. Главное — сохранить русскую идентичность, уберечь свои земли от Евросоюза. Сегодня уже очевидно, что Запад готов «раскатать» остатки материальной мощи нашей цивилизации (на Донбассе это её производящие и добывающие предприятия, выжить которые могут только в связке с Россией). А с другой стороны, Евросоюзом готовился так или иначе разложить и уничтожить наши духовные корни, что также очевидно. Так что,

с какой стороны ни посмотреть, происходящее сегодня здесь — это в первую очередь самозащита Русского мира, спасение его от неминуемой гибели.

Чтобы построить здесь то справедливое государство, государство без олигархов, без коррупции и власти криминала, перспектива которого так сильно заботит людей (мы услышали эту заботу едва ли не во всех выступлениях на нашем заседании в Донецке), нужно обладать мужеством, может быть, и большим, чем на фронте. Потому что тяжелее всего сражаться с невидимым внутренним врагом, тяжелее всего получать предательские удары там и тогда, где и когда их не ожидаешь и не распознаешь.

Суть же проблемы справедливости проста. Строй олигархов с присущей ему клановой системой никогда не объявлял о своей идеологии открыто, но он провозгласил одним из своих центральных постулатов идею священной частной собственности. Нельзя сказать, что народы постсоветского пространства безоговорочно приняли это. Но этот постулат нам как будто бы негласно «спустили», и мы по нему живём. Между тем это не отвечает рамочным условиям справедливости. В справедливом обществе частная собственность не может быть священной. Она может быть неприкосновенной — и только при одном условии: если эта собственность не крупная. Действительно, стыдно отбирать у бедного человека то, что у него есть, отбирать последнее. Стыдно отбирать и у середняка его собственность, потому что она нажита упорным трудом. Но крупный капитал, безусловно, должен быть функцией государства, справедливого государства, потому что он является так или иначе производной всего общества.

Такой подход не означает автоматически социализма. Это могут быть очень разные формы. И Новороссия стоит сегодня перед целым веером возможностей, разных путей социального развития. И какой путь избрать, зависит сегодня от донбассцев, от их политиков и командиров. От расклада сил в обществе, от его моральной и интеллектуальной зрелости. Потому что не получится навязать передовую доктрину, «мудрую» идею, по которой люди должны жить, если нет необходимой степени внутренней зрелости общества.

Возможно, в Новороссии сегодня мог бы быть какой-то вариант госкапитализма, построенного на принципе очень сильного государства, способного обуздать крупный капитал,

указать ему его место, его миссию и функцию от общества. Если это получится сделать, то это и будет тот самый авангардный проект диктатуры развития, это и будет диктатура народа в том виде, как он сейчас есть.

Новороссия, наше Причерноморье — ключ к мировой гармонии с точки зрения Русского мира. Потому что здесь Россия как континентальная держава, наш континентальный мир получил возможности, позволяющие ему более-менее на равных играть с крупными мировыми субъектами. Поэтому через Новороссию Россия как в прошлом, так и сегодня восстанавливает равновесную модель. Ведь настоящая гармония заключается не в уравнивании законов и ценностей в разных мирах и цивилизациях, а совсем наоборот. Настоящая гармония возникает тогда, когда есть сильные полюса, и между этими полюсами есть существенное несовпадение и сильное напряжение. Настоящая гармония — это не убаюкивающее миролюбие, но скорее холодная война и готовность постоять за себя. Мы сегодня выступаем как глашатаи новой холодной войны, поскольку все мы убедились: прекращение или приостановка прежней холодной войны оказалась всего лишь лукавой уловкой.

И это остро чувствуется здесь, на Донбассе, где геополитическое Море опять посягнуло на геополитическую Сушу. И народ Новороссии сегодня гораздо острее и осязаемее ощущает на себе недоброе дыхание западной цивилизации, которая пришла на Украину сначала в своих прикрытых, превращенных формах еврореволюции, а затем вошла на Донбасс со скрежетом и гусеничным лязгом.

Сегодня здесь проходит ось истории, и на этой оси вращаются главные события нашего времени. Благодаря Крыму и восстановленной Новороссии Россия уже никогда не будет такой, какой она была несколько лет назад. Рубикон перейдён.

Будущность Новороссии, тот политический выбор, который она делает, скажется очень мощно на всём Русском мире. Здесь историческое время течёт с огромной скоростью. И через Донбасс сегодня Россию втягивает в новое неведомое будущее. Новороссия оказывается тем руслом, тем каналом, по которому будущее идёт навстречу настоящему Русского мира, ещё не преодолевшего 25-летний свой упадок и ослабление.

Это будущее — перелом от упадка к новому подъёму, к новому наступлению.

/ Владислав ШУРЫГИН /

Донецкий ДНЕВНИК

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
РЕПОРТАЖ ИЗ «ГОРОДА РОЗ»,
КОТОРЫЙ СТАЛ ФРОНТОВЫМ**

Донецк...

Город, впечатанный в моё сердце, в мою жизнь.

...Это всегда был август. Плавающий в солнечной плазме и сладком дурмане тысяч цветущих роз, душный, разморенный август.

Розы Донецка — культ и гордость Донецка — розовые, жёлтые, алые, белоснежные. Острые, как церковные купола, луковицы бутонов, бархатные роскошные розетки.

Мой Донецк — город миллиона роз, который год за годом всё глубже погружал паль-

цы шахт в пропитанные метаном и смертью глубины бесконечной донецкой степи, нащупывая жирные, как халва, антрацитовые пласты — чёрное золото Донбасса. «Горизонт семьсот», «горизонт девятьсот», «горизонт тысяча»... Там, в вечной тьме, во въедающейся намертво в края век угольной пыли — шахтёрский «мейкап», платя за каждый вырванный из утробы степи эшелон антрацита здоровьем и жизнями в бесчисленных авариях, Донецк «давал стране угля». Но, возвращаясь к солнцу, отмывшись от чёрного лака — смешанного с углём пота, город гордился своими розами, как только может гордиться угольщик своей юной и бесконечно красивой дочкой, стоя-

щей в белоснежном свадебном платье перед аналоем...

Донецк.

Как же давно это было...

Он так и жил в моей памяти знойный, благоухающий розами город-любовь, город-ожог...

И теперь Судьба снова свела нас.

...Но даже в самом горячечном бреду я не мог себе представить Донецк под огнём артиллерии, изувеченный, оскорблённый, контуженный.

...Здесь была детская площадка, а тут был сквер с фонтанами, а там был рынок, а вот там была школа. Была... Был... Были...

Боль города чувствуешь физически, словно бы он, как пёс-подранок, прикикает к тебе, ластится огнями, пытается не обращать внимания на кровь, растекающуюся по его мостовым. И от бессилия помочь ему хочется выть...

...Каждый день больницы принимают убитых и раненых.

— «Отходы» перемирия! — зло и цинично объясняет мне врач, осматривая в приёмном покое городской травматологической больницы очередного раненого. Молодой мужчина без сознания, из рукава свитера свисает жёлтая, как воск, безжизненная рука. У него травма головы и осколочное ранение груди.

Ещё двое дожидаются своей очереди на каталках за стеной. Молодой парень — Игорь — у него рваная рана руки и контузия, женщина — пенсионерка, осколочное голеней. На улице четвёртая каталка, на ней пожилой мужчина. Верхняя часть тела накрыта курткой. Ему помощь уже не требуется. Осколок убил его наповал...

Такой «мир» не нужен никому.

Каждый день обстрелы города, каждый день поток убитых и раненых, каждый день новые разрушения.

Город пытается свыкнуться с этим, жить, как живёт больной человек с тяжёлым недугом, но эта боль изматывает. С ней невозможно ужиться, потому что она невыразимо оскорбительна, обидна, словно некий маньяк каждый день отрезает у вас, связанного, по кусочку живой плоти.

За два месяца действия перемирия погибло больше трёхсот мирных жителей.

Весь план перемирия — сплошная маниловщина. «Стороны должны осуществить отвод крупнокалиберного вооружения (считай — всей артиллерии и танков) на 15 км с каждой стороны» — то есть Украина должна из ВСЕХ КОТЛОВ выгнать всю артиллерию, танки и миномёты и оставить свои войска практически без прикрытия. И тут же выбирать — либо выводить

из котлов всё своё стадо и бросать с таким трудом завоёванные позиции, либо бросать в котлах на героическую гибель войска, так как без артиллерийского прикрытия они тут, без поддержки, не протянут и недели. С другой стороны, и ополченцы должны по договору просто оставить и Луганск, и Донецк и уйти со всем тяжёлым вооружением куда-то в «степь Донецкую». Понятно, что это из области фантастики.

На самом этот «меморандум» очень точно вскрывает долгосрочные планы Киева.

Никак не фиксируя мир в регионе и не признавая за Новороссией право на существование, он всего лишь на шесть месяцев (столько выделил Киев на период «особого управления») даёт передышку прежде всего потрепанному и разгромленному своим войскам. За эти шесть месяцев Киев планирует, не имея реальной возможности вести активные боевые действия в условиях холодов, перезимовать в комфортных условиях, провести за это время качественную военную реформу, получить от США и НАТО современную технику, вооружение, средства связи и амуницию, переобучить войска по современным натовским программам и хорошо подготовиться к весеннему наступлению. За это время Киев хотел бы с помощью дипломатического давления вынудить Россию поставить границу с Новороссией под международный контроль, и если не окончательно отрезать Новороссию от главного источника снабжения техникой и вооружением, то сильно его ужать и усушить.

В этих условиях можно ли всерьёз относиться к этому меморандуму?

Думаю, ответ очевиден.

Меморандум — филькина грамота, прикрывающая киевский срам.

Выполнение его сразу завязало в полной невозможности обеих сторон обеспечить его реальными действиями и давно стало профанацией, как и первый «меморандум».

Такой мир не нужен никому, и все понимают, что дни его сочтены....

Блокпост «Гамалия»

Назван в честь АЗС, стоящей в ста метрах за блокпостом и давно закрытой...

Блокпост — бетонные бруски укрытий, окопы, палатка в низине, прикрытая от огня высокими стенками кювета.

Небольшая колонна автомобилей на въезд. Легковушки, грузовики, фуры.

Автомобили медленно проезжают через изогнутый змеей коридор безопасности.

Проверка документов, иногда пара вопросов и приветственно поднятая открытая ладонь:

— Проезжайте!

Огромная фура заползает и занимает почти весь коридор:

— Что везёте?

Маленький, худенький, как подросток, водитель достаёт из пластиковой папки бумаги:

— Подсолнечное масло для «Бруснички».

— Покажите груз!

Водитель безропотно распахивает дверь фуры. За ней почти доверху упаковки с маслом. Ополченец привычными экономными движениями карабкается в кузов, забирается на коробки и светит вглубь кузова.

Потом спрыгивает вниз.

— Всё в порядке! Проезжайте...

...«Брусничка» — сеть донецких универсамов, которая, несмотря ни на что, продолжает работать...

...Вообще, здесь, на блокпосту, очень быстро понимаешь, насколько всё ещё связаны эти две Украины — Новороссия и та, которая пошла на Новороссию войной. Через блокпост непрерывным потоком идут грузовики, фуры, самосвалы. Бизнесмены, как муравьи на разорённом муравейнике, пытаются исправить разрушенное. Восстанавливают связи, заново выстраивают торговые цепочки, тянут коммуникации от поставщиков к продавцам. Украина начинает замерзать без донецкого угля, а на складах донецких шахт растут чёрные, смолистые горы угля. Без донецкого кокса останавливаются металлургические комбинаты Кривого Рога и Запорожья, а Донбассу нужна сталь для шахт и строек. И нужно сделать так, чтобы каждая сторона получила то, что ей необходимо. Война разделила страну, разорвала казавшееся ещё недавно незыблемым её единство, но построенный ещё в советское время экономический организм — системы жизнеобеспечения, энергетика, промышленность — транспортные артерии, её кровь — денежная система всё ещё функционируют как одно целое, и раздел его — это труднейший процесс, который ещё впереди. А пока дороги Донбасса на Украину это не только направления наступлений, по которым к Донецку и Луганску рвутся группировки киевских нацистов, но и «дороги жизни», по которым возвращаются беженцы, двигаются грузы с продовольствием и товарами.

Перед блокпостом, на встречной обочине, расстрелянный скелет небольшого автобуса — «бусика» на украинском сленге.

— А это к нам «правосеки» выскочили. Джипиэс подвёл! — ухмыляется статный пожилой ополченец в кубанке и спецназовском «горнике», и я сразу вспомнил августовское видео о том, как на блокпост выскочил автобус, в котором ехал отряд боевиков из «Правого сектора». Бой был коротким — боевиков уничтожили. Троиим повезло — их ранеными взяли в плен...

— Здесь вообще для «укропов» какой-то бермудский треугольник, — объясняет ополченец. — После этого они ещё дважды выскочили на нас. Вот совсем недавно машина выскочила, а там — замкомбата «Днепра» и с ним корреспондент и снайперша — биатлонистка известная с охрненной американской винтовкой. Я такую первый раз в жизни видел. Тоже заблудились, на нас выскочили. Ну мы их приняли... Биатлонистка даже разрыдалась от обиды и злости, что вот так глупо попалась...

...Глядя на этих собранных, уверенных в себе, отлично вооружённых бойцов, почти невозможно себе представить, что ещё в начале мая они стояли здесь на дороге без всякого прикрытия с обычными черенками от лопат, чтобы не пустить в город отряды «Правого сектора», которые, как говорили, выехали из Киева в Донецк усмирять Донбасс. Ночевали под открытым небом. Что почти никто из этих ребят до войны не держал в руках оружие и никогда не думал, что придётся сражаться за свой дом, за своих родных. Именно здесь, на трассе, ведущей в Запорожье, был первый раненый этой войны — ополченец с позывным «Буч», и здесь их отряд встал намертво, не пропустив нацистов ни на метр к Донецку. Из этого отряда начала своё формирование знаменитая «шахтёрская дивизия» — по численности, наверное, батальон, но по отчаянности и стойкости — настоящая дивизия, которая намертво встала на западной окраине Донецка — в поселке Трудовское, где расположена одна из самых больших и богатых углём донецких шахт «Трудовская». Здесь же, на этих постоянно обстреливаемых улицах, бойцы живут, за них сражаются и умирают, но ни пяди родной земли не отдают. Более того, под огнём «укроповской» артиллерии занимаются восстановлением шахты и готовятся «давать родной стране угля!» Стране ДНР! Это тут особенно подчёркивают!

...Ночь навалилась обжигающим морозом. На термометре — минус пять. Но на донецком степном ветру это как минус пятнадцать под Москвой. Пар от дыхания в узких лучах

фонарей вдруг вспыхивает радугой. Время к полуночи, но движение не стихает. Машины, одна за одной, проезжают кто в сторону Донецка, кто за границу ДНР.

— «Немец», иди чайку хлебни, — негромко кричит в темноту один из ополченцев.

— Почему «немец»? Это позывной такой?

— Да. А ещё потому, что он настоящий немец...

Из темноты на свет фонарика выходит худощавый высокий парень в таком же, как все в отряде, спеназовском «горнике», «разгрузке», держа автомат на сгибах рук, как это тут принято у опытных бойцов...

— А ты по-русски понимаешь?

— Понимаю! — без всякого акцента отвечает «немец». — Я вообще-то родом из Омска. Меня в тринадцать лет увезли в Германию...

— А как здесь оказался?

«Немец» с немецкой обстоятельностью рассказывает, как его потрясли кадры разрушенного Донецка, погибших мирных жителей, как он принял решение оставить работу электромеханика и приехать сюда помогать. История его путешествия — целый авантюрный роман. Сюда «немец» добирался на по-

путках. Сначала до границы с Украиной, потом до Ковеля. От Ковеля до Киева на поезде и уже из Киева до Донецка на автобусе. Самое интересное — то, что и приехал он именно сюда, на этот блокпост, здесь вылез, показал документы и здесь же и остался...

Где-то далеко слева в темноте начинают топать пушечные выстрелы.

— Аэропорт начал работу по расписанию, — кивает куда-то в темноту «немец». — Каждую ночь, хоть часы сверяй. «Немец» ставит пустую кружку на деревянный стол: «Ну я пошёл! До свидания!»

— Чююз! — тяну я немецкое «пока», и лицо «немца» расплывается в широкой улыбке:

— Чююз!

Утром мы едем на Саур-Могилу

Дорога идёт через разбитые, растерзанные деревни, в которых, кажется, уже никогда не затеплится жизнь. Чёрные провалы окон, вывернутые, изломанные рёбра стропил. Ни огонька, ни человека. Только ветер и запах пожарища. Запах беды. Наверное, когда-то так же мёртво и страшно стояли после прохода Великой чумы пустые деревни и города...

Вдоль дороги тут и там — рыжие ржавые выгоревшие скелеты боевой техники. Изувеченные до неузнаваемости адским огнём, с оторванными черепами башен, с вырванными, разбросанными вокруг себя стальными внутренностями, нелепые и до сих пор бьющие по ноздрям трупным запахом и соляным чадом.

Сама Саур-Могилы — жуткий памятник этой войне. Земля буквально изрыта оспой воронок всех калибров. Огромный монумент из бетона и гранита превращён в чудовищную пирамиду битого щебня и рваной арматуры. Здесь истрелян не просто каждый метр, здесь истрешечен каждый сантиметр. Даже стальной обрубок флагштока прошит десятком пулевых дыр.

Чёрная острая шелуха осколков всех мастей под ногами. Истрешеченные чугунные барельефы. Поднимающий в атаку бойцов комиссар, словно специально дважды прошит в грудь «крупняком», словно его неживого, отлитого из чугуна, испугались и тщательно ритуально убили...

...Невозможно представить, как в этом аду кто-то мог уцелеть, как эту высоту удавалось держать столько недель?

Ответ знают только камни, но они молчат.

Ответ знает бешеный ветер, который дует здесь буквально со всех сторон, от которого невозможно укрыться. Но кто знает язык ветра?

...Они восемнадцать раз вызывали огонь на себя.

Они стояли, здесь один против ста.

И могилы тех, кто сложил здесь головы рядом с вершиной.

Герои «Востока»...

Саур-Могилы — памятник стойкости бойцов Новороссии.

Здесь, на этой дороге, на этой вершине, я впервые ясно осознал то, насколько глубокая пропасть пролегла между Донбассом и Украиной. Её безыскусно и просто выразила древняя старуха, вышедшая к нам из ворот старой хаты на окраине одного из разбитых сёл.

Я кивнул на бельма затянутых целлофаном окон.

— Что здесь случилось?

Она долго молчала, словно тщательно подбирала слова, а потом очень спокойно и скорбно ответила:

— Воны нас расстреляли...

— Кто они?

— Та нацисти. Нелюди с той Украины...

И «ТА» Украина уже никогда не станет Родиной для ЭТОЙ Украины...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБМЕН ПЛЕННЫМИ: СВОИХ НА «СВОИХ»

Путь домой

...Выскакиваем на горку — и от открывшейся картины перехватывает дух. Низкий диск солнца похож на вдавленную в липкий горизонт монету, а неземной бледный серосиний свет, кажется, исходит само небо. Вся долина залита молоком тумана, из которого тут и там торчат тёмные пирамиды шахтных терриконов. Зрелище потрясающее своей нереальностью. Кажется, что ты попал то ли в другое измерение, то ли в другую эпоху. Какой-то Древний Египет. Точнее — ацтекская Мексика! Ведь кровь, которая сегодня щедро льётся на эту землю, это какое-то чудовищное жертвоприношение. Почти пять тысяч погибших за пять месяцев — киевские жрецы по жестокости легко дадут фору ацтекским. Какой страшный бог эта «Великая Украина», тысячами пожирающий невинных женщин, детей, стариков. Бросающий в огонь войны цвет нации...

Мощный «мерин» вновь ныряет в туман, и всё вокруг тонет в сырой липкой вате. Автоматически начинают вжикать «дворники», фары продавливают белёсую стену снопами света. Наш Вергилий в этом ацтекском аду — командир с позывным «Ташкент». Мы едем «на обмен». Так называется обмен пленными. Мы едем встречать джип генерала Рубана — удивительного персонажа этой войны — переговорщика, миротворца, дипломата...

Минут через десять мы выскакиваем из тумана, и как-то сразу исчезает «ацтекская» реальность — вокруг уже вполне себе южнорусская равнина. Вспаханные — «Помирай, а рожь сей!» — поля, лесополосы. «Ташкент» жмёт на газ, и «мерин» буквально рвётся вперёд.

Блокпост на границе ДНР. Бетонные блоки густо изъедены оспой пуль и осколков, выгрызенные в асфальте пятна — воронки от мин, ямы снарядных воронок, глубокие шрамы окопов полного профиля. «Поленица» «мух» за бетонной стенкой, набычившийся в сторону Украины крупнокалиберный «Корд», зелёная шелуха гильз под ногами. Чувствуется, что тишина тут несчастный гость.

Командир блокпоста — маленький, жилистый, немолодой, какой-то отчаянно-весёлый мужичок с намертво въевшейся в края век угольной окантовкой — приветствует «Ташкента» как старого приятеля. Обнимаются.

- Ну что, как обычно?
- Да, — отзывается «Ташкент».
- Сколько сегодня?
- Одного везут. Раненого.
- Понятно...

...До украинских окопов примерно с километр. Они в лесополосе, тянущейся параллельно линии фронта. Там же, на дороге, их блокпост. Между нами — глубокая низина, на дне которой то ли речушка, то ли ручей. Вдали на дороге появляется автомобиль. «Ташкент» смотрит на часы:

- Рубан!

Через пару минут около нас тормозит мощный внедорожник с большой эмблемой «офицерского корпуса». Из него вылезает невысокий рыжебородый мужчина в кожаной куртке и синей бейсболке с такой же, как на авто, эмблемой. Здравуемся. Рубан подчеркнuto вежлив, но умело сохраняет дистанцию, каждое слово взвешивает. С ним двое помощников.

«Ташкент» достаёт блокнот:

— Вы так неожиданно позвонили, мы не успели подготовить человека на обмен, но зато я нашёл вам человека, которого вы просили, постараюсь к следующей встрече его вытащить...

...Генерал Владимир Рубан в Киеве возглавляет украинскую организацию «Офицерский

корпус» и с первых дней войны занимается обменом пленных. Фактически он был первым, кто занялся этой проблемой, а точнее первым, кто СМОГ обменять пленных.

До Рубана судьба пленных была трагичной. Гражданская война ужасна своей непримиримой жестокостью. И пленные здесь сначала служили «компенсацией» за страх, боль и унижение. Пленных мордовали, пытали, унижали, морили голодом. Жизнь пленного не стоила ничего, и смерть была обычным итогом мук. Особенно отличалась украинская сторона. Попытки и зверства по отношению к пленным так «прославили» 25-ю бригаду ВСУ, что в своё время командующий ополчением Стрелков даже издал приказ, запрещавший брать офицеров 25-й в плен. «Нацистские» батальоны типа «Айдара», «Азова» вообще заслужили славу палачей. Но и в ополчении пленным приходилось несладко. Рубан смог остановить этот беспредел. При Рубане у пленных появилась цена, а значит, и отношение к ним изменилось. Постепенно по обе стороны фронта возникло понимание, что на пленного можно выменять друга или сослуживца, брата, сына, мужа. А это значит, его нужно сохранить живым.

Так и сложился этот странный «тандем»: «Ташкент» — Рубан.

«Ташкент» — выпускник военного училища, отчаянный, смелый, огромный, под два метра воин в спецназовском брезентовом «горнике», с кобурой на бедре. Рубан — невысокий, в очках, с профессорской бородкой, никак внешне не похожий на военного, хотя за его спиной лётное училище...

Теперь эти двое занимаются обменом пленных. Не тем, о котором договорились в Минске — «всех на всех» и который так трудно, со скрипом идёт уже третий месяц. Этот обмен курирует ОБСЕ. А «штучным» обменом — тонкой дипломатической игрой, которая позволяет спасти жизни тех, кому в иных условиях не то что выйти на свободу, а даже и выжить шансов не было. Впрочем, чаще всего это просто рутинный обмен обычных бойцов, офицеров, «активистов» — всех, кто для каждой из сторон называется «противником»...

Через их «руки» прошли уже сотни людей. Сотни спасённых жизней. Уникальность группы Рубана в том, что он не боится переходить за линию фронта и совершать обмен на территории Донбасса. Так проще для всех. Не где-нибудь на нейтральной территории, а так — приехали, привезли, отдали. Потом попросили, забрали. При этом как такового обязательного «человека на человека» обмена не существует. Пленных фактически привозят и освобождают по мере продвижения переговоров.

— ...Я думаю, нет смысла его пересаживать, — говорит Рубан. — Перед выездом его врачи осмотрели, обезболили, но на ямах могло растрясти. Давайте сразу в больницу...

Он открывает дверцу багажника, за ней зачем-то ещё одна. «Броникапсула» — вдруг соображаю я. «Внедорожник» бронирован. Для донецких фронтных дорог это просто необходимо. И хотя броня эта максимум от пуль, но это всё же лучше, чем ничего. Рубан открывает бронедверь, оттуда сразу бьёт в ноздри запах аптеки. На подушках полулежит исхудавший молодой парень в спортивном костюме, левая нога вытянута. Бледное лицо, мутные от боли глаза.

— Артём, ты как себя чувствуешь? — спрашивает Рубан раненого.

— Ничего. Нормально... — еле слышно бескровными губами отвечает парень. Видно, что ему плохо, но знание того, что его везут к своим, заставляет держаться.

«Ташкент» осторожно треплет его по плечу:

— Держись, Артём, немного осталось. Сейчас доставим тебя в госпиталь. Там врачи быстро на ноги поднимут...

Бронедверь снова закрывается.

— Тогда я вперёд, а вы за мной, — говорит он Рубану.

Рубан кивает и идёт к двери.

И вот мы уже мчимся в сторону Донецка. На блокпостах притормаживаем, чтобы постовые успели рассмотреть сидящих в кабине, но чувствуется, что эти машины тут знают хорошо. Приветственный взмах руки — и мы снова ускоряемся. В Донецке заезжаем в военный госпиталь. У внедорожника с раненым сразу собирается несколько врачей, привозят каталку. Его прямо в кабине осматривает начальник отделения хирургии. Потом поворачивается к Рубану и «Ташкенту».

— Его нужно сначала в травму, чтобы там врачи его хорошенько посмотрели. Я сейчас позвоню, чтобы вас встретили. Если потом они скажут, что есть что-то по нашей линии, то мы его уже сами перевезём...

И снова мы петляем по улицам Донецка, наконец, въезжаем во двор травматологической больницы. Нас уже ждут. К внедорожнику подъезжает каталка. Раненого осторожно извлекают из кабины, укладывают на каталку. К нему подходит Рубан, у уха телефон:

— Да, Татьяна Павловна, доехали. Артём в травматологической больнице, даю ему трубку... — протягивает трубку раненому: — Это мама, поговори с ней.

Артём осторожно берёт трубку.

— Аллё! Да, мама... Всё хорошо, не волнуйся. Я здесь, в больнице...

Ещё несколько ничего не значащих, но таких важных для них двоих фраз.

— Пока, мама...

Он возвращает Рубану трубку. От уголков глаз к вискам бегут строки слёз...

...Совсем ещё мальчишка...

Санитары ловко «впрягаются» в каталку и направляются к дверям приёмного отделения, на ходу разворачивая каталку — как и полагается — вперёд головой...

В полупустом кафе неподалёку от больницы все рассаживаются вокруг стола, заказывают кофе. Перед Рубаном и «Ташкентом» блокноты и телефоны. Сейчас это справочники по пленным. «Ташкент» заглядывает в блокнот:

— Есть просьба, поищите у ваших экипаж танка из аэропорта. Два дня назад был подбит. В танке их нет, и рядом нигде тел не нашли, есть вероятность, что взяли в плен.

Рубан что-то помечает у себя в телефоне.

— Поищу. Гвардеец, которого вы в прошлый раз отдали, поплохел. Попал в психиатрическое отделение...

— Били?

— Не ясно. Когда его привезли, врачи осмотрели. Следов побоев не было. Может быть, просто напряжения не выдержал...

— А что там со Смирновым?

— Трудно с ним, — вздыхает «Ташкент». — Он доброволец. Пока не соглашаются его отдать.

— Может, попытаться через деда?

...Оказалось, что дед пленного украинца — Герой Советского Союза, сражавшийся здесь, на Украине. Дед сражался против фашистов, а внук добровольцем пошёл служить в один из батальонов Нацгвардии. Деда давно уже нет в живых, но его имя и память, возможно, выручат непутёвого внука из плена. Странная штука жизнь...

— Буду вести переговоры. Пометьте себе: Андрей Кириченко.

Рубан набирает строку в телефоне и «убирает» её в память. Там длинный столбец фамилий.

За каждой трагедия. Слезы и горе родных, бессонные ночи, надежды, ожидания, боль...

Здесь, за этим столом, быстро понимаешь, как же страшно по живому сплетению судеб ударил нож гильотины этой войны. Сослуживцы помогают вчерашним сослуживцам вытаскивать из плена детей, сидящих в плену у их детей. Племянников разменивают друг на друга. Один воевал за Украину, другой за Донбасс. Но, слава богу! — здесь меняют живых на живых. Значит, у них есть будущее, есть время понять, что же с ними случилось и как оказалась их страна в таком жутком кровавом тупике. На линии фронта идёт и другой страшный обмен — мёртвых на мёртвых...

На выходе из кафе мы прощаемся.

Рубан возвращается к себе, но скоро он снова приедет сюда. Война не останавливается. Конвейер войны работает без выходных.

/ Александр ДУГИН /

Фактор борьбы в Новороссии

Идёт борьба, которая в каком-то смысле к украинцам вообще не имеет никакого отношения — поскольку они в ней пешки

В битве за Украину у США нет конструктивного сценария. Американский сценарий на Украине — привести к власти неонацистов, развернуть репрессии против русского населения и наблюдать за тем, как российская государственность будет разлагаться под грузом внутренних противоречий. Будущее Украины не может и дальше оставаться только вопросом нашей внешней политики. От ответа на украинский вопрос зависит будущее самой России — поэтому так важно определиться с тем, что мы хотим: воссоединения, раздробления, мифического нейтралитета? Для того чтобы

самим себе ответить на этот вопрос, надо поместить Украину в геополитический контекст.

Существует не просто украинский кризис, нужно смотреть не на российско-украинские отношения и даже не на отношения в треугольнике Россия—Украина—Европа. Это гораздо более сложная модель — это великая война континентов. То, что сейчас происходит на Украине, — это борьба однополярного мира, воплощённого в американской гегемонии, против России, которая проявляет и символизирует неуклонно растущую волю к построению многополярного мира. Это битва США за сохранение мировой доминанции, где действуют те же самые люди — Виктория Нуланд (заместитель госсекретаря США), Бернар-Анри Леви (французский «философ» и общественный деятель, выступавший

настаивает на ограничении этого права. Европа же пытается выкарабкаться из-под американского сапога — но это очень сложный процесс, т. к. в соответствии с той же геополитической логикой существуют две Европы — атлантическая и континентальная. Одна является марионеткой США, покорённой территорией, оккупированной зоной, а вторая постепенно движется в сторону независимости. Но движется аккуратно, осторожно, в рамках атлантического партнёрства, не делая резких шагов, но при этом постоянно пытаясь усилить свои позиции. Во всей Европе есть две эти идентичности, и они представлены двумя лобби — доминирует проамериканское, либеральное сообщество, в том числе и гей-сообщество, которое устанавливает свои законы, и европейские лидеры часто идут на поводу у него. Другое начало воплощено в первую очередь в консервативных, военных кругах, в спецслужбах. И, конечно же, в большинстве народа, на мнение которого хотя и не обращают внимания, но оно есть. Есть та Европа, которая, когда ей дадут право голоса, право реальной демократии, немедленно выберет совсем другое — швейцарскую Швейцарию, немецкую Германию, европейскую Европу.

То, что американцы держат всех под своим сапогом, сегодня очевидно большинству европейцев. Сейчас невозможно сказать, как скоро им удастся сбросить американское ярмо, но рано или поздно это у них получится, это неизбежно, потому что американская доминация рухнет. Пока же ситуация в американско-европейских отношениях не дошла до этого, необходимы ещё пять-шесть шагов. Украина не финальный и не самый главный этап на этом пути. Это один из этапов — наряду с прослушками, противостоянием ЦРУ и немецкой разведки БНД в Греции и т. д. Ведётся серьёзная борьба. И, конечно, в Европе есть своя «пятая колонна», своя «болотная», которая доминирует. Это та же американская сеть, которая раскинута у нас и представляет доминирующий в мире порядок, работая на «князя мира сего». Опасность нашей «пятой колонны» не в том, что они сильны, а в том, что они наняты самым большим «крестным отцом» современного мира — США. Поэтому они эффективны, они работают, их слушают, им всё сходит с рук — потому что за ними стоит мировая власть. Борясь за Украину, Путин чётко обозначил то, что он подтверждал и раньше: он на противоположной стороне баррикад. В борьбе однополярного мира против многополярного он выступает однозначно против американской гегемонии.

Исходя из геополитики как только любой комментатор или аналитик открывает рот, чтобы

на Майдане в начале февраля). Эти же люди были поджигателями войн в Ливии, Сирии, Ираке, Боснии и так далее.

Сегодня борьба геополитических полюсов, Евразии и Атлантики, проходит на нескольких фронтах, в том числе и на жизненно важном для нас украинском. Хотя в Сирии решается та же проблема, в значительной степени она же решалась и в Ливии — и если в Ливии мы не приняли удара, то в Сирии и на Украине мы его принимаем.

Идёт борьба, которая в каком-то смысле к украинцам вообще не имеет никакого отношения — поскольку они в ней пешки. В глобальной геополитической игре у них очень маленький выбор свободы действий. Америка борется за то, чтобы её право распоряжаться миром было безгранично, Россия, совместно с другими странами,

говорить об Украине, сразу же ясно, на чьей он стороне. Анализ украинской ситуации не может быть нейтральным, потому что там есть только две стороны — не три, не десять, а ровно две: их и наша. Позиция атлантическая и позиция евразийская. Между ними и нами существуют баррикады. И Россия в этой войне цивилизаций пытается вернуть Украину, понимая, что без неё будет неполной. Мы хотим усилить наш евразийский полюс, воссоединившись с близкой нам во всех отношениях — исторически, религиозно, культурно, этнически, лингвистически — частью нашего общего славянского православного евразийского мира. Мы этого хотим не в безвоздушном пространстве, не в вакууме — мы хотим этого в ходе борьбы против нас. Потому что, уже даже просто желая этого воссоединения, говоря об этом, мы идём против США и их планов. Нынешний украинский кризис является логичным следствием всей её постсоветской истории. Украины как национального государства исторически не существовало — нет ни украинского этноса, ни украинской нации, ни украинской цивилизации. Существуют западнорусские земли. Причём собственно западнорусские земли начинаются на правом берегу Днепра — и они очень разные по своей исторической судьбе. Частью они были в Польше, частью под Австрией, частью с нами, иногда меняли свое подчинение. Что же касается левобережной Украины, то эта территория не имеет к западнорусским землям вообще никакого отношения. Это казацкие земли, и никакой разницы между ними и Доном нет, там живут одни и те же люди, говорящие на одном языке, и ничего общего с западнорусской культурой у них нет.

Западнорусская культура всегда чувствовала себя независимой и от поляков, и от австрийцев, и от москалей. Идеи сохранения западнорусского архетипа, своей идентичности с несмелыми поползновениями к автономии существовали всегда. Но, согласитесь, между такими робкими попытками и независимым государством есть существенная разница. Есть и более состоявшиеся государства, которые смирились с тем, что оказались внутри нашей системы. И не надо переоценивать стремление западных украинцев к свободе и независимости, оно было умеренным. Они имеют на это полное право — но от этого права до защиты национальной государственности большая дистанция. Тем более что государственность свалилась на них совершенно случайно, в ходе помутнения сознания старшего брата, — то есть это исторически необоснованно. В тот момент мы проиграли холодную войну и были просто парализованы своей «пятой

колонной», не понимая, что делали. Сейчас же годы предательства и разврата прошли, Россия протрезвела и думает, как жить дальше.

Украинцы получили слишком много. Но и для нас территория современной Украины слишком большая — «западенский» анклав вряд ли может быть ассимилирован. Мы всегда подавляли и уничтожали бандеровцев — вели себя жёстко, боролись и уничтожали их после войны. В современных условиях, когда на стороне «западенцев» играют американцы, Украина в нынешних границах не может быть пророссийской. Ни при каких условиях — даже если там будет выбран самый пророссийский президент (хотя это сейчас невозможно, его отвергнет значительная часть населения), он будет обречён вести себя так же, как Кучма или Янукович. Это максимум того, что мы можем получить. России стоит задуматься об этом — если мы хотим большего, чем Кучма или Янукович.

На Украине американцы не хотят демократии. Как же так — ведь они вроде бы всё время настаивают на демократии. Сейчас Украина едва ли не самая демократичная страна в мире — вряд ли где-то ещё существует столько демократии. Достигается она за счёт двух полюсов — запада и востока Украины. Если кто-то попытается навязать свою единоличную волю, другая сторона имеет все инструменты для того, чтобы остановить это и дать по рукам. Украина исчерпала возможности демократизации. Демократия на Украине сегодня работает не только против нас, но и против Запада.

В отношении Украины у Русского мира есть две концепции: половина или вся. Новороссия это, бесспорно, часть Большой России. Но и все остальное, при всей отличной от нашей великорусской идентичности, тоже русское. Сейчас «западенцы» так жестоко нападают на Новороссию, что дают нам пример. Если мы отобьёмся, то неминуемо начнём Великое Наступление — переломим хребет хунте, двинемся на Киев.

Они нападают на то, что им не принадлежит никак, — на Новороссию. Зачем? Они дают нам пример. Может быть, даже заманивают и соблазняют двинуть в Европу. Конечно, они надеются, что в какой-то момент их подхватят американцы, которые уже и сейчас воюют, управляя украинской армией дистанционно, с помощью network centric warfare.

Начав бесноваться на Майдане, украинцы принялись демонтировать самих себя. У них была страна, теперь у них кровавая помойка. Кстати, украинский нацизм какой-то особенный. Представьте себе драку в рейхстаге Гитлера. Невозмож-

но. Дисциплина, порядок, нордический дух. Но то, что мы видим в Киеве и вокруг, — это бессмысленные и агрессивные телодвижения кровавых олигофренов. В украинском нацизме полностью отсутствует нордизм. Это какой-то свинофашизм, уродливая и омерзительная пародия. Жестокость немотивированна, агрессивность труслива, нацию развалили, деньги разворовали. Украина пародийна во всей своей полноте.

Поэтому, глядя, как они рвутся в Новороссию, которая ещё вчера мирно и дружелюбно принадлежала Украине, приходит в голову мысль: а не всё ли пространство Украины принадлежит Русскому миру? Ведь когда-то было именно так. И повторялось в истории не раз и не два. Евреи вернулись в Палестину через две тысячи лет. У нас всё проще: эти земли были русскими совсем недавно (по сравнению с евреями — просто вчера). Это колыбель нашей истории, наша земля обетованная, это Русь. И народ её в корнях своих наш народ и есть. Один народ, Русский Народ. Поэтому возникает всё более устойчивая идея: свинофашизм победить, виновных примерно наказать. Вернуть не просто нам — мы и есть они. Нужно вернуть Украину Народу.

Таким образом, нам просто необходимо выигрывать войну за Новороссию, а затем распространять наше влияние всеми возможными способами (на сей раз и мирными) на остальную Украину. И никак иначе. И надо готовиться к серьёзным изменениям в самой России. Все понимают, что 14-летний компромисс между американской агентурой и сторонниками су-

веренитета в российских политических элитах полностью исчерпан. Раскол в элитах не меньший, чем противостояние между ополчением Новороссии и войсками киевской хунты. «Пятая и шестая колонны» в российской власти ликуют от каждого убитого «колорада» и «ватника» не меньше блогеров из «Правого сектора». Жить с ними в одной стране становится так же невыносимо, как жителям Донбасса невыносимо жить в одной стране с карателями из Нацгвардии. Но нам, в отличие от агентов влияния, имеющих почти всегда двойное гражданство и как минимум двойную идентичность, ехать некуда: у нас только одна Родина и одна идентичность — русская. А вот «пятую колонну» придётся попросить с вещами на выход. Либо они изведут нас, русских, как явление.

Война на Донбассе — явное выражение той скрытой войны, которая ведётся внутри России. И ярость, и кровь, которыми захлёбывается Донбасс, — лишь отдалённый намек на то, как ненавидит политическая элита, захватившая в России власть в 1991 году, Русский Народ. Путин её подвинул, но не сместил. Оттеснил, но не искоренил. Он выполнил, почти сразу, в 2000-м, ровно половину своей исторической миссии, а дальше остановился. Строго 50% врагам русских и 50% нам, русским. И за одну — золотую — акцию борьба ведётся все 14 лет. Но её так никто и не получает. Видимо, дело в самом Путине. Он сделал ровно половину из необходимого, но доделывать придётся.

Потому что эта война — новая холодная война. Она идёт, и никто её не остановит. Война до победы, Великая Война Континентов.

Фото: ТАСС / Зураб ДЖАВАХИДЗЕ

Кто ты, «Стрелок»?

*Беседуют Александр ПРОХАНОВ
и бывший министр обороны
Донецкой народной республики
Игорь СТРЕЛКОВ*

— Игорь Иванович, на днях я побывал в Новороссии. И, возвращаясь, начал считать, свидетелем какой войны являюсь. Оказывается, шестнадцатая. Начиная с Даманского, Джаланашколь, Афганистан... Донецк, Луганск — шестнадцатая кампания. И каждая из этих войн имеет даже не свой лик (а это как бы личность — каждая война). А это какая-то субстанция, которая имеет свою субъектность, свою судьбу, своё развитие, свою память. Вы ощущаете, что у войны есть какие-то черты, которые выходят за технологию войны? Как бы вы описали донецкую войну в её фазах, этапах, переживаниях?

— Это моя пятая война. Были две чеченские, Приднестровье и Босния. Хочу подчеркнуть её схожесть — сценарную схожесть — с боснийской войной. Начало боснийской войны очень похоже на то, что происходит в Новороссии. Когда распалась Югославия и начался парад суверенитетов, несколько сербских регионов в Боснии не захотели уходить в мусульмано-хорватскую федерацию и подняли восстание. Эти боснийские регионы хорваты-мусульмане подавляли вооружённой силой. И вот тогда на помощь им пришла Югославская народная армия, но была остановлена под Сараево. Остановились не потому, что встретили серьёзное сопротивление, а потому, что это могло вызвать прямое вмешательство НАТО. Армия была выведена и оставила своё вооружение сербам. Сейчас ситуация очень похожая. И не дай бог, чтобы она закончилась так же. Потому что, когда ЮНА вышла, сербы не смогли организовать. Потом шла очень длительная, изматывающая война. А потом она быстро закончилась — всех разгромили по очереди.

— Но там фактор насилия. Натовские войска и контингенты, начались бомбёжки... А эта война по фазам как развивалась?

— Поначалу никто воевать не хотел. Первые две недели проходили под флагом того, что обе стороны хотели убедить друг друга. Первые дни в Славянске и мы, и они крайне осторожно подходили к применению оружия. Первая стычка была с сотрудниками СБУ, которые попытались нас зачистить, но попали на засаду. Даже не совсем на засаду, а на встречное столкновение, к которому они оказались не готовы. Понесли потери и убралась. После этого наступило спокойствие. Украинская сторона начала выставлять блокпосты, в наших окрестностях появилась автомобильная

25-я бригада. Но она не рвалась воевать. Нам удалось разоружить сначала разведзвод, потом колонну. Это было именно разоружение — под стволами автоматов, под угрозой сожжения техники они не решились вступить в бой и были нами разоружены.

Но всё равно долгое время мы не трогали их блокпосты, и они не проявляли агрессии. Это первые шаги.

Затем «Правый сектор» начал забрасывать к нам диверсионные группы — начались перестрелки. Ещё Нацгвардии не было — только «Правый сектор». Украинская сторона очень осторожно себя вела, шаг за шагом прощупывала, как себя поведёт Россия. Первый месяц не было обстрелов города. Первый обстрел Славянска — в конце мая. До того они обстреливали сёла, но сам Славянск не трогали. Но по мере того, как они понимали, что Россия не отреагирует, обстрелы становились всё более сильными, действия бронетехники и авиации — всё более массированными. В начале июня они окончательно уверились, что Россия напрямую не вмешается, и пустились во все тяжкие. Первая массированная атака на Славянск была второго мая. Следующую — с применением всех сил и средств вооружения — бронетехники и танков — они провели 3 июня. Между этими атаками были бои, локальные стычки.

Июнь, июль были самыми тяжёлыми. Если в апреле-мае всё шло по восходящей, то есть расширялась территория восстания, мы постепенно ставили под контроль населённые пункты Донецкой республики, распространяли движение, то в июне мы начали отступать. Нас со всех сторон стали поджимать, силы противника колоссально превосходили по всем параметрам. И у противника стала появляться мотивация к боевым действиям. Начала срывать пропаганда. И чем дальше, тем больше эта мотивация увеличивалась.

Батальоны Нацгвардии стали прибывать на поле боя. Они изначально были мотивированы: рассматривали противника, то есть нас, как московских наёмников. Они были уверены, что мы все присланы из России. А то, что у нас в Славянске 90% были местные, донбассцы, не хотели даже верить.

В июне-июле, когда помощи было крайне мало, противник подошёл огромные силы. Вообще несопоставимо было нарастание сил. Например, к нам за это время пришло 40 добровольцев, а к противнику пришло 80 машин. Что в них — другой вопрос. Но в каждой машине — минимум по человеку.

В августе — на пике кризиса — мы сражались в условиях почти агонии. Просто лихорадочно латали дыры, затыкали какие-то прорывы. Мы находились в полном оперативном окружении. И не могли его прорвать. К тому же нас уже начали, как классический котёл, резать на более мелкие котлы. Постепенно отрезали Горловку...

— Вы говорите о фазе, когда ушли из Славянска в Донецк?

— Да. В той фазе тоже было две части. Когда мы вышли из Славянска в Донецк, это была фаза полной растерянности украинской стороны. У них был полностью прописан сценарий, а мы не вписались, перемешали им всё. И подозрительно гладко всё складывалось у них по этому сценарию. Очень подозрительно.

Что касается ситуации со Славянском... После того как украинская сторона прорвала фронт под Ямполем, мы уже висели на волоске, заткнуть дыру между мной и Мозговым было невозможно, для этого не хватало сил — как минимум нужна была бригада. А у нас не было резерва.

И когда они взяли Николаевку, у нас не осталось никаких шансов. Был бы шанс, если бы нам массово поставили технику, вооружение. У меня было три танка, один из них был абсолютно неисправен, он не сделал ни одного выстрела. Лишь два танка были боеспособны. С их помощью мы разгромили один блокпост. Но сразу после разгрома этого блокпоста противник на всех блокпостах поставил по четыре танка. В Славянске у укров было семь блоков, и на каждом — по четыре танка. Любой блок укров по технической вооружённости и по численности был сильнее всего славянского гарнизона. На конец осады у меня было 9 бронеединиц, включая эти два танка, а у противника на каждом блоке — по семь-восемь единиц, включая четыре танка. И у меня была альтернатива: или сесть в полную осаду без снабжения, или выходить. До этого снабжение по полевым дорогам проходило. А когда противник взял Николаевку, у нас осталась одна полевая дорога, но они и её перерезали: если мы ночью прорывались по этой дороге, то уже днём у них был пост.

Итак, варианты. Садиться в осаду. Боеприпасов к стрелковому оружию на хорошие бои у меня бы хватило на двое суток. На средней интенсивности — на неделю. А после боёв под Николаевкой у меня осталось на 8 миномётов 57 мин — меньше, чем по 10 мин на миномёт. Не хватало и всего остального: на тяжёлое

вооружение не хватало боеприпасов, хуже всего было с противотанковым вооружением. Бои были серьёзные, израсходовали много, а пополнения не поступало. Это всё было 5 июля. «Отпускники» пришли через 40 суток. Мы бы до их прихода никак не продержались. У нас бы и продовольствия не хватило. А самое главное — украинская армия не шла на контактные бои. Когда мы сами навязывали контактный бой, то у них были потери. А они со времён Ямполья предприняли тактику: выдвигаясь от рубежа к рубежу, бросали вперёд только бронетехнику без пехоты. Перед бронетехникой шёл огневой вал. Если бронетехника наталкивалась на сопротивление, она отходила. Снова огневой вал. Потом снова бронетехника. Опять огневой вал — и опять техника.

В результате Николаевку они начали методично разрушать. Наносили удары «Ураганам», «Градами», тяжёлой артиллерией. Никто не ожидал такого массированного обстрела. Некоторые пятиэтажки в городе попросту сложились. Действительные потери мирного населения мы даже не знаем — они огромны.

После этого противник просто обошёл Николаевку, и мне пришлось вывести остатки гарнизона. Ясно было, что то же самое повторится в Славянске — уже без всякой жалости его громили. Но я им ответить не мог, потому что снарядов не было. Они бы нас огородили колючей проволокой, обложили минами, как они сделали с другими, взяв их в кольцо. И ждали бы, когда мы или с голоду сдохнем, или полезем на прорыв. А прорыв в таких условиях сопровождался бы огромными потерями, и неизвестно, удался бы или нет. А ведь в Славянске было ядро нашей бригады — полторы тысячи человек, из них больше тысячи — бойцов. В Краматорске было около 400 бойцов, в Константиновке чуть больше сотни, в Дружковке пятьдесят, на других направлениях небольшие гарнизоны по 20–30–50 человек. И я знал, что извне ко мне никто не пройдёт. Ни «Оплот», ни «Восток» мне не подчинялись. У Безлера, который в Горловке базировался, на тот момент было около 350–400 человек. Если я не мог разорвать кольцо со своими полутора тысячами, то уж он-то тем более не смог бы. Получалось: если я останусь в осаде, то через какое-то время укры обложат меня, после этого начнут брать населённый пункт за пунктом. Что, собственно, и началось: я и выйти не успел, уже Артёмовск захватили, где у них свой человек был. И за один день полностью зачистили Артёмовск.

В момент, когда выходили из Славянска, уже намечалось второе окружение с отсечением полностью Краматорска, Дружковки, Константиновки. Это, к слову, о том, почему я, выйдя из Славянска, не стал обороняться в Краматорске: там тоже не было боеприпасов.

Учитывая глубокий прорыв противника к Артёмовску (он уже вышел к Горловке практически, в нашем глубоком тылу находился), цепляться за Краматорск не имело смысла. Выиграли бы мы ещё трое-четверо суток, но в результате всё равно выходили бы. Любой прорыв, тем более — неорганизованный, сопровождается потерями.

Несмотря на то что из Славянска мы выходили очень организованно, у нас вся бронегруппа погибла. Трагическая случайность. Они должны были вместе с артиллерией отвлекать на себя внимание огнём с места — с окраины Славянска. Потом, пропустив мимо себя все автомобильные колонны, уйти последней — замыкающей колонной. Но тут сработал че-

ловеческий фактор, и бронегруппа пошла на прямой прорыв.

Чтобы не создавать толкучку, у нас все были разделены на шесть колонн. Каждая колонна должна была выходить с интервалом в полчаса. Я совершил серьёзную ошибку, что вышел со второй колонной, а не остался до конца. У меня были свои резоны: в Краматорске я сразу развернул штаб. Но надо было, конечно, выходить последним.

Этого не случилось бы, если бы я сам присутствовал на месте. А так можно в мой адрес сказать, что смалодушничал, поторопился выскочить.

Вообще, наши потери могли быть намного больше. Но украинская сторона ночью воевать никогда не любила, поэтому артиллерию мы вывели полностью, а также 90% пехотных подразделений и тыловых.

У нас в строю находилось 11 миномётов и две «Ноны» были на ходу. Знаменитую «Нону» пришлось оставить, потому что она, хотя укры

её ни разу не подбили, вся в осколках была. Из-за износа у неё вышла ходовая часть. Её всё время таскали туда-сюда, под конец и пушка вышла у неё из строя. Как шутили бойцы украинских подразделений, которые к нам перешли, она за всю жизнь столько не стреляла, сколько в Славянске.

Так вот — бронегруппа пошла напрямую, и её всю сожгли. Перегородили дорогу. Первый танк подорвался на минах, второй попытался объехать — свалился в овраг. А остальных расстреливали гранатомётами. Некоторые люди уцелели — выскочили, прорвались.

Если бы хотя бы техника вышла — можно было бы как-то действовать, но вся броня сгорела. В Краматорске у меня было три БМП и два БТР. Это слишком мало — против нас выступали две батальонные механизированные тактические группы и танковый батальон.

И если мы могли действовать в застройке, то противостоять противнику на открытой местности не могли.

В Ямполе наш укрепрайон прорвали за один день, несмотря на то, что мы там вкопались, были огневые точки, блиндажи. У нас нехватка противотанкового вооружения — не было ни одной противотанковой пушки. Будь тогда хоть одна противотанковая пушка, хоть одна «Рапира», не прорвали бы они нашу оборону, несмотря на всю артподготовку. Но с одними «безоткатками» мы не могли воевать. Я понимал, что принимать бой на открытой местности — только терять людей.

— **Вы сказали, что для противника ваш выход из Славянска был совершенно неожиданным.**

— Да, он их обескуражил. Ведь у меня был приказ категорический — не сдавать Славянск. А когда я сообщил о том, что намерен выйти, мне несколько раз повторили приказ не выходить, оборонять Славянск до последнего. «Вас обязательно деблокируют, обороняйте Славянск». Спрашиваю: «Чем поможете?» Молчание. А у меня — тысяча человек и тысячи

членов их семей. Положить их я права не имел. Поэтому я принял решение на прорыв.

Вот ещё какой момент. Когда я был в Крыму во время крымских событий, посетил 35-ю батарею. Мощнейшее впечатление на меня произвело. Чалый — просто молодец, он восстановил практически всё своими силами. Не меньшее впечатление произвело и то, что все командиры украинской севавтопольской обороны: все адмиралы, генералы, лётчики — сбежали. Оставили за себя командиров полков, батальонов. Те гибли вместе с солдатами. И когда я был в Славянске, решил: либо я не выйду совсем, либо я выйду со всем гарнизоном. Я принял решение выйти и считаю его правильным.

Глубоко уверен, что если бы мы не вышли из Славянска, потом не удержали бы и Донецк. Когда мы вошли в Донецк — всё там было замечательно. Сидел киевский мэр, УВД по-прежнему подчинялось Киеву — двоевластие классическое. Город совершенно не был подготовлен к обороне. Блокпосты оборудованы плохо, дороги не перекрыты, можно были зайти как угодно. И сил там было крайне мало, они были раздроблены, разбросаны, никто никому не подчинялся: отдельно была Русская православная армия, отдельно — батальон «Восток», отдельно — «Оплот». Каждый отряд оборонял свой район, единого управления не было.

Проблема была даже не в этом, а в том, что с юга Донецк был почти охвачен, противник занял Амвросиевку. В принципе, он уже отрезал нас от границы. ДНР была полностью под контролем противника. И большая часть ЛНР была под контролем противника. Действовал единственный пункт — Изварино, куда отошла одна из моих рот из Краматорска, и они значительно усилили там оборону.

И просто бы Донецк в итоге отсеки вообще от Шахтёрска, от агломерации Тараевский—Шахтёрск—Антрацит. На том участке было лишь несколько не очень мощных блокпостов на дороге и Саур-Могила. А между ними были огромные дыры, куда можно было войти. Иловайск был пустой — не было гарнизона. В Оспино не было ни гарнизона, ни блокпостов.

Прибыв в Донецк, я в городе оставил только штаб, комендантскую роту. Один батальон перебросил в Петровский район — это юго-западная оконечность, которая была пустая. Остальные силы, и Краматорска, и Славянска, были сведены в бригаду, разбиты на три батальона и разведбат. Они сразу были брошены

на Иловайск, Оспино. И я сформировал линию фронта.

— Из своих частей?

— Именно из своих частей. Потому что «Восток» мне не подчинялся. На личных контактах с ними удавалось наладить взаимодействие. Они обороняли район Ясиноватой, район Авдеевки, Пески, Карловку. На Карловке сборная солянка была: сначала там были люди Безлера. Потом они ушли, мне пришлось туда посылать своих. Потом я приказал отходить, прорываться оттуда, потому что их отрезали от нас, не было смысла в окружении две роты терять.

Если бы мы не сформировали этот южный фас, думаю, что всё бы закончилось очень быстро. Если бы мы остались в Славянске, то через неделю, максимум через две, Донецк бы пал. А выйдя, мы сорок суток держали Донецк до прихода «отпускников». Хотя последние дни были просто отчаянные. Когда мы вышли из Донецка, то пробили коридоры на Россию в районе Марьинки, Кожевино, Бровки. Одновременно пробили себе коридоры для снабжения и отсеки в Яково всю группировку противника.

Мы коридор продержали с очень большими потерями, погиб цвет 3-го штурмового батальона в этих боях. Когда мы пробивали коридор, в боях под Марьинкой потеряли убитыми и ранеными 120 человек за двое суток — в основном от артиллерийского огня, от авиаударов. Убитых было более 30. Для меня это гигантские потери.

И на момент прорыва «отпускников» у меня батальон КЭПа был рассечён на две части: часть оборонялась в Снежном, а часть, вместе с разведбатом, оказалась прижатой к границе, отрезана.

К тому же мне постоянно приходилось снимать роты с Донецка, бросать на другие участки. К примеру, сначала мне роту шахтёров и противотанковый взвод пришлось бросить в Дебальцево. Потом то же самое пришлось делать с Красным Лучом. Потом начались бои под Иловайском. На момент прорыва нас настолько растащили, что у меня и военная полиция в бой пошла — в Шахтёрске воевала. В Донецке из нашей Славянской бригады остался практически только один батальон из двух рот, который прикрывал Петровский район. Батальон Каменска тоже почти весь ушёл из Донецка. И остались тылы: снабжение, комендантская рота, которая в основном состояла из стариков и необученных, боевая ценность

которых могла быть только в городе в уличных боях, а не в активных боевых действиях.

Какие-то резервы были у «Оплота» и «Востока», но «Оплот» мне подчинялся частично, «Восток» вообще не подчинялся. Меня упрекают, что я не навёл там порядок. Но у меня был простой выбор, когда я из Славянска зашёл: либо срочно формировать фронт против противника, либо устраивать переворот. Но Донецк на тот момент был совершенно мирный город. Народ загорал, купался, спортсмены тренировались, люди в кафе пили кофе. Как в Москве летом, так и в Донецке было. И меня бы никто не понял. Хотя мои солдаты рвались всех этих тыловых арестовать, разогнать. Но я понимал: стоит развернуть гражданскую войну — тут-то нас всех и хлопнут! Я решил, что худой мир лучше доброй войны, и сознательно ушёл от этого.

— **Были в этой критической обстановке намерения и из Донецка уйти, силы-то неравные были опять?**

— Меня же обвиняют, что я хотел оставить Донецк. Рассказываю честно: в какой-то момент я перестал верить, что помощь из России вообще придёт. Просто перестал верить! И никто не мог мне это гарантировать.

Критический момент для меня, как командира, был во время прорыва в Шахтёрске. Когда они выбили нас из Дебальцево, просто усиленная колонна 25-й бригады украинской пошла на Шахтёрск, вошла в город. Когда они заняли Дебальцево, я уже понял, что следующий рывок сделают на Шахтёрск. Я снял с фронта, то есть выделил из других батальонов, две роты. И они уже стояли на погрузке. И в момент, когда противник вошёл в Шахтёрск, одна моя рота двигалась туда, а другая была на погрузке двигаться туда. Соответственно, сразу после этого я снял ещё две роты, потом ещё одну, отправил туда бронегруппу «Оплота», то есть создал группировку. При этом обнажал я именно Донецк. Потому что был уверен: если противник и сунется в Донецк, то тут на улицах мы как-нибудь его задержим, а сдать Шахтёрск — означало полностью всё потерять.

Поскольку у нас была полупартизанская армия, грузились мы долго. Передвигались тоже долго. У всех ополченцев — семьи, они из Славянска вывезены были. И мы лишь частично успели предупредить их. Одна рота всё-таки вошла в Шахтёрск и не дала его занять. Но укры перерезали дорогу между Шахтёрском и Терезом. Потом их с этой дороги с трудом выбивали.

Бои были целую неделю, командовал «Царь» — Кононов. Поэтому я и поддержал его кандидатуру на пост министра обороны — как командир батальона он показал себя очень хорошо. У него был усиленный батальон. Четыре славянских роты, моя рота военной полиции, бронегруппа «Оплота», батарея... Всем этим он нормально маневрировал. Выбил 25-ю бригаду, разгромил её с достаточно небольшими потерями со своей стороны.

В момент, когда противник перерезал дорогу между Шахтёрском и Терезом, у меня наступил психологический кризис, я начал думать о том, что делать, подумывал переносить штаб в Шахтёрск или Снежное и готовить эвакуацию Донецка. Потому что понимал: если помощи не будет, то надо хотя бы спасти людей.

— **Вы не должны этот момент характеризовать как психологический перелом. Я внимательно следил за процессами, за динамикой ваших выступлений и, может быть, за динамикой вашей судьбы. И считаю, что вы всё делали правильно. Всё делали правильно! Исходя из реальных соотношений сил, иначе вы не могли поступать. С другой стороны, всё, что вы делали, — это мессианский подвиг.**

— Почему говорю, что перелом был? Потому что в тот момент я приказал готовить штаб к свёртыванию, всем штабникам грузиться. Люди не обсуждали мои приказы, потому что мне верили. И сам я выехал в Шахтёрск вперёд. Но в этот момент дорога была перерезана. Я целый день там пробыл, поговорил с бойцами, посмотрел. В течение дня я практически бригадой Шахтёрской не управлял, видел, что «Царь» нормально справляется, и вмешиваться в действия командира не хотел. К вечеру, пообщавшись с людьми, я принял решение не оставлять Донецк, хотя до этого планировал не Донецк сначала оставить, а Горловку. И за счёт горловского гарнизона прикрыть северный фас Донецка и линию на Шахтёрск. Потому что у нас там образовалась огромная, ничем не прикрытая дыра. Но тут ещё сыграло роль то, что в Горловке стоял «Боцман», и он отстоял Горловку. «Боцман» поступил абсолютно правильно: он моему приказу готовить эвакуацию не подчинился. А на следующий день этот приказ отменился сам собой. Я понял: в той ситуации, что сложилась, мы не сможем организованно вывести войска ни из Донецка, ни из Горловки. Нам отрезали последнюю дорогу, а полевые дороги очень неудобные.

Я воочию представил эвакуацию Донецка и Горловки — колонны беженцев, расстреливаемые на дорогах со всех сторон. Понял, что лучше принять бой в Донецке, чем все эти прорывы. Вечером я вернулся в Донецк и уже, несмотря на всю тяжесть ситуации, не планировал ни переноса штаба, ничего.

Это я ответил на вопрос, был ли план сдачи Донецка. Был план не сдачи Донецка, а намерение, как вариант, оставление Донецка с целью вывода и спасения людей, сил и средств.

— **Выравнивание фронта и бросок на Мариуполь — это всё только «отпускники» делали или ополченцы тоже участвовали?**

— Отдельные подразделения ополчения были им подчинены. Но в основном на Мариуполь наступали «отпускники». Когда они ушли, зыбкая осталась и линия фронта, и возможности.

Во-первых, Мариуполь был пустой, там двое суток не было украинских военных, можно было взять без боя. Но был приказ не занимать. Не просто приказ остановиться, а приказ ни в коем случае не занимать. Так же Волноваху можно было занять.

Почему я и говорю, что события похожи на события в Крайне: там Югославская народная армия остановилась буквально за шаг до решающей победы.

— **Игорь Иванович, а как вы вообще в эту войну спикировали?**

— Я был советником у Аксёнова в Крыму. Он человек огромной харизмы, умный, грамотный, здравомыслящий, талантливый. Я командовал единственным подразделением крымского ополчения: рота специального назначения, которая выполняла боевые задачи. Но после боя за картографическую часть, когда двое погибли (а я этим боем командовал), рота была расформирована, люди разъезжались.

Когда произошли события в Крыму, было понятно, что одним Крымом дело не закончится. Крым в составе Новороссии — это колоссальное приобретение, бриллиант в короне Российской империи. А один Крым, отрезанный перешейками враждебным государством, — не то.

Когда украинская власть распадалась на глазах, в Крым постоянно прибывали делегаты из областей Новороссии, которые хотели повторить у себя то, что было в Крыму. Было ясное желание у всех продолжить процесс. Делегаты планировали у себя восстания и просили помощи. Аксёнов, поскольку на него

такой груз свалился, он по 20 часов в сутки работал, попросил меня заниматься северными территориями. И он сделал меня советником по данному вопросу. Я стал работать со всеми делегатами: из Одессы, из Николаева, из Харькова, Луганска, Донецка. У всех была полная уверенность, что если восстание разовьётся, то Россия придёт на помощь. Поэтому я собрал неразъехавшихся бойцов роты, набрал добровольцев. Собралось 52 человека.

На Славянск вышли совершенно случайно. Нам нужен был средний город. 52 человека — это сила в более-менее небольшом населённом пункте. И мне сказали, что в Славянске наиболее сильный местный актив. Этот вариант мы оценили как оптимальный.

— **Как обрасталось людьми, подразделениями ваше движение?**

— Когда мы приехали в Славянск, на базе нас встречало человек 150–200. И они участвова-

ли в штурме УВД с нами. В УВД было достаточно много оружия — под сотню автоматов и 100–150 пистолетов. Люди сразу вооружились. Часть, правда, растащили.

На следующий день мы заняли Краматорск: я отправил туда казачье подразделение — 30 человек. И пошло-поехало. Дальше всё зависело только от наличия оружия. Первые месяцы добровольцев было много, но нам нечем было вооружать. Когда начались боевые действия, полилась реальная кровь, число добровольцев поуменьшилось.

Но всё равно их было немало. Мне докладывали цифры: к концу мая по Донецкой республике записалось добровольцев 28 тысяч человек. 28 тысяч человек реально ждали оружия. Если даже половину отместить: криминальные элементы, случайные, то даже половина — это 14 тысяч человек. Если бы у нас было оружие, то ситуация развивалась бы совсем иначе, чем она развивалась. К моменту моего отбытия из Донецка у нас под ружьём и 10 тысяч не было. В славянской бригаде по спискам было около 9 тысяч. Но из них комбатантов, то есть непосредственно бойцов,

около 5 тысяч. Остальные — тыловики, повара, волонтеры, снабжение...

— **Когда вы воевали в Славянске, вы были только военным или чувствовали себя и политиком? Люди, обращаясь к вам, спрашивают: «Кто ты, «Стрелок»?»**

— Честно говоря, я не собирался ни в коей мере не то что заниматься политикой, но даже светиться. В Крыму я тоже многое сделал. Переговоры по сдаче штаба флота я начинал, ходил туда в одиночку, беседовал со всем штабом. Но факт в том, что я нигде не засветился. Да, где-то на фотографиях какой-то полковник. Я же не говорил, что в запасе или отставной. Для решения моих тактических задач было выгодно, чтобы меня все считали действующим. При этом я нигде не кричал, что я действующий. Просто говорил — полковник. А сами додумывайте. Ну вот и думали: какой-то полковник. То, что я отставник, знали несколько человек. А остальные думали что хотели. Ни фамилии, ни имени моего не знали.

Так же я планировал вести себя и в Славянске. Собирался найти харизматического

лидера и оказать помощь как советник. Первое время я так и поступал. Поэтому Пономарёв всё время мелькал. Он — народный мэр, был очень активным. Был полезен в своё время. Потом всё пошло иначе. И я не нашёл никого, кого можно было бы двигать в качестве политического лидера.

А потом просто пришла команда засветиться: придет Денис Пушилин — его полностью поддержать. Хотя я и так все мосты сжёг, без документов там был, все бойцы оставили документы при переходе границы, но это отрезало возможности для отступления как такового вообще.

Как только я без маски, без «балаклавы» выступил по телевизору с Пушилиным, во-первых, все поняли, кто такой «Стрелок». Хотя и до этого знали, что реально я команду, перехват уже был опубликован, был мой фоторобот, но тут увидели меня воочию. Тут же меня вычислили, повезли на квартиру в Москве. Я этот момент не учитывал и не успел даже родственников предупредить. Родственников я вообще в курс никогда не вводил: что я, где, как. В результате я понёс потери в личном плане из-за этой засветки, потому что не могу жить у себя, пользоваться своей библиотекой. Не говоря о том, сколько пережили мои родственники, которые обо всём узнали тоже по телевизору. Всю войну в Славянске у меня была военная диктатура. А дальше я не лез.

— **Вы считаете, что ваш опыт — чисто военный, не политический. Вы были министром обороны, командиром бригады?**

— В Славянске был батальон, бригады не было. Первый славянский добровольческий батальон. Было знамя, штандарт. До выхода из Славянска я фактически не осуществлял никакого влияния на Донецк в качестве министра обороны. Я постепенно выстраивал фронт. Реально мне подчинялся Мозговой, я ему иногда ставил задачи. В строевом отношении он мне не подчинялся, но в тактическом, оперативном — подчинялся. Я рассматривал свою линию фронта по линии Лисичанск—Красный Лиман. Гарнизон Славянска подчинялся, Краматорск подчинялся, Дружковка—Константиновка. Какое-то время мне подчинялась и Горловка; Безлер, потому что я помог ему, послал отряд на зачистку города, без моего отряда он бы его не взял под контроль.

— **Мне кажется, всё, что произошло тогда в Славянске и Донецке с вами, так или ина-**

че связано с восстановлением государства. И вы участвовали не просто в восстановлении военной организации, но и государства в целом. То есть у вас была сознательно или бессознательно политическая роль, вы стоите у истоков установления государства.

— В тот момент я отлично понимал, что наедине Донецк и Луганск биться против укров не смогут. Тем более — при отсутствии собственной военной промышленности, дееспособного правительства из местных. А изначально я исходил из того, что повторится крымский вариант — Россия войдёт. Это был самый лучший вариант. И население к этому стремилось. Никто не собирался выступать за Луганскую и Донецкую республики. Все изначально были — за Россию. И референдум проводили за Россию, и воевать шли за Россию. Люди хотели присоединения к России. Российские флаги были везде. У меня на штабе был российский флаг и у всех. И население нас воспринимало под российскими флагами. Мы думали: придёт российская администрация, тыл будет организован Россией, и будет ещё одна республика в составе России. И о каком-то государственном строительстве я не думал. А потом, когда понял, что Россия нас к себе не возьмёт (я себя ассоциировал с ополчением), для нас это решение было шоком.

— **Оно не окончательное.**

— У нас ничего нет окончательного, в том-то и дело. Война идёт полгода, а мы до сих пор не знаем: «едына» Украина, не «едына» Украина. Что для нас важнее: газовые поставки или русское население на юго-востоке?

— **Хотелось бы, чтобы и то, и то. Но не получается.**

— А если не получается, то всё-таки, что важнее? Мне докладывают, что ежедневно в Донецке бомбят. Каждый день присылают полные списки попаданий: куда что попало, где какой снаряд. Вот, накануне, с двух ночи до пяти утра разносили город просто. Разносили! В один из дней с раннего утра до позднего вечера — разносили. Ещё немного — и превратят в Сталинград. А мы будем торговаться по сотне за нефть. И получается, что в торговом отношении мы с Украиной сотрудничаем, помогая ей выжить, а на фронте воюем.

Вообще, если бы я был нацелен захватить власть в ДНР, я бы смог захватить, никаких проблем. Когда я приехал из Славянска в Донецк,

все ждали, что я захвачу власть. Но у меня была задача защитить республику, а не захватить власть. Я бы с удовольствием туда вернулся. И я считаю, что всё делал правильно...

— **Я тоже так считаю.**

— Но спусковой крючок войны всё-таки нажал я. Если бы наш отряд не перешёл границу, в итоге всё бы кончилось, как в Харькове, как в Одессе. Было бы несколько десятков убитых, обожжённых, арестованных. И на этом бы кончилось. А практически маховик войны, которая до сих пор идёт, запустил наш отряд. Мы смешали все карты на столе. Все! И с самого начала мы начали воевать всерьёз: уничтожать диверсионные группы «правосеков». И я несу личную ответственность за то, что там происходит. За то, что до сих пор Донецк обстреливается, — я несу ответственность. За то, что Славянск оставлен, конечно, я несу ответственность. И за то, что он не освобождён, я тоже несу ответственность.

Но, поскольку «за неимением гербовой, пишем на простой», — мы создаём движение, чтобы хотя бы так, гуманитарно оказывать поддержку ополчению.

Сказать, что мы их обеспечиваем, нельзя. Но мы помогаем реально. Половина армии одета сейчас в зимнюю одежду, которую мы им поставили. Наша помощь идёт в войска. А обеспечить гуманитарной помощью население способно только российское государство. Только государство! Из госрезервов надо брать. На те деньги, что собираем, мы можем помочь ополчению, семьям, раненым, но и то далеко не всем.

— **Оглядываясь на свою жизнь, не думаете ли вы, что все переломы в вашей жизни, броски, войны — это результат какой-то таинственной логики, которая заложена даже не в вашу натуру, а в судьбу?**

— Я против любой мистики в этом отношении. Просто считаю, что в каждой ситуации надо поступать — не всегда получается, к сожалению, — правильно: «Делай, что должно, и будь, что будет».

— **Но сами ситуации возникают случайно или логично?**

— В той каше, что образовалась после распада Советского Союза, может быть всё что угодно. На войне встречаешь таких людей, которые ещё больше прошли и испытали. Я оказался под прицелом камер. Но встречал огромное

количество людей, которые этого заслуживают намного больше. И прошедших больше, и более талантливых во многом. У меня воевал офицер, который знает три языка, ещё до Донецка прошёл пять войн. Совершенно уникальной судьбы. Но по каким-то несовпадениям эти люди находятся под спудом. Может быть, их час ещё не станет. Эта мистика — реальная случайность.

— **Но у мистики есть своё поле. Она где-то существует, где-то реализуется. И реализуется не среди звёзд, а в человеческих взаимоотношениях. Вы не примеряете на себя политический кафтан?**

— Очень хотят на меня этот кафтан примерить. Но честно — мне рутинная работа никогда не нравилась. Я — разведчик, кавалерист, как Денис Давыдов. Он всегда тяготился регулярной службой. Хоть дослужился до генеральских чинов, лучше всего проявлял себя как партизан.

Я — человек прорыва, всегда иду на острие. Самые большие успехи, что у меня лучше всего получалось, — там, где надо было идти первым, проломить, зародить, начать строить. Дальше должны приходиться другие — строить. Это — во-первых. А во-вторых, я не обладаю необходимыми навыками. Если идти в политику, то я мог бы себя проявить именно в переломные моменты. Рутинная мне противопоказана. Я и сам заскучаю, потеряю интерес. Сейчас у нас относительно стабильная ситуация. У нас политика построена по принципу: замаскался — добро пожаловать. Есть на тебя крючок — значит, можно с тобой работать. А честному человеку сейчас в политике делать нечего. Надеюсь, что-то изменится. Всё-таки война, она многое меняет.

— **В русской истории военные были неудачными политиками. Они почему-то не умели вписать себя в политику, даже когда были военными аристократами. Несчастливая судьба декабристов. Поразительно вели себя военные в последние дни романовской империи...**

— Там была просто измена.

— **Вот военные так и занимались политикой — отдали власть Гучкову, Шульгину. А Тухачевский? Не сумел ничего сделать. Жуков был хозяин страны, власть в его руках была абсолютная. Он передал её Хрущёву.** — У военного подспудно заложена функция подчинения.

— **Только не у латиноамериканского...**

— Латиноамериканские военные в основном и занимаются тем, что друг друга свергают. А мировых войн они не выигрывали.

— **А у турецких военных? Нет, там другие военные традиции. Русские военные всегда, реально получив власть, отдавали политикам, которые потом с ними же и расправлялись.**

— Я не совсем военный в классическом смысле. Командование такого рода для меня скорее случайно. Я — спецслужбист.

— **Как спецслужбист, вы имеете шанс стать крупным политиком.**

— Политика сейчас — это манипулирование выборами. Ложь с экрана, ложь везде. Главное качество политика — вертеться, как флюгер. Я не умею вертеться, как флюгер, и не желаю уметь. Я хочу умереть честным человеком. И лгать не буду ни с экрана, никак. Если я не могу сказать честно, то лучше ничего не скажу. Я могу обойти какие-то темы, но более того. Лгать напрямую я не буду. Категорически не хочу.

В современном политическом устройстве для меня места нет, я это прекрасно понимаю.

— **Может, в настоящий момент нет. Но история переменчива, особенно русская история. В ней заложена огромная динамика. Я всей кожей чувствую, что временны эти тишина и перемирие, абсолютно иллюзорны. Самое дорогое у человека — это репутация. У вас огромная репутация.**

— Её сейчас пытаются утопить.

— **Не обращайтесь внимания. Шлейф, что на вас навешивают, смехотворен. Может быть, у вас будут искушения, будут чародеи, которые захотят вас очаровать. Ждите, когда труба опять затрубит.**

— Надеюсь, что дождусь.

— **Иерихонские трубы всегда наготове, не волнуйтесь.**

— Главное, чтобы медные не зазвучали.

— **Медные вы уже прошли, остались иерихонские. Стрелков занял своё место в русской истории. Он совершил то, что мог совершить. И это, дорогой Игорь Иванович, драгоценный ресурс нашей с вами исторической реальности.**

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и бывший премьер-министр Донецкой народной республики Александр БОРОДАЙ

— Прежде всего, я хотел бы поздравить тебя с наградой — ты стал первым Героем Новороссии — страны, которая сама является страной-мучеником, страной-Героем. И видит Бог, что все, кто молится за Новороссию, молятся и за тебя. Ты — действительно национальный Герой, и это не преувеличение.

— Спасибо большое, Александр Андреевич. На счет того, что молятся, я чувствую. И были слу-

чай, которые это подтверждают. Из некоторых ситуаций удавалось выныривать просто чудом. Например, когда с чудотворной иконой мы проскочили буквально перед колонной танков противника.

— Когда я беседовал с Захарченко, он рассказал, что Бородай интересен тем, что занимается порученным делом, в том числе делопроизводством, но секунда покоя — он хватается

автомат и бежит в «зелёнку». Для него важно бегать по «зелёнке» и отражать атаки укров.

— Не то чтобы это важно для меня. Просто ситуация иногда так складывалась. Ну, например, во время первого штурма аэропорта. Изначально это была «договорная операция», мы рассчитывали, что противник сложит оружие. Честно говоря, уже ночью эта операция казалась сомнительной. Но все наши «военспецы» выражали полную уверенность в успехе.

Утром начался бой, который в какой-то момент нас разделил. А вскоре мне пришлось выходить из боя и ехать собирать слегка запаниковавшее правительство. Бои в городе на тот момент были ещё в новинку.

Затем я вернулся, приведя в качестве подмоги ещё и бойцов «Абвера». Было понятно, что дела идут плохо, в том числе и потому, что противник впервые с начала боевых действий применил авиацию. Мне было важно вытащить и бойцов, и Сашу Ходаковского, который являлся, да и сейчас является, важной фигурой сопротивления. Именно тогда я отдал первый свой серьёзный приказ Александру Захарченко. Я сказал: «Саша, делай что хочешь, но доберись до Ходаковского и вытащи его!» Честь и хвала ему за то, что он это сделал: добрался до Ходаковского и вытащил его оттуда.

— **Тогда была ситуация дружественного огня?**
— Да, на отходе.

— **Я помню времена, когда ты, еще розовощекий молодой человек, по моему призыву пришел очищать от недругов здание Союза писателей СССР на Поварской. Теперь ты спасаешь не Союз писателей, а новое фантастическое государство. Между этими двумя операциями прошла — моя-то точно — целая духовная жизнь. Думаю, что и твоя тоже. В той операции просматривалось много твоих черт, которые, не сомневаюсь, ты сохранил по сей день. Ты отзывался на зов друга, на зов своего сердца. Ты был восхитительно авантюрным человеком, тебя не останавливали ни законы, ни угроза гибели. Ты тогда уже сложился в сегодняшнего Бородея. Объясни мне, были в твоей жизни моменты, когда ты становился другим человеком?**

— Непростой вопрос. Наверное, других моментов в жизни не было. В какой-то период я отдал много сил и времени тому, что сейчас называется бизнесом. Но мне представляется, что с помощью моих занятий бизнесом я делал кое-что и для страны. Моя основная профессия, которой я занимаюсь

много лет подряд, — управленческий консалтинг. Так или иначе я влиял на многие процессы. И нужно сказать, что все эти мои занятия позволили мне получить весьма разностороннее практическое знание. Позволили окунуться в те сферы, куда не может окунуться даже госчиновник крупного ранга, поскольку занимается определённым и, как правило, достаточно узким кругом проблем. Я же, разговаривая с представителем почти любого ведомства, чувствую себя более или менее компетентным. Безусловно, я не знаю предмет с такой же глубиной, как знает профессионал, но хорошо ориентируюсь.

— **Я помню, как во времена, когда я был маргинальным, задвинутым изгоем, ты устроил мне поездку на Ижорские заводы.**

— Простите, что прерываю, но вы никогда не были маргинальным...

— **Был, и это реальность... Тогда я увидел эти заводы, которые были жемчужиной советского машиностроения. Они уже были наполовину убиты, поскольку первое поколение наших богачей поступали с этими машинами очень жестоко. Вынимали из них всё, что они могли дать, а потом выкидывали на свалку.**

— Уже после вашего визита на Ижорских заводах снимался немецкий фильм, по-моему, он называется «Бункер», про последние дни Гитлера. И развалины рейхсканцелярии — это и есть, собственно, Ижорский завод. Такой вот парадокс...

— **Перед тобой была вся панорама российского бизнеса: персоналии, корпорации, их уровни, их вознесения и крушения, их сложнейшие интриги. Ты заметил момент, когда стал формироваться национальный русский бизнес? Что это за явление? Как ты его почувствовал?**

— Заметил. Моя профессия заключается в том, чтобы в течение 24 часов быть готовым примчаться по тревоге и начать решать проблемы того человека или организации, с которыми работаешь. Какие-то предложения представляются аморальными и противными, и тогда от них отказываешься. Иногда приходят люди, которых ты чувствуешь и узнаешь как своих. Начинает накапливаться некая масса — с этими людьми ты не только работаешь, но и дружишь, понимаешь, что ценности одинаковые. Ты понимаешь, что раньше этих людей не было, а приходилось иметь дело с совершенно другими людьми, с совершенно другим типом настроения.

Но год от года их становится всё больше. В крупных компаниях появляются другие люди, которые начинают думать в рамках того, что можно громко назвать национальной парадигмой, думать о России. И ты понимаешь, что изменения происходят. Крупный бизнес не может не взаимодействовать с государством. Так нигде не бывает.

— Когда крупный бизнес был не национально ориентированным, он и государство делал не национально ориентированным. Произошёл удивительный перелом. Произошла национализация бизнеса. Этот момент очень таинственный. Так же, как произошла национализация государства. Ведь сегодняшнее российское государство возникло не в 1991 году. И этот момент (в который уже раз) зарождения государства Российского является таинственным историческим процессом. Мне всё время хотелось уловить синусоиду, закономерность нашего сползания в бездну и такого же закономерного вознесения из этой бездны.

— Я думаю, что в середине двухтысячных годов это начинает ощущаться. Фактически 2000-й год — это год прихода к власти Путина. Сам факт прихода к власти ничего не значит — так же, как и приход к власти Сталина формально ничего не значил. Ситуация меняется не мгновенно, а в течение нескольких лет. Так вот, на мой взгляд, к концу 2003 года и в бизнесе, и в политике, и даже в бюрократическом государственном аппарате начались существенные изменения. Они не прекратились, они ещё идут.

— Этот процесс загадочен тем, что, может быть, он неуправляем. Он возникает сам по себе, как трава растёт, так возникает русское национальное сознание, в недрах бизнеса, чиновничества, культуры, семьи.

— Если провести аналогию... Вы знаете, как я отошусь к советской власти. Я считаю, что в первые полтора десятилетия, а то и больше, своего существования она была довольно антинациональной. Но потихонечку русский народ сумел её национализировать, если угодно. Это был трудный, болезненный процесс, с колоссальным количеством жертв, откатами назад, движениями вперёд. Но советская власть была национализирована русским народом.

— Я затронул эту тему потому, что, мне кажется, все события последних двух лет, включая Крымские и Новороссийские, связаны

с национально ориентированным крупным бизнесом. Эти процессы запущены не политиками. Конечно, они имманентно связаны с русской историей, с русским ренессансом. Но детонаторами этих процессов были русские национальные бизнесмены, крупные и помельче. Например, крымский русский бизнес возглавил весь политический процесс ещё в украинскую пору. Или сегодня в Новороссии и Донецке все серьёзные административные, да и военные посты занимают вчерашние бизнесмены, которые исполнены энергии, пассионарности, знают среду, отношения...

— Захарченко — один из примеров...

— Я о нём и думаю. Расскажи, как русский бизнес в лице известных тебе персонажей вошёл в этот политический процесс. Русские ренессансные украинские территории — огромное русское дело, которое не закончено. Оно восхитительно и трагично. Надо отдать должное тем людям, которые его сдетонировали.

— Попробую обойтись довольно общими фразами, поскольку данная ситуация ещё не стала окончательно историей. Она уже является её частью, но не кристаллизовалась.

В бизнес в России идут люди очень инициативные и смелые. Они проявляют инициативу везде, в том числе стали проявлять её и рисковать и в политике. А это как раз и есть проявление свободы. У нас всё время лепечут о том, что государство несвободное. Но по сравнению со многими так называемыми развитыми странами оно как раз в плане человеческих свобод очень сильно свободное. Есть законы, но на Западе есть колоссальное давление общественного мнения, которое генерируется из единого центра и задаёт жёсткие рамки, выход за которые сильно карается разного рода репрессивными мерами: как прямыми, так и косвенными. У нас этого нет, поэтому в последнее время люди значительно более свободны в своих суждениях и действиях. И частная инициатива у нас намного больше, чем во многих странах мира. Я поездил по миру, пообщался с представителями бизнеса и знаю, о чём говорю.

Сейчас эти инициативные люди называются у нас добровольцами. Добровольцы — это не только те, кто идёт с автоматом в руках. Хотя многие бизнесмены и из Донецка, и из России, бросив бизнес, с автоматом в руке... Они там есть, это чистая правда. Это — частная инициатива, не задушенная пока у нас в стране.

— Этот фермент был включён в крымские дела?

— Безусловно. Уверяю, что без частной инициативы никак. Я прекрасно понимаю, почему весь Запад и все их профессиональные разведсообщества находились в таком шоке от Крымских событий. Понятно, что они до какой-то степени контролируют значительную часть российской бюрократии. И, естественно, ожидали, что у такой блестящей операции должен быть план, тщательно проработанный, заранее согласованный. Но... когда Крым был блестяще, бескровно взят нами, они задумались о том, как случилось, что агентура не сработала. Значит, она двойная или проваленная? Или это была дезинформация? На самом деле плана не было! Была инициатива, и было быстрое реагирование на ситуацию. Надо отдать должное и государственным институтам, которые сумели в этой ситуации оперативно среагировать.

— А как ты спикировал на Крымский полуостров?

— Слава богу, я долетел туда пассажирским самолётом без особых авиационных происшествий. Честно говоря, летел туда с ощущением, что буду партизанить. В буквальном смысле этого слова. День-два — и я, возможно, окажусь в каком-нибудь лесу с берданкой в руках. Но ситуация очень быстро развернулась.

— Ты летел поднимать крымское восстание? Это был твой экспромт? Или ты почувствовал, что в этом месте, наконец, вспыхивает русский факел?

— За последние несколько лет я довольно хорошо изучил Крымский полуостров.

— И чем ты там занимался?

— Будем считать, что отдыхал.

— Крымское дело было завершено энергично и блистательно. А как началось следующее дело? Для тебя.

— Оно одно из другого вытекало. Ещё в Крыму у меня оказался не свой кабинет, и ко мне потянулись ходоки. Это были люди из других регионов. Что просили? Прежде всего говорили: дайте начальника, руководителя, организатора. Конечно, просили и оружие, и медикаменты. А вот денег — почти никогда. Мы чувствовали, что там идёт движение, что люди смотрят на Крым, который ещё не объявлен нашим, но все уже знают, что он им будет. Ещё не было референдума, ещё кое-где развевались жов-

то-блакитные стяги, ещё флот не полностью капитулировал. Но ходоки уже были.

Позже, улетев из Крыма, в Ростове, в аэропорту, мы сидели в кафе с полковником Стрелковым, и к нам приезжали один за другим люди.

— Это результат твоего крымского сидения. Они увидели в тебе человека, с которым можно общаться и который будет им полезен.

— Если хотите, да. Они увидели людей, к которым можно обратиться за помощью.

— Донбасс — очень творческая среда. Там люди, как цветы: разные, цветущие, ароматные... Почему на тот момент они не могли выстрадать своего лидера? Вы были на тот момент кто: Рюриковичи или Бородаевичи?

— Видимо, да (*смеётся*). Наверное, здесь проявилась такая славянская манера искать лидера где-то. На самом деле, здесь всё понятно. Всегда нужен профессионал. И каждый из нас таковым являлся. Всегда очень трудно выделить руководителя из своей среды. Кроме того, когда у вас есть вождь, командир из России, — это духовная опора на Россию. А поскольку Донбасс стремился и продолжает стремиться в Россию, это было очень важно.

— Ты оказался на Донбассе. Расскажи мне про этапы действия. Ведь это же были разные фазы, они не были «слипшимися». Как бы ты расчленил время своего пребывания там?

— По-настоящему я вычленил все фазы когда-нибудь потом, когда ситуация лично для меня приобретёт финальные рамки. Если же сейчас пытаться вспоминать всю ситуацию, то она для меня немножко слипалась. По одной простой причине — времени было очень мало. Мы были первыми, и действовать надо было быстро. Самой моей большой бедой было физическое отсутствие сна. Я не спал по несколько суток, а это зверски выматывает. И, к сожалению, влияет на способность управлять какими-то процессами. Часто понимаешь, что не все действия были абсолютно адекватными. Иногда принимал более жёсткие и прямолинейные решения там, где мог бы найти другие пути выхода из кризиса.

— У тебя всё-таки была власть или её трудно было полностью реализовать в этой стихии?

— В некоторые моменты она была, честно говоря, огромная. И я старался держать себя в руках, чтобы не допустить порывов реализовать её, что называется, по полной. Я понимал, что достаточно в какой-то момент махнуть рукой, и по моей команде будут приняты самые жёсткие и суровые меры по отношению к какому-то человеку или группе людей. Я старался уберечься от разрушающего в этом смысле воздействия власти.

— Для тебя это был совершенно новый опыт. То, чем ты занимался прежде, не было пребыванием во власти. Власть — это абсолютно новая для тебя субстанция, причём власть в воюющей стране, власть, которая подтверждается оружием. Это же новая моральная и психологическая ситуация.

— Не такая уж новая. Я думаю, вы знаете, что эта война далеко не первая в моей жизни. Не пребывал во власти — тоже не совсем правильно. Дело в том, что я влиял на очень многие решения в самых разных местах и странах. И причастность к принятию разного рода важных политических государственных решений у меня была. Мне было довольно легко разделить самого себя внутри. Если хотите, такое раздвоение личности. Я сам у себя в какой-то момент пребывал советником. Говорил, что не надо принимать поспешных решений. Хотя решения сыпались каждые пять минут. Случалось, что прошли всего сутки, а у тебя ощущение, что прошло две-три недели, месяц...

— Если хотя бы навскидку перечислить круговорот твоих проблем, дел, решений?

— Сейчас многие думают, что я прежде всего был гражданским управленцем. В реальности же гражданским делам я уделял мало внимания. Проблема заключалась в том, что, когда я туда пришёл, там была дикая анархия. Захваченное здание ОГА представляло собой чудовищный муравейник, окружённый совершенно дикими баррикадами, в которых ютились непонятные люди. Разные этажи в буквальном смысле слова воевали друг с другом. Непонятно было, кто, где и зачем находился. И всё это, естественно, было наспиговано агентами СБУ и диверсантами. В фойе регулярно распрыскался какой-то отравляющий газ, вызывающий жжение в глазах и головные боли.

Самое же главное — сопротивление состояло из совершенно разрозненных военных отрядов, если хотите, дружин, которые между собой никак не коммуницировали, не управлялись, подозревали друг друга в пособничестве противнику и готовы были сойтись друг с другом в смертельной схватке, конкурировали из-за оружия, которого радикально не хватало. И моя главная

задача была в том, чтобы свести всех этих людей, научить их хоть как-то взаимодействовать, обороняться, делиться оружием. Я тогда шутил, что нужно открывать военно-сырьевую биржу, чтобы выменивать и распределять. Всё это занимало много времени. А ещё одни командиры арестовывали и разоружали других, приходилось разруливать. Кроме того учтите, что боевые действия идут не только в Донецке. Славянск — это вообще отдельный анклав. Есть ещё «дорога жизни», по которой вы въезжали в ДНР. Везде идут боевые действия, не все части одинаково устойчивые, кто-то поддаётся панике. Порой приходилось всё бросать и ехать в Снежное или Дмитровку «разруливать» ситуацию. Приходилось и нормальную штабную работу налаживать, и разведку организовывать. Поначалу именно военное строительство занимало процентов восемьдесят, а то и девяносто моего времени.

— **У тебя же не было для этого данных. Ты — сын философа, ты мог манипулировать всевозможными социально-психологическими процессами. А здесь создавал военную организацию. Либо ты самородок, либо должен обладать первичными навыками. Как ты общался с полевыми командирами? Кричал, увещевал, доставал ПМ? Это же стихийные донбасские мужики.**

— По-всякому бывало. Иногда приходилось не только доставать, но и применять. Но, послушайте, Александр Андреевич, это же нормальная социально-психологическая ситуация. Это же люди, и не важно, что на них надето: дорогие костюмы или «горки», — их поведенческие стереотипы в принципе одни и те же. Что ещё от командира требуется? Карту читать, ТТХ оружия знать? Я умею, знаю...

— **Когда ты говоришь, я всё время обращаюсь мыслями к Гражданской войне, когда из этой плазмы, где не было структуры, была разрушена субординация, когда все офицеры потеряли погоны, вдруг возникали потрясающие персонажи, которые создавали боевые организации. Чапаевы, Щорсы, Фрунзе... Здесь — то же самое? Когда из огня и плазмы вдруг возникали человеческие кристаллы?**

— В общем, да. Саша Захарченко — он же не военный. Нынешний министр обороны ДНР тоже не военный. Он тренер по дзюдо и никогда не был на военной службе. И таких много, которые и оружие-то раньше не держали в руках, разве что охотничье.

— **Это потрясающее творчество. Создание нового поколения.**

— Таких людей много. Я не буду рассказывать про самого результативного, на мой взгляд (исключая генерала Петровского, он же «Хмурый», профессионала высокого класса), командира диверсионной группы, до войны — человека совершенно мирной профессии.

— **Расскажи о наиболее рельефных операциях, в которых ты участвовал или которые наблюдал. Из каких рывков состояла вся эта оборонная война?**

— В том-то и дело, что, по сути, мы большую часть времени удерживали оборону, перемалывая огромные силы противника. Наши наступательные операции, если не считать той, которая произошла после того, как я вывел Стрелкова в ночь с 13 на 14 августа, были очень большой проблемой. Нам удавались отдельные локальные действия, скорее диверсионного характера. Мы, по большому счёту, держали оборону. А наши наступательные действия в районе Мариновки, Степановки, Кожевни были реально очень тяжёлыми. Мы теряли колоссальное количество людей. А Саур-Могилы... Вы же сами всё знаете, побывали там, правда, не в разгар боёв. Самая тяжёлая и кровопролитная высота была именно там. Рядом с памятником, чуть ниже, был домик, от которого сейчас ничего не осталось. В его подвале практически до конца всех этих событий находились семь человек, которых чудом оттуда вытащили.

— **Сейчас там на самом верху семь свежих могил.**

— На самом деле там погибло очень много людей.

— **У меня была встреча с Путиным. И в разговоре мы коснулись Новороссии. И он сказал, что у него на столе лежит донесение, в котором сказано, что там существует высота, «я забыл, как она называется, где дело доходило до рукопашной. И ополченцы, как в Великую Отечественную войну, вызвали огонь на себя».**

— До рукопашной дело доходило не только на Саур-Могиле.

— **Но когда я попал на Саур-Могилу, то понял, что Путин говорил именно о ней. Это гора, на которой должен побывать каждый человек, чтобы понять мессианство этой войны. Там очень много открывается человеку, который хоть чуть-чуть склонен**

к философствованию и прозрению. Эти монументы, посвящённые лёгчикам, танкистам, пехотинцам... Их убивали так, как будто это были живые люди. Это было сражение с самой историей. Это была битва за пересмотр концепции войны, концепции России. Я ходил по следам этих атак, и во мне всё гудело.

— Это была битва с новым, но, на самом деле, старым мировым порядком, начавшаяся, по сути дела, еще в 1947 году, когда мы уступили в Бреттон-Вудских соглашениях. Это был откат назад.

Донецк и Луганск сегодня, по сравнению со всем остальным миром, — две маленькие точки, два маленьких образования, которые, по сути, являются точками бифуркации, центрами борьбы с этим порядком. И если эти два крошечных, смешных, комических на вид образования сумеют утратить нос новому-старому мировому порядку, это будет юридическим прецедентом, доказательством того, что этот порядок рухнет. Поэтому так страшно и бьются за эту землю.

Очень жаль, что мировым кукловодам удалось сравнить и столкнуть славян со славянами. наших братьев, таких же, как мы, — с нами, поэтому и война такая жестокая, свирепая и тяжёлая на потери. С той стороны бьются люди упорные. Будь против нас какая-нибудь другая армия, не было бы такой войны и та-

ких потерь. Но против нас — так называемые украинцы, многие из которых и украинского языка-то не знают. Они такие же, как мы: упрямые, устойчивые, крепкие в бою, хорошие товарищи. И в какой-то момент начинают биться не за идеологию независимой Украины, а за погибших товарищей. И это страшно.

И тем не менее это битва не с ними. Это битва против установившегося мирового порядка. Хорошо, что в Донецке все это в основном понимают. Битва — не с Украиной, а с настоящим врагом.

— **Ты это понимал с самого начала?**

— Конечно!

— **То есть твоё поведение там было идеологически оправданно и мотивировано?**

— Естественно. А иначе я бы туда не пошёл. Я никогда не был склонен участвовать в такого рода конфликтах, связанных с кровопролитием, ради меркантильных или идеологически неоправданных интересов. Данная война лично для меня абсолютно идеологически оправданна и справедлива. Это и дало мне возможность в ней участвовать.

— **Скажем, ты приходишь в подразделение, а там развеивается флаг с серпом и молотом, в другом — имперский чёрно-золотой, в третьем — хоругвь... Православная армия, казачество...**

— Я понял. Их несколько на самом деле, они внутри себя делились. По качеству и составу русских православных хоругвей.

— **Интегральная идеология — это то, что ты сейчас сказал. Это цементирующая идея. А всё остальное — антураж.**

— И язычники есть...

— **Государство состоялось, прошли выборы, военная организация строится, общая психологическая среда, которая всех объединяет, местами рвётся, местами опять сливается. Видимо, будет сформулирована идеология государства. Как бы ты её сформулировал?**

— На самом деле, идея государства под названием «Донецкая народная республика» очень проста и примитивна, а потому действенна. ДНР — та часть брошенной в своё время, загаженной, уязвленной олигархами территории, которая хочет назад, в Россию, в Русский мир, домой. Это главное. При этом сохраняется донбасский патриотизм, о котором вам говорил

Андрей Пургин. Но при этом доминирующая идея — назад, к русским, к родным, к братьям...

Сейчас с Украиной происходит страшная вещь. Она подвергается процессу, которому много веков назад подверглась Польша. Польско-литовское государство в своё время было вторым альтернативным центром соединения и укрепления русского народа, русской государственности. Потом оно попало под идейное влияние Запада, и поляки стали нашими злейшими врагами, врагами славян, врагами православных. И сейчас Запад пытается сделать продвижение на новую территорию. И территория тех, кто в своё время боролся с поляками за свою самость, за то, чтобы быть православными, чтобы не быть частью Запада, — эта Украина при определённых условиях может стать, если это позволим мы и те люди, которые там живут, такой же частью Запада, какой в своё время стала Польша. И будет так же ненавидеть всё русское и православное, всю нашу историю. Но мы этого позволить не можем. Не должны.

— **А как не позволить? Сама по себе эта война антагонизирует эту территорию. Прекратить войну? Сдаться? Это невозможно.**

— Конечно, сдаваться нельзя. В любой войне есть определённые периоды. Я уверен, что вся остальная Украина, кроме Донбасса, сохраняется единой лишь в силу колоссальных организационно-финансовых усилий Запада. Не более того. И если бы этих усилий не было, она бы раскололась. Я считаю, что исторический процесс раскола Украины абсолютно неизбежен. Есть три органические части, на которые она распадётся. Это вся оставшаяся Новороссия, которая по духу наша. Да, она тяжела на подъём, она сейчас безумно запугана, все активные элементы оттуда вытравлены, кто-то сидит в тюрьмах (масштабы посадки совершенно дикие, нацистские!).

Есть Новороссия, а есть Западенина, где только сейчас, на мой взгляд, сформировался украинский этнос. Он формируется с XIX века страшными усилиями наших врагов начиная со спецслужб Австро-Венгерской империи. Сейчас на Майдане этот этнос сформировался — и возник украинский народ. Но его территория — это Житомир, Ровно, Ивано-Франковск, Львов... Они только там ощущают себя народом. Они и Киев-то ненавидят.

И есть центральная Киевская часть — ни рыба, ни мясо. Непонятная территория: и не наша, и не украинская. Я считаю, что настоящая Украина, которая почувствовала себя украинским

этносом, должна жить самостийно. Пусть. Они не перемелют всю остальную территорию.

Таким образом, есть три органические части: настоящая Украина, западная, которая, хотим мы этого или нет, духовно уже отдельная территория, окончательно оформленная на Майдане. Есть центральная Украина, с которой непонятно что делать. Ни рыба, ни мясо. Аморфное население. И есть Новороссия, которая является, на мой взгляд, органической частью Русского мира. И она в него, так или иначе, должна войти. Формальные условия этого вхождения, честно говоря, не столь важны.

— **Важно, что эта территория сдетонировала, почувствовала себя отдельной, самостоятельной. Очень быстро прошла фазу национального русского созревания. И какие бы гаубицы и «Грады» ни работали, этот процесс не обратить вспять.**

— Я думаю, что сейчас экономическая ситуация будет складываться так, что реально эти территории будут откалываться, там будут накапливаться возмущения. И, несмотря на все деньги и организационные возможности Запада, Украина развалится. Не в ближайшие месяцы, так через год.

— **Чем сейчас занимаешься?**

— Донецкая народная республика постепенно выпускает меня из своих объятий, но довольно медленно. Я сложил с себя все полномочия и формально сейчас за Донецкую республику никак не отвечаю, в правительство не вхожу. И считаю это абсолютно правильным. Там сейчас есть власть, и нечего пытаться подруливать. Стараюсь там даже не появляться, чтобы не возбуждать лишнего слухов и каких-то надежд. Я пытаюсь дать возможность новой власти ДНР и новой элите сформироваться.

Правда, если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе. Поэтому здесь, в Москве, каждый день у меня большое количество гостей из ДНР!

— **А твоя жизненная стратегия в чём сейчас заключается? Не открывать же здесь гостиницу для друзей из Донецка? Я не иронизирую. Ты мог бы быть спецпредставителем Донецка в Москве.**

— Уже есть. Я сам себя назначил. На сегодняшний день я просто помогаю своим друзьям и товарищам оттуда, с «территории». И надо сказать, что это отнимает невероятное количество времени. Я по-прежнему не сплю и никак не могу заняться своими личными делами. Что же делать... Жила бы страна родная...

«Мы — ДОНЕЦКИЕ»

*Беседуют Александр ПРОХАНОВ
и первый вице-премьер
Донецкой народной республики
Андрей ПУРГИН*

— **А**ндрей Евгеньевич, мы с нашими друзьями из Изборского клуба приехали по вашему приглашению. У вас строится государство: в муках, противоречиях, но строится. Происходит централизация по военной линии. Гражданские структуры выстраиваются. Прошли выборы. Как бы вы определили: какой сейчас этап в строительстве государства? — Думаю, Александр Андреевич, очень начальный. Очень начальный! Как в песне поётся: «Мы в труде и в бою за отчизну свою...» Воспринимать выборы как окончание процесса — не следует. Предстоит много трудностей, и выборы расценивать нужно именно как начало. Начало легитимного процесса. Конечно, общество сейчас отобюрокрачено и ощущает себя соответственно. Нас ежедневно бомбят, нехватка всего и вся, бытовые проблемы... Но люди собраны. Большая разница между обществом в состоянии покоя и в состоянии мобилизации. Когда наступает мир, совсем другие и настроения, и мотивации. Люди сейчас идут общей колонной, в такт. Вот ни свет ни заря народ толпами пошёл голосовать. Не растянул свой день, а именно с утра — на выборы. Бюллетеней на участках не хватало. А завтра, может быть, появятся вопросы, разногласия.

Сегодня большое влияние имеет военная составляющая, она поглотила все гражданские аспекты. А это может привести и к опасным последствиям. Потому что военные на местах начинают сливаться со старыми гражданскими администрациями, которые не представляют наших интересов. И гражданские администрации превращаются в этакую нахлобучку, кепку, которую потом можно сбросить.

Есть Ринат Леонидович Ахметов. Он не виден. Но он же есть, он влияет. Полтора миллиона продуктовых двенадцатикилограммовых наборов роздано в течение последних двух недель от его имени — через исполкомы, через другие государственные администрации. С одной стороны — хорошо, но его щедрость и бескорыстие вызывают сомнения. Много осталось государственных администраций, которые по сей день получают от Украины зарплату. Так что ситуация непростая.

Сложным будет и переход от военной ситуации к ситуации гражданской. Потому что военным, которые месяцами воевали, сидели на блокпостах, тяжело приезжать в мирный город, им непонятно, почему здесь население не живёт по военному уставу.

Но государство, уклад рождаются. Народ частично возвращается.

Будут большие сложности в отношениях с Украиной. Будет непросто и с Российской Федерацией. Поскольку любая государственность — РФ в том числе — это большая мощная машина, которая всё перемелет. Но это кропотливый процесс, пока доберётся, чтобы перемолоть, надо дожить.

Зима у нас будет сложная. И если мы переживём зиму, то у нас высокий шанс построить субэтнос — идентичность, которая будет естественной частью Русского мира, будет тянуться, стремиться, постепенно шагать в этот Русский мир.

Есть понятие «коэффициент связи регионов». По этому коэффициенту Крым не был Украиной вообще ни одного дня. В 8–12 раз его коэффициент был меньше, чем украинский, поэтому Крым был тем яблоком, которое само упало — срывать не надо.

А в Донбассе — иная ситуация. Это обычный украинский регион, у которого связи с другими регионами были максимальные.

В 250 километрах Ростов находится, но связи с Ростовской областью почти нулевые: поезд через день — пустой, и автобус один из Донецка. Связи обрывали сознательно, конечно. Даже путём международных тарифов. Международный тариф был введён Украиной, навязан Российской Федерации. И вот идёт автобус по нашей территории — 17 гривен 100 километров. Если он переезжает 1 километр на территорию Российской Федерации, тариф становится 200.

Так что работа предстоит колоссальная, и должна она вестись умно. У меня есть обоснованная надежда, что работа эта будет проводиться, что нам помогут. Кроме динамических действий есть и стратегические. И стратегические на сегодняшний день важнее, чем тактические.

— Вы сказали об идентичности субэтноса. Мне кажется, что его создание легче достигается в условиях войны, в условиях консолидации. Если в условиях войны не удастся создать этого самосознания, то в условиях мира его достичь очень трудно — дисперсия будет огромна.

— Наша территория, к сожалению, — территория потерянной этничности. Мы проводили исследование. Обычно человек на простой вопрос отвечает быстрее, чем через две секунды. Вопрос — ответ. Есть мнение, что если человек

отвечает позже, чем через две секунды, ответ засчитывать не нужно. Потому что человек не уверен, в подсознании что-то затормаживается... Мы в ходе исследования опросили 2 тысячи человек. И почти 80% допустили паузы более 2 секунд на вопрос: «Какой вы национальности?» Были рассуждения: бабушка — такая, а мама такая...

Из оставшихся чуть более 20% — а были в этих не сомневающих русских, украинцы, белорусы, практически все опрошенные представители Кавказа — уложились. У них чёткая этничность. Но у большей части нашего населения этничность потеряна. Над этим предстоит работать в ближайшие 10–15 лет.

Самая серьёзная идентичность здесь у нас — региональная. Региональный патриотизм развит сильно. Донецкие землячества есть по всему миру, они реально работают, люди встречаются, тяготеют друг к другу.

— И какой этнос выковывается в идеале?

— Для начала — региональный этнос под пологом Русского мира. Если представить дом, в котором мы живём, то фундамент — экономика. Стены, окна, двери — это региональный патриотизм, причём наступательный. Крыша, покров — это Русский мир. Так мы можем обороняться от агрессивной украинской этничности, которая наступает.

— Мы почувствовали, что есть особое донецкое самосознание, особый донецкий характер, особое донецкое мессианство. Мы встречались на боевых позициях с волхвами, которые считают, что Донецк — сакральная земля, что в донецкой земле таятся возвышенные духи.

— Начинает срабатывать формула «мы — донецкие». Это многоаспектная категория. И мы будем её развивать. А направление наше — на Русский мир, в сторону русскости. И «революция» наша прошла под Русский марш «Русские идут». Реально песни эти звучали везде, постоянно — «Небо славян» и так далее. Региональная идентичность, региональный субэтнос уже сложился, он довольно агрессивен, готов себя отстаивать. А вот этничность разбудить сложно, это кропотливая работа, долгий процесс.

Интересно, что у нас сейчас самая активная группа — бывшие украинские националисты. Им по 24–28 лет. Они встали в наше ополчение и сейчас воюют против бывших своих братьев, с кем они в Киеве каждое 14-е число месяца

дрались с СБУ... Кто-то из них погиб, кто-то ранен... Это крайние украинские националисты, но наши, местные. И они взяли нашу сторону, став самыми активными участниками ополчения. Сработало: «Мы — донецкие».

Показательный пример. Прошли слухи, что 23 февраля приедут крайние нацики штурмовать Донецк. И все наши местные правые и все левые сутки дежурили около памятника Ленину. Левые — защищали Ленина, а правые — отстаивали право самим его снести, не дать снести чужакам. Стояли одни с красными повязками, другие с имперскими триколорами. За сутки, что стояли вокруг памятника, не произошло ни одной драки, хотя были идеологические споры.

Считаю, только благодаря региональной идентичности мы устояли. Регионалы и люди Ахметова думали, что у них тут всё под контролем. Но фактор этого нашего патриотизма не учли.

— **Андрей Евгеньевич, мне кажется, стоит идеологическая задача: сформулировав и сформировав региональную идентичность, превратить её в какую-то космическую реальность. Можно события, которые здесь происходят, интерпретировать не как чисто донбасские, а как мессианского, мирового масштаба. «Мы — донецкие» — как что-то более мощное, грандиозное, значимое не только для Дона и России в целом, но и мира, который истосковался по восстанию.**

— Есть определённая русская идентичность — она здесь просто южного характера. Исследователи называют это «южной короной Руси». Запасная как бы. То есть полагаются на северную, но если с северной что-то произошло, то куда белые бежали? На юг. Юг имеет определённую идентичность, но возвращать её не стоит. Когда перебарщивают с региональной идентичностью, это уже граничит с сепаратизмом.

А отличия есть даже на физиологическом уровне. В степной зоне — недостаток кислорода. Кислород выделяется лесами, а лесов здесь нет. Поэтому — ситуация хронического кислородного голодания. И это формирует особенности характера — у нас народ более живой, активный, заводной, агрессивный даже, менее хладнокровный, чем северный. Донбасс и весь юг менее хладнокровны. Это, конечно, Русский мир, но с определёнными особенностями.

Ведь есть даже попытки трактовать Донбасс как нечто особенное, этакую русскую Америку. Что юг — своеобразный котёл, он создал несколько обособленную русскую идентичность, которая имеет не этнический характер, а привязки к территориям, к степи. Степная русская идентичность пока ещё слабая. Сейчас эта идентичность рождается.

— **Мобилизационный проект, как вы сказали, работает в условиях военного времени, а переход к другому этапу опасен. А этот переход вообще будет в обозримом будущем?**

— Он уже происходит. Говорить, что у нас с Украиной полноценная война, — неправильно.

но. Здесь есть и будет много обстоятельств так называемого «права копыя», права местного подчинения. У нас населённые пункты туда-сюда переходят. К примеру, Кировское раз шесть переходило туда-сюда. Укры приехали — подняли флаг над горсоветом, через сутки уехали — наши приехали, флаг поменяли. «Свадьба в Малиновке». Как таковой и линии фронта нет. Эта линия нерабочая.

Очень много экономических вопросов для Украины начинают интенсивно возникать. Украина слабеет. И мы для них становимся огромным офшором. Это проблема и наша, и их. Наша проблема в том, что, поскольку этот офшор пока нелегальный, он может нас превратить в Бандустан. Образуется мафия, которая на офшорные деньги укрепитя. Полторы тысячи километров без границы — это дыра. На этом зарабатываются невероятные деньги — капиталы начальные, которые могут потом нас же и вышвырнуть.

Но и Украине придётся что-то делать, она будет вынуждена идти на переговоры с нами. Есть карикатура: цапля ест лягушку, а та её душит в это время. И подпись: «Никогда не сдавайся!» У нас похожая ситуация: Украина нас пытается съесть, мы её в это время душим.

Мы хотели бы оказаться таким офшором легально, частично между Россией и Украиной, возможно, какие-то документы на этот счёт подписать.

Россия нас воспринимает как часть Украины и никак по-другому. И едва ли будет в ближайшее время воспринимать. И есть подписанный документ по еврорегиону Донбасс. Подписывали тогдашние президенты Медведев и Янукович. Документ открывает нам возможность беспошлинной торговли между регионами: Донецк, Луганск, Ростов и Воронеж. 50 гектаров в Ростовской области сейчас выделили под сельхозрынок. В России всего 16% своих плёночных овощей, остальные — ввозные. Наши плёночники работали на Россию. И поскольку есть подписанные документы, вот построят рынок. Наши плёночники выращивают, завозят в Ростов, беспошлинно, без волокиты с документами, продают. Возможность прямых и быстрых поставок. Нам хорошо, вам хорошо.

Украина очень любит подписывать соглашения. Всё, что давала Европа, — подписала, хотя не выполняет. Но у нас-то документ есть! Эти документы позволяют нам пробивать брешу и связывать регионы медийно и другими путями.

Вообще, наша взаимозависимость с регионами украинскими невероятная. Например, все наши лампочки в Донецке горят от Кураховской электростанции, которая работает на угле Западного Донбасса. Мы же нашим углём затариваем электростанцию в Старобешево. Но от Старобешево у нас не горит ни одной лампочки, вся эта электроэнергия идёт на Мариуполь. Уголь Западного Донбасса и Восточного Донбасса — разный, а старые электростанции заточены каждая под свой уголь.

То есть коэффициент региональных связей велик. Мы добиваемся, чтобы пустили больше автобусов в Россию, железнодорожных составов — помимо международного тарифа. Хотим войти и в российское медиапространство. Мы сейчас в украинском или никаком медиапространстве. У нас было 70 каналов. 40 украинских выключили, осталось 30, к которым мы российские добавить не можем.

— **Россия пока вас к себе слабо привинчивает?**

— Очень слабо.

— **Революция, которая произошла, не является тотальной, и война ведётся не тотальная?**

— Революция почему не тотальная? У нас 90% управленцев было — это Партия регионов. Властная элита, что здесь была, как шарик, — бах, и её нет. Административный коллапс. Все пророссийские движения были картонные, то есть или «профессиональные русские», или люди, которые сидели под СБУ или работали на Партию регионов, которая приватизировала все отношения с Российской Федерацией. И когда ситуация вышла из-под контроля, всё лопнуло. Административный коллапс тяжело разрешить. С нами работают политтехнологи, которые видят в нас шансы подняться на социальном лифте, поскольку у них в прежней системе были очень ограниченные возможности. Они нам помогают коллапс преодолеть.

И будем просить Российскую Федерацию о некоей институции советников. С полномочиями.

— **После выборов появятся президент, парламент. Следующий этап — создание правительства, кабинета министров. А дальше?**

— Мы — в состоянии гуманитарной катастрофы. 4 месяца не платим пенсию, рухнул нотариат. Если бабушка могла оформить на внуку

доверенность, а та ехала куда-то, получала пенсию, сейчас и этого нет. Надо выжить. Нелегко сейчас.

Новороссию я считаю шагом преждевременным. Это давняя идея Александра Дугина. Все его шаги прекрасны, гениальны, но он заставляет всех прыгать через 10 ступеней. То, что он говорил в 2004 году, сейчас говорит другой человек — тот, который находится в Кремле. Между этими событиями прошло 10 лет. И вот сейчас — время пришло.

Дугин является фактором, безусловно. Он — опытный парень и влияет на общество, на умы. Они с командой работают методами косвенной власти, это важно. Я его убеждаю, что не следует Донбасс, который гордится тем, что он — именно Донбасс, называть Новороссией. Если мы говорим о 8 областях, которые могут составить Новороссию, то до этого надо дожить, на это требуется не менее 10 лет.

Они в 2002–2004 годах идею евразийства внедряли, их интеллектуальные штурмы имели влияние на мозги. Могу это свидетельствовать — мощные были идеи, разработки. Но это был фальстарт. До 2007 года они «перегрелись». А в 2014 году российская государственность подхватила упавшее знамя евразийства как идеологии, евразийскую теорию сейчас фактически российское государство взяло на вооружение.

Но торопиться не надо!

— Это исторический резерв, он должен быть. А есть проблема между военной аристократией и нарождающейся светской государственностью, которая после выборов начнёт появляться?

— Военные не смогут управлять гражданскими. Какие бы линии ни рисовали, кто эти линии будет контролировать? Записано, что ОБСЕ будет контролёром. Но у них всего-навсего наблюдательный мандат, а по нему — не более 100 человек может находиться. И кто этих наблюдателей будет охранять? Якобы надо поменять мандат. Но тогда должен быть миротворческий контингент, который будет охранять.

В экспансию Донбасса я не верю. Сейчас пока — по праву копыя.

Военные не построят государство. У них другая профессия. Думаю, у нас будет, как в Приднестровье. Надеюсь, у нас всё обрывается быстрее — опыта хватит.

Проблема Украины, что она — банкрот. У Украины 40% трудоспособного населения

работают за рубежом. Это как раз те люди, которые должны делать внутреннюю революцию, влиять. А они — за рубежом. Остаётся только идеологически заточенный молодняк, который крайне националистически настроен. Они и делают погоду. Остановить их внутри некому. Пенсионеров — под 14 миллионов, 5 миллионов госслужащих, которые копейки получают. То есть основная Украина — болото, которое максимум может булькнуть, но не взорваться. Или вхождение извне. Вот сели, решили: давайте введём войска. Все радуются, цветы...

С каждым днём ситуация ухудшается. Количество людей, которые готовы были взорвать, уменьшается: те по тюрьмам, те запуганы, те — с пробитыми и промытыми головами...

Если будем рассматривать перспективу на десятилетия, возможно, 8 областей в Новороссию мы и объединим.

— А экспансия Украины к вам возможна?

— Нет. Украина — коричневая. Они вступили на путь фашизации, а мирными путями фашизация не останавливается. Она приводит к тому, что даже если люди дохнут на улицах от голода, фашисты всё равно говорят, что это хорошо. Нам это не надо.

— **Фашизация — это синоним войны. И если там идёт фашизация, значит, экспансия Украины сюда возможна.**

— Согласен. Общество, которое пошло путём фашизации, не может не нападать на кого-то. Покончив с внутренним врагом, они будут его искать вновь и вновь. И врага будут искать везде. Ни один фашистский режим не кончился сам собой. С ним кончали извне.

— **Значит, историческая неопределённость здесь существует?**

— Да. Но если мы смотрим на ближайшую перспективу, то я не верю, что через 2 месяца восстановится Херсонская область или Харьков. Я верю,

что мы дойдём до границ своих, «правом копья» своё отгрызём. Украина очень слабеет.

— **Сложность вопроса в том, что он не укладывается в рамки отношений между Донбассом и Украиной. Там огромное количество мировых вводных. И русский фактор, который здесь пытаются обнаружить, он в чистом виде здесь не присутствует. Он есть во взаимоотношениях Москвы и Киева, Москвы и Европы. Москвы и Вашингтона. Ключей, думаю, к решению вопроса не существует, пока не будут решены ключевые мировые проблемы. А мир запутался, и он будет всё больше хаотизироваться. И чистые решения, о которых говорим, они всё равно будут проходить в хаотизированном мире, и хаос этот будет врываться в наши с вами представления.**

— Да, мы понимаем, что работа у нас долгая, кропотливая, невероятно сложная. Но надемся, что, шаг за шагом, всё получится.

Шахты и пули

Беседуют Александр
ПРОХАНОВ и командир
«Шахтёрской дивизии»
Константин КУЗЬМЕНКО

Константин Александрович, мы, члены Изборского клуба, поехали по Донбассу, побывали на позициях, встречались с людьми разной судьбы. Вы — директор угольного департамента и одновременно командир Шахтёрской дивизии. Уникальное явление. Шахты и пули.

И вот что удивительно. В феврале я был в Киеве. На Майдане я побывал, когда он заваривался. Потом проехал по всем крупным предприятиям юго-востока. И если тогда Майдан был пламенным, яростным, бурлил, кипел, то на юго-востоке было тихо, сонно, вяло. Директора предприятий не верили, что к ним придёт эта огненная плазма. И я был уверен, что Донбасс примет на себя весь этот огонь и смиритса. И вдруг... Как происходил переход от сна, вялости к восстанию?

— Люди у нас переживали за происходящее, обсуждали, ночами не спали. Но у нас же народ — труженик, мы работали. 30 ноября «Беркут» стал разгонять Майдан, и началось убийство беркутовцев. А что такое «Беркут»? Это ребята со всей Украины, исполнявшие свой долг.

Мы воспитаны на идеалах уважения старших, Ленина, исполнения долга. А когда начался Майдан, Янукович не мог отдать приказ навести порядок. Весь ноябрь беркутовцев избивали цепями, дубинками, прутами, снайперы по ним работали. И когда «Беркут» дал отпор и дубинками покалечил двух человек, все забыли, что месяц издевались над «Беркутом», заорали: ах, как так! несчастные люди! Свечи побежали ставить.

А то, что ребята, которые исполняли свой долг, — погибали, не вспоминали. Отпор те не могли дать из-за Януковича, его трусливой позиции.

И у нас в Донецке начинает образовываться движение в противоположность Майдану. Люди выходят с требованием прекратить беспорядки в центре столицы, чтобы Янукович отдал приказ. Если бы тот отдал приказ и разогнал в первую же неделю Майдан, не было бы всего этого кровопролития.

22 февраля происходит захват власти. Кем? Тягнибок — националист. Кличко — националист. Ляшко — всем известен чем? Аваков — такое же. Порубий стоял на Майдане и отдавал приказы убивать. Донбасс, который привык всю жизнь работать, увидел, что к власти пришли убийцы, извращенцы и прочая мразь. Как можно было дальше молчать?

И восстания начинались подниматься в феврале из-за чего? Что убийствами ребят из спец-

подразделений убийцы ещё и гордились! Это подавалось как геройство.

И с 23 февраля у нас начались митинги.

И смотрите, какая тактика. Янукович выставляет «Беркут» — ребят избивают, жгут, убивают. А что сами захватчики сделали, когда пришли к власти? Выставляют перед нами, когда мы митингуем у обладминистраций, то же спецподразделение, но уже под названием «Гриффон». Но мы власть захватывали без жертв. Мы не жгли спецназовцев. А тем тоже не нравится, что к власти пришёл Аваков, командует ими. Всем известно, кто он такой. У него две статьи.

И пошло. В феврале в Киеве свергли власть вооружённым путём, а в марте эти, захватившие власть, начали издавать указы по промышленности и производить назначения людей, которые не имеют понятия о промышленности. А у нас же мощные производства! Сельское хозяйство, металлургия, угольная, химическая промышленность. Ими надо управлять! Загубить — то можно быстро.

Народ всю жизнь работает, а тут пришли неизвестно кто и начали указы такие издавать, что: а) люди стали терять работу, б) поднимаются платы по ЖКХ и так далее — не лучше. И стало понятно, что в производстве, в повседневной жизни людей наступит кризис. Естественно, народ стал реагировать, возмущаться, своё возмущение выливать. Пошла волна — март-апрель. В мае провели референдум. Референдум — это волеизъявление народа. За то, что народ хочет жить в Донецкой и Луганской народных республиках, его решили уничтожить. Ввели войска. Ну как можно было молчать?

Сам я тогда на шахте работал замначальника участка. С моим другом Геннадием Ковальчуком он сейчас на лечении — ему руку при освобождении Шахтёрска оторвало — были инициаторами протеста. Февраль, март месяц стали поднимать шахтёров. В марте-апреле на митинги выходило по 10–12 тысяч человек.

— **Трудно было поднимать шахтёров? Это же народ недоверчивый, инертный.**

— Большую роль играет то, кто пытается поднять. И какая у них в действительности цель. Когда в Славянске шла война, до 27 тысяч человек было готово пойти в ополчение и встать на защиту Славянска. Куда эти люди делись? Просидели, прождали. Им говорили: мы вам позвоним.

Инициатором захвата ОДА был я и ещё пара групп. А захватывали как? Мы же не планировали ничего. Митинг очередной провели: бла-бла-бла. У нас, в Донецке, раньше люди на пикник ездили

в субботу-воскресенье, а сейчас не на пикник, а на митинг. Вот мы решили: да сколько можно на митинги ходить? Ходим-ходим... Одна говорильня. И решили штурмовать ОДА.

Захватывали одна моя группа и ещё две группы ребят. 6 апреля мы окончательно взяли, а отдали в марте не мы.

7 апреля мы объявили Донецкую народную республику и готовились к референдуму. Дениса Пушилина, Пургина Андрея выдвинули в политическую часть. Сами стали обороной заниматься.

В Славянске уже шла война, людей убивали. Поэтому люди и пошли в ополчение записываться. Народное ополчение себя опробовало в Славянске — когда танки пошли на людей, когда стали бомбить.

— **Славянск — территория, где был фермент, который всё заваривал. А как отпочковались подразделения, как произошёл генезис командиров? Почему территория превратилась в мозаику подразделений и командиров, несведённых в одно руководство?**

— Чтобы свести к одному руководству, нужно одно руководство. А каждый начинал немного тянуть одеяло на себя. При Стрелкове произошло объединение. Но до Стрелкова и после не происходит. Знаете, не тяжело воевать. Тяжело выполнять те приказы, что ведут к гибели людей.

— **Война вообще — система приказов, которые ведут к гибели людей.**

— Да, но приказ должен отдаваться чётко и ясно, согласно воинскому уставу. Приказ надо выполнять не обсуждая. Но если он чёткий и ясный. А если это приказ — идите туда, не знаю куда, найдите то, не знаю что, — это не приказ. Приказ — это выдвинуться! Взять! Занять согласно положению! А когда издаётся приказ и каждый вносит в него лепту — это не приказ.

— **Ваша Шахтёрская дивизия как зарождалась?**

— 18 июня мы провели последний мирный митинг. У меня тогда была должность замминистра угольной промышленности. Кстати, меня именно народ выбрал. Если все избирались списком, то я выбирался народом.

Мы начали работать по шахтам — восстанавливали, помогали. Для меня есть понятие «Новороссия». А так исторически сложилось, что ближе всего между собой Донецкая и Луганская области, они побратимы. Это шахтёрский край, а шахтёры понимают друг друга как никто другой.

И вот 18 июня я дал украинским войскам двое суток на вывод войск, на прекращение военных действий в Донецкой и Луганской народных республиках. 20-го срок истёк, и я сказал: мы возьмёмся за оружие. 21 июня мы создали первое подразделение «Кальмиус»: Шахтёрская дивизия, подразделение «Кальмиус». «Кальмиус», — потому что в своё время здесь были кальмиусские казаки.

Мы сделали объявление по телевидению, по шахтам. Стали приходиться люди. Уже за первую неделю 700 человек записалось. Пришли и многие офицеры, начали ребят обучать. Меня выбрали комбатом, а комдивом — Гену Ковальчука. Гена может спокойно выслушать, даже если человек не прав. Я не буду слушать бредни или если человек врёт: встану и в морду дам. Или скажу — дурак. Я человек прямой, не буду сам лгать и слушать ложь не буду. Если оно чёрное, то скажу чёрное, в жизни не скажу белое. Нет у меня выдержки. А Гена мог выслушать. Мы с ним дополняли друг друга. Ядро руководства — я и он, и возле нас наши ребята.

Оружие мы сами себе добыли, нам никто не давал. Что у нас есть — всё наше.

Первые несколько автоматов мы достали, потом взяли воинскую часть. Затем ребята стали с нами делиться.

— Как копился боевой опыт дивизии? В каких операциях участвовали?

— Если по месту брать — Марьинка, Ясногородка. У нас есть ещё подразделение Петровское, Красногородка.

Под первые обстрелы мы попали, когда людей эвакуировали. Нацики накрывали «Градами», и нам пришлось людей эвакуировать — Марьинка, Красногородка, Петровка. А те продолжали накрывать мирных людей «Градами».

Прорыв танков и БТРов в Красногородке отражали, в Марьинке. А потом пошли бои: Дебальцево, Шахтёрск, Иловайск, Харцызск, Троицкое, Старобешево, Донецкий аэропорт...

В Дебальцево из окружения последними мы выходили. И несмотря на то, что у нас было мало оружия, вышли без единой потери. Обгоревшие, потрёпанные, но без потерь!

Да, Дебальцево мы сдали. А Шахтёрск — там шахтёрские подразделения Козыря, Дружка — мы именно освобождали. Шахтёрск, Торез. Там многие знают, как работала именно Шахтёрская дивизия. У нас между Кировском и Шахтёрском до сих пор люди стоят, держат оборону. Так же и Иловайск мы не сдали, зачистили. Старобешево не сдали — зачистили.

Александровку вот заняли нацики, а мы выдвинули их отсюда. Александровка полностью наша.

— Шахтёр — мирная производственная профессия. Как вы — инженер — превратились в боевого командира?

— А как наши деды в сорок первом году шли? Тоже не были военными.

— В 1941 году были командиры, была армия.

— Возьмём 1943 год. Освобождение Крыма, Одессы, Симферополя, Севастополя. В Одессу прибыла Шахтёрская дивизия. У них командир был — тоже из шахтёров. А высоту решающую Красная армия не могла взять — несколько дней безуспешно штурмовали. Шахтёры её освободили за счёт своего боевого духа, едва ли не только сапёрными лопаточками. Много погибло. Но освободили!

А сейчас? Саур-Могилу освобождали. Кто? Подразделения определённые. Но кто в этих подразделениях? Тоже шахтёры. Мариуполь держал кто? «Восток». А там же тоже шахтёры. В любом подразделении есть шахтёры. Да, у нас их больше, чем в других, но в любом есть шахтёры. На обороне Славянска и везде стояли шахтёры.

Мы взяли название «дивизия» по примеру наших дедов — с сороковых годов: были образованы 383-я (г. Донецк), 393-я (г. Славянск), 395-я (г. Луганск) дивизии. Ведь именно дивизии, а не батальон шахтёрский. Потому у нас — Шахтёрская дивизия. Мы объединились с петровским ополчением: 700 человек у нас сейчас.

— У вас есть определённая зона ответственности. Вам её дали или она естественно сложилась?

— Мы изначально её сами взяли, даже ещё когда трудно было с оружием — мы своими силами стояли. По карте можно посмотреть — это порядка 60 километров: Кировский. Петровский районы, Марьинка (она была не наша, но в случае чего мы помощь оказывали) и Красногородка.

Ну а какой у нас опыт и как он приобретался? В Шахтёрск приехали, нам сказали — идите, зачищайте нациков. Мы взяли автоматы. А когда вышли, нас накрыла и артиллерия, и БТРы, и снайперы, и пулемётчики. И бой длился — отступать мы не любим — порядка 5–6 часов. Перерыв — и опять 5–6 часов. И так два дня. А украинская армия использовала самолёты и «Грады».

В первый день мы взяли базу, а там были танки, БТРы, миномётные установки. У нас же — автоматы с подствольниками, ПГ-7.

Сейчас есть два БТРа трофейных — и всё! Гаубиц у нас нет. В основном автоматы. Да мы с подствольниками больше навоюем, чем БТРами и танками! У нас духа намного больше, мы не за деньги воюем. Вот в чём разница. Нам не платит никто. Чем люди помогают, на том и живём.

— **Особый донбасский дух, особое мироощущение в чём состоит?**

— Видели в своё время бои нашего Саши Ягупкина, боксёра? Как тебе ни больно, надо идти к победе. Вот тебе и донбасский дух. У кого-то в такой ситуации колени подгибаются, а у нас выпрямляются.

Шахтёрский Донбасс — постоянное соседство с риском. Это формирует сознание

Сказать: «Не страшно умереть», — дураком надо быть. Страшно умирать. Если взять, сколько мы похоронили своих! Возле посёлка есть Аллея славы шахтёрской, и я могу о каждом сказать, кто как умер. У меня зять — муж старшей дочери, погиб недавно.

В любой шахтёрской семье есть горе — если не в этом поколении, то в другом. Так что умирать страшно. Но жить надо достойно! К победе надо идти!

Смерть — это одно. А сколько покалеченных! От той же пыли газовой. Государство нарушало отношение к законам. На средства индивидуальной защиты шахтёров нужно было выплачивать 3% от прибыли. Продали уголь — 3% отчисления на технику безопасности. Когда человек должен получать «спасатель», респиратор, обувь, одежду. Всё это написано в законе советском от 60-х годов. Позднее что-то было добавлено, если взять российские или украинские правила безопасности. То есть законы предусматривали заботу о безопасности шахтёра. Но этого же не соблюдали.

И когда всё началось, моя основная цель была — поломать эту практику. Шахты должны быть самостоятельными. А есть те, кто опять лезет в угольную промышленность и не дает сделать так, как надо. Но со временем мы их отодвинем.

На данный момент у нас уже работают 13 государственных шахт плюс частные. Добываем по государственным шахтам 12 тысяч тонн. А ведь шахты подверглись обстрелам, их повредили. Но запустили. Мы ввели программу лицензирования. И раньше частные шахты получали лицензию на работу. Но если они взяли пласт на два миллиона тонн угля, нужно было четыре миллиона — два рубля с тонны —

заплатить. Ещё и работать не начал, а уже плати. То есть четыре миллиона ты вносил в казну. А куда они уходили? Не в область, не в город, где эта шахта. Ки-е-ву! И эти четыре миллиона исчезали. Нету!

Я велел сделать инвестиционный проект по безубыточной добыче угля. И если сейчас полностью поднять шахты, то они рентабельны!

— **Вы управляли дивизией. А работу в шахте не оставляли?**

— Когда ушёл в полевые, оставил работу, потому что мы не занимались добычей. Шахты закрывались, останавливались. Практически все остановились, добыча прекратилась. Многие уехали, пошли воевать, а кто остался, работали в дежурном режиме. Но когда нацики отсюда вышли, шахты надо было поднимать. И когда я вернулся, Саша Захарченко сказал, что надо

начинать работать. И ребят не оставляю: днём там, ночью здесь.

— **Шахты начинают работать. А сбыт, потребление?**

— Я же говорю: если бы типы кое-какие не вмешивались, всё идёт потихоньку. Мы отгружаем уголь на ТЭСы. Пойдёт отгрузка на Крым — мы на эту тему уже говорили.

— **Запуск шахт предполагает целый комплекс: транспортировка, железнодорожные пути, наладка электроэнергетики...**

— Мы всё это начинаем налаживать. Собственников частных шахт мы не трогаем, если работают, считаясь с законом. Надо только взять под контроль: объём добычи и сколько налогов платят. И у меня каждый день отчётность и по частным шахтам, и по государственным. Мы приняли

8 законов по шахтам. Всех хотим привести под букву закона, чтобы не было беспредела.

— **У вас строится государство, а это не только построение обороны, политика, выборы, но и шахты.**

— Конечно. Экономика! По каким направлениям развивался Донбасский наш край? Металлургия — Завод имени Ильича великий был. Угольная промышленность. Сельское хозяйство. Коксохим, кое-что ещё. Но основное: сельское хозяйство — раз, угольная промышленность — два, и металлургию надо развивать — три. Если это сейчас правильно свести в одно русло, если найти взаимодействие с партнёрами, то полностью можно поднять экономику. У нас в Донецкой области на данный момент пустуют земли. Если с умом подойти к развитию сельского хозяйства, можно поднять край.

Какой раньше был подход? Было взаимодействие. За каждой шахтой закреплено определённое хозяйство. Шахта ездила — полола, убирала. За это отдавали определённый коэффициент продуктов на шахту — молоком, мясом. Если вернуть эту систему сотрудничества сельского хозяйства, металлургии, угольной промышленности, пересмотреть цены на всё, можно развиваться за ближайшие год-два полностью! Полностью! Если с весны правильно подойти и работать. Подход важен! Если наладить взаимодействие всех отраслей промышленности, то к зиме мы уже будем богатым краем.

— **Такая концепция только назревает, или она уже есть?**

— Есть много моментов, минусов. Есть те, кто на данный момент мешает нам развиваться. К нам в Донецкую республику влезли те люди, что были и при той власти. Они будут всячески делать вид, будто их нету, но постараются управлять.

— **Государство строится. А понятно, какое это будет государство? Социалистическое, советское, госкапиталистическое?**

— Хорошо бы, чтобы оно было социалистическим. Народно-социалистическим. Честно говоря, если те, кто стоит у власти, будут общаться с народом, всё равно, какое общество — капиталистическое, социалистическое, главное — уделять внимание народу.

А что у нас было совсем недавно? Никто с народом не общался, слушать его не хотел. Сейчас на запись ко мне приходят каждый день до ста человек — со всеми проблемами. Плюс выездные приёмы — на шахтах, предприятиях. С народом надо разговаривать. А какое общество будет — решать народу. И о нём нельзя забывать и нельзя себя отрывать от народа. Когда это происходит, народ начинает волноваться.

— **Несмотря на пёструю картину мировоззрений, война всех соединила.**

— Скажем прямо: социализм, коммунистическая партия, хотя я в ней не состоял, но сам строй, если бы его не переворачивали, не исковеркивали, давал человеку и государству развиваться. И партия продержалась 70 лет! Если бы не те Петрушки, что в последние годы правили, мы бы и дальше развивались.

А когда к власти пришёл Андропов, какой порядок был. Да, была строгость, но не чрезмерная. Сейчас стали хаять Сталина. Но так любого правителя можно хаять. Но он же не всегда

и знает, что за спиной. Окружение не всегда говорит всё как есть.

Почему мне нравится Лукашенко? Он может где-то в республике у себя на вертолёте приземлиться без предупреждения. А как, мол, тут у вас дела? Лукашенко на чём строит политику? Все законы, как при коммунистах. Социализм! Учись, лечись. Пришёл человек на предприятие — вот тебе кредит на жильё. Процент минимальный. Приехал на село — вот тебе дом, помощь, процветай. Покупаешь предприятие — социалка на тебе! Возьми, но ты развивай. Не хочешь — вон из республики.

Правильный подход к людям и к государству — идеология любого нормального человека.

— **Белорусский опыт был бы здесь полезен?**

— Да, и не только белорусский, но и российский. Я часто бываю в России, вижу и плюсы, и минусы. Тоже есть, чему поучиться. Я бывал на шахтах, объездил, начиная с Находки и заканчивая Москвой, вся ветка: Ростовская область, Краснодарский край, Воронежская, Тульская, Липецкая, Московская. В Ростове на шахтах был. Честно говоря, думал, лучше отношение в России к угольной промышленности.

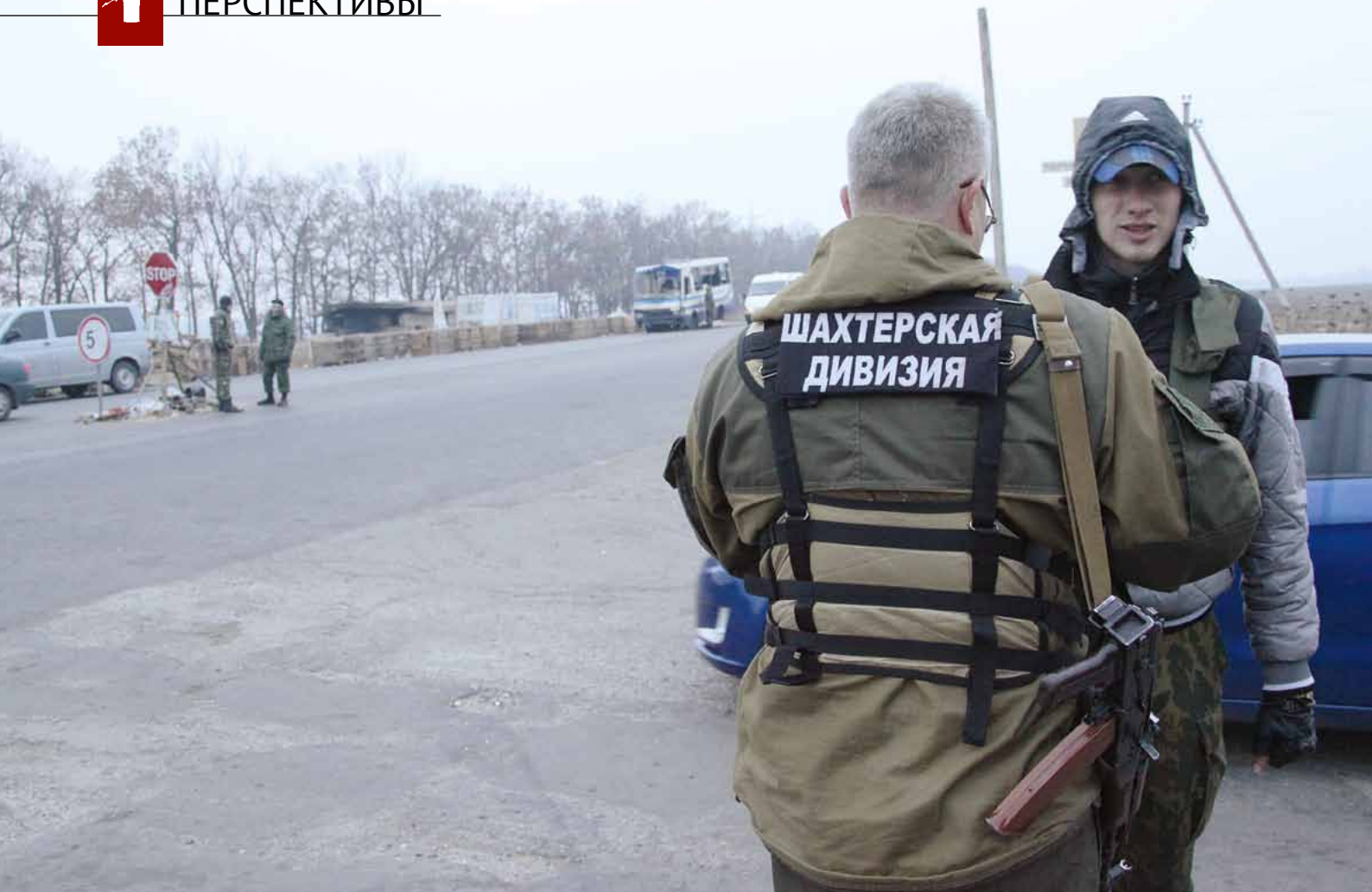
На Кузбассе не был, но там добыча угля другая, с нами не сравнить. Там можно практически открытым способом работать по пластам, они порядка 6 метров, а даже 3,5 метра пласт — это сказка.

— **Вы осуществляете одновременно две функции — военную и административно-хозяйственную. А как вы мыслите своё будущее? Это будет политическое будущее, или хозяйственное, или военное?**

— У нас в последнее время так складывается, что политическое нельзя отделять от хозяйственного. Я — человек невоенный. Однозначно говорю: воевать не буду. У меня есть друзья, которые занимаются военными делами. Я могу на них положиться. Они до сих пор считают меня своим командиром. Говорю же: днём я — там, ночью — здесь. Но я знаю, что у меня там порядок, потому что у меня есть мои ребята.

Политическая и хозяйственная части сейчас совмещены. Не дадут хозяйственнику работать, если ты не в политике где-то.

Я вышел в Верховный совет Донецкой народной республики. Потом меня выбрали в Министерство угольной промышленности. Почему я согласился? Потому что, когда назначали министром угольной промышленности человека, я попросил его объяснить, как он мыслит

развитие угольной промышленности. А человек в шахте и не работал, торговал коксом. Как отрасль развивать, если не знаешь ничего?

У нас порядка 150 человек в Верховном совете было, и 142 проголосовало, что если он — министр, то меня — в его заместители.

Ну а тут уже началось всё. Какая экономика, если враг бомбит и людей убивают?

Если сейчас они опять начнут, я переоденусь, возьму автомат, пистолет — что есть, и пойду воевать. Как дальше сложится? Не знаю. В военное время узнаешь, кто друг, кто враг, где надо воевать, где не надо воевать.

— Как людям возвращаться обратно на шахты?

— Мы начинаем шахтёров возвращать в шахты и с передовой. Взять мою дивизию. Люди в основном из Марьинки, Красногоровки. Там сейчас укрупы стоят. Как люди в шахты пойдут? Что, они смогут работать спокойно? Нет, будут воевать, пока не освободят.

И вот украинское правительство показало своё отношение к шахтам. Укры стали народ с шахт выгонять, пересматривать штаты, шахты закрывать. Украм они не нужны! Они угрожают шахты, а уголь им легче из Африки завезти. И они подгоняли танки и расстреливали шахты!

Чтобы просто уничтожить. Енакиево, Трудовская, Скочинского.

Шахты рентабельны! Я могу это доказать. Но мне не дают калькуляцию по ТЭСам. У нас коксующийся уголь идёт в металлургию. А почему у нас металл идёт по цене мирового значения, а уголь покупается по цене отнюдь не мировой? Потому что халява. Купить за 40 гривен, а отдать переработать за 1000. А потом кричат: шахты убыточны! И если на частные лес закупается по 270–300 гривен куб, то на государственные — по 650–700. Почему свет для населения — 38 копеек, а для шахт — полтора рубля? Говорят, что население дотируется за счёт предприятий. Но пусть покажут калькуляцию. Какова себестоимость света?

Из полукилограмма угля получается один киловатт электроэнергии, насколько я знаю. Полкилограмма угля — сорок копеек. Плюс пусть 10 копеек на зарплаты и прочее. Население платило до последнего времени 39 копеек. А что тогда шахты дотируют? Куда рубль десять деваются, что шахты платят и дотируют за население? Если себестоимость 40, платят 39 копеек, а куда девают дотацию, которую шахты и за себя платят, и населению дотируют? А это миллионы киловатт. Это же в карман кто-то кладёт...

— При создании экономической модели Новороссии надо это всё учитывать.

— Конечно. И вплотную надо работать нам с Луганской областью. Вплотную! В Луганской области те марки угля, которые нужны здесь. И цена соответствующая должна быть. Если организовать взаимодействие по энергетике, по топливу, по углю Донецка и Луганска, объединить по уму экономическую зону, — поднимем край. И это идеальное место — посмотрите расположение — для работы с Россией

— А есть голова, которая могла бы обобщить всё в систему? В советские времена этот индустриальный край имел свою концепцию, свою экономическую философию, носителей этой философии, НИИ...

— НИИ у нас много, и они очень нужны. У меня задумка создать что-то типа научного совета, чтобы раз в две недели собирались генеральные директора, директора шахт и преподаватели Донецкого национального технического университета, делились мнениями, обсуждали. Нельзя забывать и специалистов, которые сейчас уже не столь молоды. Это они научили всех нынешних, как в шахте работать.

Хочу создать научный совет — совет мудрецов. Это цель моя — развивать угольную промышленность, всю экономику по уму.

И развитие сельского хозяйства. Поля у нас стоят пустыне! Финансирование на что нужно? На трактора, на технику, чтобы запустить это всё. И создать совхозы. Или коллективные предприятия сельского хозяйства. Если это всё осуществится, то будет взаимодействие.

Да просто Советский Союз надо поднять, вот и всё. Чтобы было так, как раньше: шахты помогали сельскому хозяйству, оно помогало предприятиям.

— Всякая революция связана со сменой элит: одна элита срезается, другая нарождается. Иногда старая элита начинает проникать в новую — конвергенция элит. Этот процесс сейчас тоже происходит. Александр Захарченко — представитель абсолютно новой элиты.

— Я сочувствую, как ему тяжело. Из боевых действий — в политику, всё осмыслить, во всё вникнуть!

— Вы и сами — новая элита. У вас будут новые роли.

— Если народ мне даст новую роль, я буду её исполнять и доведу до конца, не отступлю. Это моя земля, я с ней буду идти до конца.

Мне шахты надо поднимать! Каждый день у меня генеральные, проектные, до ста человек в день на приём: где пенсию получить, чем крышу крыть? Они меня знают, ко мне и идут. Это наш народ, он ждёт помощи. Помогаю.

— В этой смене элит определённое место занимало появление Борода и Стрелкова. Они пришли и сделали своё дело, сыграли роль. Подхватили процесс в очень сложное время. Это тоже фаза. Она вроде бы кончилась...

— Почему кончилась? Многие будут не против, если Стрелков вернётся. А когда они пришли, действительно было очень тяжёлое время.

— У них огромная заслуга. Они были представителями новой элиты. Однако это элита не ваша, она пришла из России.

— А какая нам разница, откуда пришла элита? Если она приходит, чтобы сделать что-то для народа, — да всё равно он из России или из Донецка. Если человек делает всё, чтобы народ жил счастливо, да хоть откуда будь. Может, на тот момент у нас никто и не видел элиты донецкой, поэтому они и появились. И огромное спасибо, что в такое тяжёлое время, что здесь было, человек старался работать для Донбасса.

Но у нас растут и свои. Должна приходиться элита, которая будет работать на благо народа. А если себе на карман, то никакая элита не нужна. Если человек занял пост, не надо мимо народа проскакать с охраной! Это народ злит. Народ сидит без копейки. И скажет: те от нас охраной огораживались, эти тоже.

Надо найти время и принять бабушку, дедушку, мать многодетную. Влез в верха — будь добр, иди к народу. И на открытии школ побывай, на других мероприятиях. А если ты от народа охраной закрылся, зачем ты ему нужен?

Посмотрите на Лукашенко. Как к нему народ относится? Скажи: «Батька — плохой», — да порвут тебя люди. Есть кучка, кто против него, но они везде есть. Мои друзья ездили в Белоруссию, говорят — уезжать не хочется.

А у нас чуть выбился в министры — уже сопровождение! Зачем? Захотят убить — спецуры столько, что никто не поможет, тысячи способов. А если эта охрана для того, чтобы народу не дать подойти к тебе, — значит, ты народа боишься, значит, есть грех перед народом. Надо о людях помнить. Только о людях забыли — всё, грош нам цена! Грош цена!

— Согласен. На этой ноте и закончим.

«Я брал аэропорт»

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и командир бригады «Восток» Александр ХОДАКОВСКИЙ

— Александр Сергеевич, ваш край охвачен огнём, он воюет. А как бы вы охарактеризовали своего противника?

— Александр Андреевич, в том-то отчасти и драма ситуации, что мы понимаем, с кем мы воюем. Алексей Толстой в «Хождении по мукам» словами Рощина определил отношение к Гражданской войне: «Когда я смотрю через прицел, я вижу, в какую чёрную страдающую душу я посылаю пулю». Он имел в виду тех людей,

которые не определились до конца со своим выбором, оказались на серьёзном жизненном распутье. Так и здесь. Люди подверглись массовой обработке, и у них искажённое, искривлённое представление о реальности, во многом даже утрачено чувство реальности, потому что у противника каких только шаблонов не сформировано! Начиная с того, что мы воюем за Януковича, за его интересы. Пропаганда ведётся в рядах вооружённых сил,

им внушается, что они воюют против старого режима, а мы — апологеты старого режима. Этот приём одурманивания очень действенный. Им кажется, что они не дают нам восстановить старый строй.

Россия стала в последнее время очень удачной мишенью пропагандистской машины. Это физически даже ощущалось. Старые пропагандистские клише о нас как сепаратистах-террористах уже не работали. На той стороне у людей стали доминировать мнения: хотят отделяться — пусть отделяются, зачем мы должны погибать за их решения? Это стало опасным, в частности, для Америки. Значит, нужно было создать образ настоящего врага, который бы поднял и консолидировал те силы, которые воюют в рамках, как они употребили термин, «отечественной войны». И сколько понятий в отношении этой войны! Гражданская война, война глобальная России и Америки, теперь уже — отечественная война, вот о чём говорит украинская сторона.

— **Это всё их определения?**

— Гражданская война — не их, это универсальное определение. Но это формальный подход к данной войне, когда не вдаются в причины и истоки этого конфликта. Ведь он возник потому, что третьи силы, более глобальные, создали условия для него. Россия на протяжении многих лет не вмешивалась во внутреннюю политику Украины. И даже официальные органы, которые должны заниматься этими вопросами, в очень щадящем режиме выстраивали взаимоотношения с Украиной, чтобы, не дай бог, не спровоцировать какие-то последствия.

Наше сопротивление — это движение против того поступательного системного натиска со стороны сил Запада, которые как начали со времён Трумэна своё давление, так и продолжают. И сейчас это движение, шаг за шагом, дошло до наших рубежей. И здесь очень хорошо бы посмотреть на карту.

Мы стараемся это постоянно разъяснять людям, не стремимся к упрощенческим подходам. Можно, конечно, сказать, что это война с нацизмом, с фашизмом, но это идеологизированный подход. Очень сложно широким массам усмотреть подспудное воздействие Америки на события, что здесь происходит. Мы-то прекрасно понимаем, что за всем этим стоит, особенно если проведём спектральный анализ произошедших событий, начиная от подготовки Майдана до сегодняшнего дня. А основной массе надо это объяснять.

— **К вам это понимание пришло мгновенно или была эволюция? Ваш личный выбор как произошёл?**

— Особого выбора и не стояло, была предопределённость. Как только создались условия, при которых эта предопределённость должна была сработать, она себя проявила. С точки зрения психоэмоциональной выбор у меня не был тяжким, как у некоторых людей, которые вошли в протестное движение.

— **Всё равно это изменение уклада, новый образ жизни, новая роль. Преображение происходит в человеке.**

— Разумеется. Когда ты сталкиваешься с тем, что твой родной город бомбят и твои близкие теряют жизнь или здоровье, внутри тебя всё вспыхивает, и всё спрессовано настолько, что отдельные ощущения вычленишь почти невозможно. Глобальные изменения не оставляют места частным ощущениям или рассуждениям. Такие события, что сейчас происходят, случаются раз в эпоху. На Гражданскую войну походит, когда ломались мировоззренческие устои, людям приходилось переформатировать свои жизненные представления.

Здесь что-то подобное. Ведь брат на брата идёт в этой ситуации. И надо обязательно дифференцировать ту массу, среду, с которой мы воюем, которой мы противостояем. Есть люди заблуждающиеся, поддавшиеся пропаганде. Человек легко поддаётся любой обработке на уровне бессознательного. Им говорят — они верят. Они не убеждённые, а поверившие, поддавшиеся обработке.

А есть убеждённые. Которые сознательно сделали свой выбор. Это националисты с элементами исповедания фашизма. А есть просто люди в погонах, выполняют приказ. Они не хотят воевать!

— **То есть это не тотальная война?**

— Конечно, не тотальная.

— **Но если смотреть на города, что от них осталось, — это тотальная война.**

— Смотря что понимать под тотальной войной.

— **Это когда вы врага не дифференцируете, и он воспринимается просто как чистое зло.**

— От этого перехода нужно себя удерживать. Потому что работа с автоматом — это сотая доля процента всей борьбы. На сегодняшний день более важна идеологическая борьба с противником. Мы стараемся ликвидировать те фантомы,

которые создаются в отношении нас, якобы мы — исчадие ада, олицетворение всего самого тёмного, ненавистного разумному, цивилизованному. Показываем, что мы — нормальные люди, у нас есть убеждения, ради которых мы ввязались в эту кровопролитную войну.

И мы делегируем им наше понимание, среди них есть масса людей, которые просто что-то недопоняли. Наша задача — сделать так, чтобы они услышали нас, переформатировали своё отношение к тем событиям, к которым они сейчас под давлением своей пропаганды относятся вот так.

— В этой войне было несколько этапов. Как бы вы их определили?

— Поначалу это была больше не военно-политическая фаза войны, а общественно-политическая. Мы полагали, что можно ввязаться в честную борьбу за умы людей, за электорат, чтобы показать на конкретных примерах, что старая власть себя не оправдала, что та элита, которая представляла народ в официальных органах, отказалась от своих функций и предала огромную электоральную массу. И поэтому надо подниматься не партактиву Партии регионов и выходить флажками махать, а подниматься всем небезразличным людям и формировать против того, что произошло, пул — политический.

И мы были убеждены, что у Америки стоит задача втянуть Россию в военные действия. Америка будет провоцировать Украину даже вопреки интересам самой Украины на такие поступки и решения, которые вынудят Россию на ввод войск. Чтобы потом применить какие-то меры и санкции, бить себя в грудь, крича: «Мы — защитники демократии, мы — за мир во всём мире». Мы видели, как пошагово развивалась эта ситуация.

Был политический прирост активности масс. Люди выходили на улицу. А это создаёт определённую угрозу. Была попытка местных элит — по привычке — взять ситуацию под контроль, чтобы манипулировать массами. Неудавшаяся попытка. Потому что люди устали от любых манипуляций, чувствуют кожей попытки ими управлять в меркантильных целях. А, например, старая элита с пошатнувшейся позицией пугала новые власти в Киеве тем, что на Донбассе развивается крах для Украины и только они могут сделать так, чтобы общественное движение «легло» и не представляло угрозы для режима. Для этого надо было взять под контроль лидеров общественного движения. И через них управлять массами.

Не получилось. Элита с того момента полностью перестала играть какую-либо роль. Это всё развивалось на этапе политическом.

Дальше по развитию сценария нужно предпринимать действия, которые бы перевели общественно-политическую фазу в военно-политическую. Тогда бы началось обострение конфликта. Это ещё не войсковая операция, в ней задействованы силы специального назначения различных ведомств: МВД, внутренних войск, СБУ. Это попытка локализовать тех, кто уже с оружием в руках удерживал административные учреждения. Это второй этап этой войны, когда та сторона пыталась ещё представлять всё как спецоперацию широкого масштаба, которую они назвали антитеррористической. Это была фаза войны спецслужб.

А потом началась третья фаза. Эта фаза преследовала окончательную цель — втянуть Россию в конфликт. Были разные моменты. Был момент перед референдумом, когда было известное выступление, что нежелательно его

проведение. Но референдум был проведён, он вовлёл очень широкие массы. Мы даже не ожидали, что будет такая активность. Референдум состоялся, и история пошла на новый виток. Украине уже нужно было бороться на более глобальном уровне. Она после референдума начинает привлекать кадровые военные части. И вот начинается третий этап, который длится до сего дня. Не считая перемирия, которое является вполне условным.

Сценарий предусматривал в любом случае втянуть Россию, чтобы очаг, который зажётся здесь, воспламенит и в России создать проблемы.

— **Но и третий этап — тоже дифференцирован. Этап формирования групп, подразделений, слияния их в батальоны, создание подобию военной организации, выход на идею армии, насыщение вооружением.** — Это просто составные части, тенденции, которые неизбежно должны были состояться. Но есть нюансы определённые. В данной

ситуации не то что люди пришли, записались в военкомате по специализации своей армейской, по частям и должностям... Здесь появились лидеры, которые вокруг себя объединяли группы людей. Эти группы доверяли лидерам. Потом лидеры выделяли из своего числа более знакового лидера. И объединялись данные лидеры вокруг этого.

— **Кристаллизация шла. Создание кристалла.**

— Именно так. Особенность в том, что здесь каждый командир, прежде всего, — военно-полевой лидер на уровне командира роты, командира взвода, командира батальона. И сейчас та структура, что выросла, не терпит формализованного подхода. Нужно понимать, что, если заменить лидера, из-за того что у него недостаточное военное образование на человека с кадровым военным образованием, но который будет для бойцов лишь формальным лидером, можно разрушить всю структуру. Всё равно что выдернуть позвоночник.

Всё сформировалось таким образом, что сейчас представляет взаимосвязанную систему, но состоящую из отдельных элементов. Это пока ещё не единый монолит. Он станет единым только тогда, когда ополчение заменится регулярной армией, набранной по совершенно понятным правилам: либо контрактная армия, либо какая-то другая структура.

— Вам трудно взаимодействовать с подобным вам лидером? Или вы делите участки фронта и у каждого своя роль?

— Есть сложности. Участками фронта жизнь не ограничивается. Есть вопросы экономики, снабжения, существования в целом, потому что мы находимся на самообеспечении. И нужно использовать те ресурсы экономические, которые остались в Донецкой области, чтобы переплавлять их, скажем так, на боевую готовность подразделения. Если в результате военных действий экономика уже подзатухла, то понятно, что ресурсов осталось немного. Если хватает мудрости и разума, то сложности преодолеваются. Если люди в меньшей степени идейно мотивированы, а включились в процессы из каких-то других побуждений, то возникают принципиальные разногласия. И они никогда не будут исчерпаны окончательно. Разве что приостановлены на время ведения боевых действий, потому что в этот период нужна максимальная консолидация сил. Некоторые лидеры являются абсолютными нашими антиподами.

Я, например, всю жизнь служил в правоохранительной системе: антитеррористическая борьба. А есть люди асоциальные, из тех, с которыми я всю свою сознательную жизнь боролся. Сейчас мы оказались на одной стороне баррикад. И для меня, безусловно, преваляющим является то, что они в данный момент — мои братья по оружию. У каждого человека есть шанс что-то исправить. Человек в 90-е годы зарекомендовал себя определённым образом, например. Оказавшись в нынешней ситуации, он может стать другим. Но если этого не происходит, если люди даже в этой сложной ситуации пытаются реализовать другие задачи, нужно смотреть, насколько они вредят в целом военному положению. Если это существенно, мы принимаем меры.

Немало случайных людей мы сами локализовали. Это наш долг. На сегодня — первейшая задача. Это важнее, чем борьба с украинскими вооружёнными силами, — чистка собственных рядов. Пока передышка, мы бросаем все

силы, чтобы выявить людей, которые являются деструктивными элементами. Потому что они, во-первых, формируют определённую репутацию. В Интернет выбрасываются из ополченческих подразделений ролики, где демонстрируются неприглядные факты. Мы должны такие явления искоренить. Не скрываем, что это есть, признаём, не идеализируем.

А что касается личностных отношений, то кого-то из лидеров, местных например, мы знали, а кого-то, как Стрелкова, не знали. И взаимоотношения с ними выстраивались не всегда просто. Но мы всё равно включали разум и не позволяли личным моментам выходить за пределы, чтобы не подорвать не очень серьёзные способности нашего воинства.

Все прекрасно понимают, что есть законы, по которым нужно жить и действовать. Закон бить противника — раз. Второе — не подводить товарища, даже если это подразделение тех, кто тебе не сильно симпатичен. В этой ситуации свои доминирующие правила. Все жили по этим правилам.

— Александр Сергеевич, расскажите об операциях, в которых вы участвовали, чтобы можно было понять характер войны, которую вы ведёте.

— На этих операциях как раз строилась эволюция ополченческого движения. Есть пара операций, которые мне до сих пор ставят в вину, говорят, что было проявлено отсутствие компетенции военной. А я же спецназовец, знаю, как штурмовать здания. Но у меня не было опыта ведения общевойсковых операций. Тогда мы только учились воевать.

Самая первая наша операция — отпор попытке прорыва националистического батальона «Донбасс» на подконтрольную нам территорию в районе населённого пункта Карловка. Там мы спешным порядком подняли свои подразделения, выдвинулись туда. Был бой с нацистским подразделением: когда мы вытаскивали трупы, обнаруживали на них наколки — свастику. Мы тогда потеряли несколько человек, но уничтожили до 30 противников.

Это был первый бой. Мы тогда получили информацию от нашего блокпоста, который в составе 12 человек три часа удерживал группу порядка 200 человек. Те шли не в открытую, а использовали условия местности, чтобы скрытно подобраться к нашим позициям и уничтожить блокпост. Он в частном секторе располагался: там и строения были, и лощины, лесонасаждения. Противник всё это исполь-

зовал. Накапливались они, окружали наших, но были обнаружены.

Их сдерживали на этих позициях. Потом подросло наше подкрепление, около 80 человек, и мы вступили с ними в первый бой. Первый наш состав был порядка 140 человек, размещённых на двух базах — местах дислокации.

У нас не было никакой военной техники, было два КамАЗа-длинномера, с открытыми кузовами, которые мы использовали для перемещения личного состава.

Потом начался прирост техники. На 9 Мая мы решили поддержать моральный дух населения, организовали военный парад. Проехали на технике. Это взбодрило людей. И именно в тот момент, когда в Мариуполе разворачивались военные действия, мы здесь провели парад.

И по прошествии времени уже можно говорить, что штурм здания городского УВД в Мариуполе осуществляло наше подразделение. Я вам это первому говорю, потому что мы всех людей уже вывели оттуда. Последнюю группу, в составе 4 человек, вывели несколько дней назад, там никого не осталось, никого риску мы не подвергаем.

9 Мая, пока мы организовывали парад, другое наше подразделение работало в Мариуполе. У них задача была политическая: взять под контроль областное УВД.

Это были первые наши шаги.

Я брал аэропорт. Были в этом практические соображения. Потому что на Донецкий аэродром садились самолёты, которые доставляли груз военного назначения из Харькова, Днепрпетровска. Потом его везли, например, в Славянск. Мы не единожды выезжали к аэропорту, блокировали грузовые выезды.

И правильно было бы взять под контроль сам аэропорт, по крайней мере диспетчерскую, чтобы самолёты не садились. Но сил, чтобы брать аэропорт, не было. Я же специализировался на взятии под контроль зданий и сооружений и понимал, что ополченческих сил не хватит, чтобы штурмовать подразделение, паритетное по численному составу, но при этом настоящих спецназовцев.

Мы заполучили карточку, с помощью которой открыли все двери нового терминала, и накопились на крыше аэропорта. Это не была войсковая операция, не был штурм. Мы спокойно зашли, поставили перед фактом украинскую сторону, что мы здесь, мы контролируем взлётно-посадочную полосу, у нас для этого есть все силы и средства. Смириться с фактом. Мы понимали, что выдворить их за пределы

города можно будет только измором, когда они поймут бессмысленность и нецелесообразность их нахождения в аэропорту, потому что они свои функции не выполняют.

Эта ситуация сама по себе ничего не представляет как военная или спецоперация. Но она открыла новую страницу: Украина начала применять авиацию. И первыми подверглись ударам авиации именно наши ребята, которые находились на крыше аэропорта. Даже Славянск не подвергался бомбардировкам. А аэропорт первым подвергся бомбардировке, и с нас началась эпоха применения авиации.

Потом была неудачная попытка взятия марьинского КПП на границе. Мы были ещё несколько наивные и уверенные в том, что никто сопротивления особого оказывать не будет. Мы приехали принять от них ключи от КПП, а попали в жёсткую перестрелку. И опять украинской стороной была применена авиация. Нас разделили на две группы. Одна группа — на украинской стороне, другая группа оказалась отрезанной на российской стороне — нас вытеснили туда.

Это были первые этапы нашего приспособления к ситуации.

— **Это были неизбежные ошибки.**

— Мы поняли окончательно, что началась настоящая война и миндальничать нельзя. Мы не хотели в аэропорту уничтожить украинский гарнизон. Мы вдвоём зашли к ним в расположение, объяснили ситуацию, потребовали от них снизить свою активность на территории аэропорта.

Мы разрешили им выходить за продуктами: никто вас не выгоняет, оружие не отбирает. Потому что мы понимали — это проблематично сделать. Но смерти и крови никто не желал на тот момент. А потом началась война. Начались войсковые операции, мы более-менее научились их планировать, научились эффективно сочетать артиллерию с действиями мотострелковых подразделений, батальонами тактических групп, учились заново руководить подразделениями, потому что собрали достаточно мощный костяк бывших кадровых офицеров, которые восстанавливали свои навыки командной работы непосредственно на местах.

В некоторых ситуациях мы эффективно сработали. У нас было два напряжённых участка. Саур-Могилы. С самого начала военных дей-

и солдат с автоматом, и штык, который тянулся в небо на десятки метров.

Второй очень острый участок — направление на Днепропетровск. Пески граничат с аэропортом. И там были неоднократные попытки танкового прорыва противника в город. Одна удалась — мы уже в городе уничтожили танки. Это направление неблагоприятное для нас, потому что прорыв в него обеспечивает украинцам попадание в центральные районы города — там очень короткое плечо. Мы сейчас там эшелонированно находимся, уделяем этому особое внимание.

Это направление тоже было для нас знакомым, потому что противник понял наш замысел — постепенно отрезать аэропорт от снабжения. Мы выдвинули свои позиции на 40 километров в сторону населённого пункта Карловка и там соорудили в три эшелона оборону, начали уходить вправо, отрезая аэропорт. А с другой стороны аэропорта был под нашим контролем (не нашего подразделения, но смежников — наших людей) населённый пункт Авдеевка. И мы оттуда начинали создавать клещи, чтобы отрезать аэропорт.

И так получилось, что противник занял Ясиноватую. И в течение 8-часового боя мы тогда продемонстрировали все отработанные навыки, которые накопили. Сочетание правильной работы артиллерии, действий мотострелковых подразделений, бронетанковой группы. В течение 8 часов без единой потери со своей стороны очистили Ясиноватую.

Ясиноватая очень сильно пострадала, потому что противник считал это для себя стратегическим пунктом. Если бы они забрали Ясиноватую, то это открытый доступ для всех диверсионно-разведывательных групп. Потому что широта порядка 20 километров открывалась. Мы бы просто не смогли такую сплошную оборонительную линию выстроить. Потому что если линия — это дом — позиция — дом — позиция, то у нас меньше расход личного состава. А тут сплошная позиция в поле на 20 километров — у нас сил и средств не было удерживать такой участок. И для нас это было бы серьёзное поражение, мы бы тогда вели бои в условиях города, и они бы находились уже в Донецке.

— Вы участвовали в контрнаступлении или всё-таки держали плацдарм в Донецке?

— В большей степени мы работали исключительно на наших участках, потому что протяжённость линии обороны, которую мы занимаем, — от Песок до Пантелеймоновки.

ствий мы её удерживали на протяжении не одного месяца. И, собственно, «сдали» её. Но это не корректное выражение, потому что сдали каким образом? Там никого не осталось. Последних — шестерых бойцов нашего подразделения — укрыли закатали в грунт: они оказались в полуподвальчике — те поставили над ними танк и травил газом.

Мы артиллерией отогнали технику, которая над ними стояла. Эти шестеро не погибли: труба вентиляционная была, и они дышали. Отогнав технику, мы разведгруппой эвакуировали этих шестерых. А через неделю мы восстановили статус-кво: отогнали противника по линии до Мариуполя, до Волновахи. Это когда началось активное наступление. То есть за неделю до наступления мы утратили контроль над Саур-Могилой. Противник поставил для себя вопрос принципиально: взять под контроль Саур-Могила.

Это был политический момент — борьба за символ. Они часто выбрасывали информацию о взятии Саур-Могилы. А оказывалось, что она сопротивляется. Они долго памятник там уничтожали. В конце концов он рухнул:

На сегодняшний день единственное, что мы обеспечили вместе с подразделениями Безлера, которые двигались нам навстречу из Горловки, — открытие пути на Горловку. Мы за трое суток взяли под контроль 7 населённых пунктов: Ясиновка, Ясиноватая, Васильевка...

— **С боем брали?**

— Разумеется. Брали с боем и там хорошо вооружились трофеями: несколько единиц бронетехники забрали, ствольная артиллерия...

Использовали весь опыт накопленный, действовали достаточно грамотно.

Ввели противника в заблуждение: симитировали продвижение на одном участке, а начали двигаться на другом, где они не ожидали, ослабили свои позиции. А спешная переброска частей и огня артиллерии им ничего не дала, потому что мы двигались эшелонированно и через каждые полтора километра сразу образовывали оборонительные позиции, чтобы нас справа и слева никто не мог отрезать. Мы одну, достаточно сильную, группировку противника, которая находилась в Ждановке и в Кировском, отрезали от группировки, которая находилась ближе к Константиновке. Мы разрезали эту группировку пополам.

— **Вы вплетены в эту войну: вы — её часть, её эмблема, её двигатель. А не может произойти так, что при становлении государства на вас будет возложена и политическая роль? Иначе из кого будет формироваться новая элита государства? Она же не может быть прислана сюда, делегирована откуда-то. Она должна формироваться из людей, которые кровью и потом связаны с государством.**

— У нас становление было своеобразным и отличным от всех тех организаций и подразделений, которые с нами в Донецке параллельно существуют. И в военную фазу мы вошли из политики. А поскольку у нас народ собрался идейно мотивированный, то мы не особо себя популяризировали, свои победы, настоящие и мнимые, не выносили на всеобщее обозрение. Никто не хотел использовать ситуацию для прироста каких-то политических рейтингов, несмотря на то, что подразделение было сформировано общественной организацией патриотических сил Донбасса и вышло из неё. Весь актив как один влился в это подразделение, и воюют сейчас — все. Даже люди коммерческой направленности выполняют посильные функции: занимаются снабжением, подвозом материалов при создании укрепрайонов.

У меня вообще особая в этом смысле позиция, потому что я — участник майданных событий. И я видел своими глазами, что происходило в Киеве, абсолютно не желал повторения тех событий здесь, считая, что идеологически и политически мы от этого проиграем. Большая часть населения, видя, во что превращается город, когда снимается брусчатка, люди захватывают здания, отторгнет это. Большая, красивая, хорошая идея не должна быть сопряжена с грязью.

Просто на каком-то этапе у нас сформировалась решимость, и мы пригнали зенитные установки и человек 400 личного состава под областную администрацию в Донецке, которая была завалена баррикадами, дали 40 минут, чтобы находившиеся там люди покинули помещение. В то время отдельные группы занимались мародёрством и накапливали в областной администрации вытасченные из магазинов товары...

Мы поняли, что, когда люди на передовой погибают, внутри, прикрываясь их спинами, кто-то творит неприятные процессы. И когда мы разблокировали обл. администрацию, навели порядок, это придало совсем другой облик происходившим событиям и процессам. Тяжёлое, мрачное, в виде колючей проволоки, куч мусора в центре города исчезло, люди стали позитивнее реагировать на патриотическое движение.

Мы не хотели войны. Хотели политическими способами добиваться перевеса на Украине, потому что за нами стоял весь юго-восток, который превосходил по совокупности центр и запад. У нас были основания полагать, что политическим способом мы всю эту массу поднимем и сформируем в Киеве пророссийский пул против западных сил. Мы боялись, что нас локализуют, а все остальные будут из соображений базовых инстинктов, нежелания разрухи, войны от нас отгораживаться и нас критиковать как причину всех бедствий, что свалились на народ. Что сейчас отчасти и происходит.

Сейчас стараемся восстановить доверие людей к нам. Основная масса, как всегда, хочет жить нормальной жизнью. Если бы мы шли политическим путём, мы бы достигли большего успеха.

Но когда события, не спрашивая нас, развернулись так, как развернулись, у нас не было вообще никаких сомнений. Мы знали, что сценарий может пойти вопреки нашим желаниям, и были к этому готовы. Потому в один момент, быстро, буквально щелчком, взяли под контроль ряд учреждений. В течение трёх недель

мы выдворили за пределы Донецка все недружественные нам воинские части. А только киевских бойцов внутренних войск здесь было свыше шестисот человек. Где было необходимо — проводили спецоперации. Впервые об этом говорю сейчас: я и несколько человек захватили в плен начальника управления Восточного территориального командования полковника Юрия Лебеда. Пользуясь тем, что все внутренние войска, находившиеся в Донецке, остались без централизованной власти, мы поставили им ультиматум, на некоторых воинских частях мы блокировали полностью подъезды, поставили своих. Продержали его столько, сколько было нужно для выдворения этих воинских подразделений, а потом обменяли на одного из наших командиров.

То есть мы занимались политикой, и сейчас мы должны вернуться в политику обязательно.

— Как вы сможете уже сейчас нормализовать жизнь?

— Мы решили взять в качестве пилотного проекта город Ясиноватая и нормализовать там жизнь. На территории, сопредельной с территорией, удерживаемой противником, есть блокпосты, где мы обеспечиваем безопасность. Мы открыли транспортное сообщение и взимаем с определённых категорий транспортных средств налог за проезд. Это неправильно со всех точек зрения, но нестандартная ситуация требует нестандартного подхода. Мы эти деньги аккумулируем, сформировали комиссию из представителей нашей военной администрации и городских служб для оказания материальной помощи многодетным и неимущим. Деньги идут не в кассу подразделения, а в местный бюджет. Мы даже вынудили переделать налоговое законодательство, где не было пункта о местном налогообложении.

Во-первых, пытаемся таким образом восстановить доверие населения. Во-вторых, это чистка в своих рядах. В-третьих, мы первые, кто подал пример, что наши бойцы в центре города с оружием, с автоматами не должны показываться ни под каким предлогом. Есть группы специального назначения, которые обеспечивают порядок по местам дислокации и осуществляют поиск и локализацию диверсионно-разведывательных групп противника. У них своя задача.

И самое главное — мы публично говорим о наших проблемах. Есть ополченцы, повстанцы, которые не отвечают образу идейного человека. Мы эти проблемы не скрываем, стараемся

их устранять, не стесняясь попасть в неловкое положение. Напротив, чистый и открытый диалог принесёт больше пользы, чем вреда.

У нас есть особый оперативный отдел, который целенаправленно занимается выявлением людей, склонных к правонарушениям в собственной среде. Мы не прекращаем работу с населением. Через доступные нам ресурсы, в том числе интернет-ресурсы, пытаемся доносить до людей наши проблемы, цели, задачи, чтобы работать над общественным мнением. И, как результат, наблюдаем постоянный прирост участников наших площадок. Небольшой, но постоянный. То есть люди нам доверяют и ждут от нас грамотных действий.

— Тогда считайте, Александр Сергеевич, что группа Изборского клуба вошла в ваше подразделение. Выделяйте нам участок фронта — идеологического, военного — мы готовы вместе с вами действовать против нашего противника по всем правилам классической войны.

ГРЕТРАДИС

«Новороссия — любо!»

*Беседуют Александр ПРОХАНОВ и атаман
Всевеликого войска Донского Николай КОЗИЦЫН*

Николай Иванович, мы повидались с тобой не в ресторане и не на светском приёме. Повидались на передовой.

— А мы с вами только на войнах и встречаемся, Александр Андреевич. Вы от меня далеко не отошли. Или я от вас.

Война эта у меня уже пятая. Приднестровье, Абхазия. Ингушко-осетинский конфликт, Чечня, и первая, и вторая. Я тогда от Совета безопасности занимался пленными. Довелось прийти и сюда. Я же родом из этих мест: родился на Донбассе — в Донецкой области, город Дзержинск. Я — донской казак, а Донбасс — область Войска Донского. Так что это — моя земля. И пришли мы сюда, чтобы защитить Россию. Потому что от границы до меня — 30 километров. Я казак, люблю все народы, а хочу быть казаком. Когда приходят тяжёлые времена, вспоминают о казаках. Мне на других войнах было проще. Мы же привыкли воспринимать, что Украина — это свои, родственные люди. А когда начинаем разбираться, кто тут за армией стоит... А кто такой украинец? Кто стоял у края государства. Мы и сегодня стоим у края — у границы России. Россия для нас превыше всего. Для меня никогда не стоял национальный вопрос. Всегда говорю, что Россия — это сплав российской короны, и каждый народ — бриллиант в этой короне. Мы всегда были, есть и будем защитниками России со всеми её сильными, красивыми, одарёнными, может быть, и глупыми, кто не понимает, людьми. Но будем воевать за всех.

— Как ты в эту кампанию вошёл?

— Мы видели, как националисты карту свою разыгрывали — потихоньку, потихоньку. Предвидели, что как будет. Ну а исторически

это — область Войска Донского. У меня была юридическая база — на территории Восточного Донбасса было четыре округа: Луганский, Донской, Донецкий и Харьковский.

Только поначалу было у меня недопонимание, почему они это делают. А сейчас ясно-понятно, что Донбасс — кладовая мировых запасов: уголь, золото, уран... Вот почему они всё это делали — они уничтожали менталитет. В Киеве оголтелая пропаганда началась против России, Донбасса, националисты зашли сюда, начали «Беркут» палить. А «Беркут» был практически из ребят юго-восточных регионов. И мы поняли, что ждать беды. И на основании тех подразделений, которые были, я уже начал немного организовывать, формочку надевать камуфляжную... И когда укры попёрли, мы были готовы, у нас были сформированы подразделения: хутора, станицы, округа. Когда я 3 мая вошёл в Донбасс, сразу организовал первый гарнизон — у меня было 250 человек. Ну и пошло.

— Казак формируется не только на пашне, но и на войне. И эта война, как, наверное, и приднестровская, является этапом формирования казачества в его новой фазе.

— Нельзя с вами не согласиться. Казаки — не только хлебопашцы, не только работающие у станка, за рычагами тракторов. Сейчас их мужество и дух проявляются — дух отцов, дедов. Иногда задумываюсь: такие бои страшные были, и мы выходили победителями. Нас 700–800 человек выступало против трёх–пяти тысяч. И вспоминаются исторические Азовские сидения, когда пять тысяч против двухсот пятидесяти тысяч турок выступали. Кто им помогал? Покров Матери Божией, которая нас хранит, Отец наш Небесный. Мы — православные, мы

право славим. Казаки — воинство Христово. Без бога — ни до порога. Молебны устраиваем и по праздникам, и перед боем. Святые отцы приезжают к нам. Привозили на позиции икону Матери Божией, привозили список Казанской Божией Матери. Некрещённых крестим, проводим обряды. Свадьбы играем. Молодые ребята женятся — всё по православным канонам.

А воинство у нас какое? Когда я пришёл, ко мне люди — толпами. Я: поднимите руку, кто служил в армии. С сотни 7–8 человек — из шахтёров Донбасса. Сколько сержантского состава? Один из семи. Сколько офицеров? В ноль! Офицеров у меня не было. Я создал здесь школу снайперов, гранатомётчиков, пулемётчиков. Мы закрыли небо! ПЗРК, тяжёлые пулемёты, «зушки» у нас, танки, БТРы. Я в спецназе ГРУ служил, из всего стреляю, всё вожу, всё решаю, у меня нет нерешаемых проблем. И мы учим молодых всему тому, чему старшее поколение учило нас. Советская школа — кто бы как ни мудрил и как бы к ней ни относился — самая мощная школа была. Самое мощное образование, люди жили с пониманием завтрашнего дня. И сегодня мы работаем, чтобы завтра наше было счастливым. Нам интересы России ближе всего.

— **А как набирались реального боевого опыта?**

— Я сразу говорил своим: «Все люди, кто носит погоны, — это люди приказа. И как бы он ни старался думать, что Вася — хороший человек, и Петя, и Федя, он будет выполнять приказ сверху».

Мне: «Но там же русские, там же наши... Надо разговаривать, уговаривать». И что? Разговаривали. А нам: «А шо я могу зробиць? Я служу».

Первый бой был у нас под Дьяковом. Поступала информация, что противник передвигается. А они же передвигаются не один, два, а колоннами.

Мы базировались в Антраците. Противник решил нас выбить и взять под колпак. Начали окружать. Мы вступили в бой. «Оплот» нам помогал. Этот бой шёл трое суток. Мы потеряли 120 человек убитыми и ранеными. Разведка у них сильно работала, провокаторы были: они с позиций людей сняли, повели в атаку. Погиб тогда у нас атаман Савин, его зам, ещё несколько человек, до 35 человек попали в плен. Их уже вытащили, они в России, лечатся.

Украинцы гадко относятся к нашим ребятам: ноги, руки ломают, зубы выбивают, издеваются. Мы когда берём в плен — они у нас

чистые, бритые, накормленные. Совсем иначе мы к людям относимся.

А бой тот был страшный — очень страшный был бой. После чего мы произвели реформирование. В городе на каждом въезде и выезде, где транспортные развязки могли угрозу нести, поставили блокпосты. И начали укрепляться. Одно время ребята воевали с винтовками, с автоматами ППШ, даже было три пулемёта «Максим». А потом оружие стало поступать — склады мы начали брать, захватили и тяжёлое оружие, танки, самоходные установки, БТРы, пушки — всё укроповское. Сегодня их пушки работают против хозяев.

Ребята наши учатся, воюют, закаляются в боях. И результаты есть. Мы держим фронт — 250 километров.

— **Как вы фронт держите? Через блокпосты? Прерывистая же линия фронта.**

— У нас — линия фронта: стоим 47 километров прямой линией.

На Дебальцеве стоим в тех окопах, блиндажах, где наши деды, отцы стояли.

Мы рыли окопы и открыли блиндаж, в блиндаже 4 бойца времён Великой Отечественной войны. На четырёх человек винтовка, противотанковая граната, 50 патронов. Так что идём по пути отцов-защитников. Нам есть у кого учиться.

— **Не кажется эта война странной, не похожей на другие? С одной стороны, противостояние жесточайшее: пытаются, убивают, в плен лучше не попадать. С другой стороны — переговоры с Порошенко, газовые контракты, поставки угля и электричества из России на Украину, из Украины в Крым. Это же связывает руки. Он — и противник, и партнёр. Он — враг лютейший, но без него нельзя: в Европу идёт наша газовая труба. Это делает войну какой-то навыверт.**

— Вы правы, мы это прекрасно понимаем. Понимаем, что одними заменили в экономике других, идёт распиливание богатств. И если всё это вскрыть — я буду враг номер один мирового масштаба. Укры и так за эту войну меня объявили вне закона. Но я их тоже объявил. Порошенко объявил меня в розыск. Я тоже его объявил в розыск, сказал: давайте теперь посмотрим, кто быстрее кого поймает. Мне запретили въезд в ЕС. Я второй, после бен Ладена, враг. Теперь уже и первый. Но я-то воюю за свою землю.

— **Ты в Вашингтон — невъездной?**

— Не-ет!

— **А говорят, что Козицын — лучший друг Обамы.**

— Не-ет! Я — невъездной. Забрали у меня пахоты, забрали квартиры, банковские счета. И вилы забрали! Теперь нечем сено кидать. Я же конями занимаюсь. А сено уже не покидаешь — вил нету! Но я не переживаю. Мне говорят: «Николай Иванович, они, считай, тебе присвоили Героя России — признали твои заслуги. Скажи спасибо им».

Я воспитывался на ценностях подвига Александра Матросова, ребят-краснодонцев семнадцатилетних. Их подвиги мне ближе и понятнее, чем подвиги Чубайса или Козырева. У меня другая школа.

Когда мы были в Сербии в 1999 году, американцы уже тогда ужасно бомбили министерство внутренних дел, роддом разбомбили, бомбили вишнёвый сад...

— **Это на Пасху было, всё цело... Змеев был, помнишь? Он ушёл добровольцем.**

— Виктор? Афганец был, да. Во память у кого! Сколько лет назад было, а всё помнишь!

— **Как не помнить?! Я поражён был его мировоззрением, как он пошёл воевать за славянское дело. Прекрасный человек.**

Эта война из каких элементов состоит? В чём тактика, в чём стратегия?

— Я думал до последнего времени, что позиционной войны не будет здесь. Будет типа партизанской: выезжаем, достали, нагнали и тому подобное. Но ведётся позиционная война. Стоят наши укрепрайоны, стоят врытые в землю «по уши» подразделения. И есть передвижные отряды. Мы противника ловим: разведка докладывает, где базируются, как уходят, — и мы их достаём.

Мы и с фронта бьём, и с тылов бьём, и с флангов. Как только видим, что они начинают шкандить, начинают население «кошмарить», мы отвечаем им тем же.

Все способы для того, чтобы остановить врага, — приемлемы. Мы и минное дело используем, и пропаганду среди населения. За девять дней последних мы уничтожили 40 единиц техники — БТРы, БМП. На 43-м посту забрали два БТР-4Е. Это самые современные, отдали уже на исследование один.

У нас есть, конечно, потери. Хороших друзей теряем, братьев теряем. Была «Застава Маршала». Почему «маршал»? Он был командиром подразделения «зушек». А фамилия — Жуков. В честь маршала Жукова он назвал «Застава Маршала».

Есть хорошее подразделение Миши-Чечена, там ребята отважные. У Димки, Димон-Хулиган, наш хлопец, из России, хорошее подразделение. У Игоря-Узбека. Или Володя-Полтинник — гробаня на 140 килограммов, артиллерист, Ярик-Артиллерист. Это боги войны. Мы стреляем по картошке! Пальчик вправо, спичку влево — второй снаряд уже наш! Паша Дрёмов — командующий центрального округа, который стоит на Первомайке, где мы получили крещение.

Получилось так, что сказали, якобы небольшие силы затягивают в Попасную, чтобы нас отрезать от севера Луганской области. Нас брали в кольцо. Я первый раз был 21 день в окружении, а второй раз — 17. Прорвали Беленькое, прорвали Изварино. Когда оттуда они пошли нас окружать, все блокпосты порвали. Но мы отбили. Сейчас 4 перехода через границу мы контролируем.

Вот говорят: пули летели так плотно, что билась друг о друга и падали. Так и было! Когда мы вышли к Попасной и начался бой, слышу: бам! бам! Понял — снайпер. Я на колено присаживаюсь. А в это время стоит Саша-Сокол из Первомайска, говорит: «Батя». И пуля падает ему в пах, он погиб. Стреляли пуля-

ми «дум-дум». Они запрещены — разрывные, но они сами делают: надкусывают, надрезают, она попадает, раскрывается.

И вот бой идёт полтора часа, два часа. Выбываем их с одной рожи, во вторую переходим, садимся, начинаем курить. Подходит Паша Дрёмов, говорит: «Батя (у меня позывной — «Батя»), кто-то потерял радиостанцию». Я смотрю — моя на месте, а та — копия, как моя. Я — клац, смотрю, канал один, другой, третий, слышу: «Ганс, я, я, гут, гут». Я матом: «Какого... ты засоряешь эфир!» Он: «Ганс, ахтунг! Файер!» И они как начали сыпать! Поймали нас на живца. Симку подбросили, запеленговали и как начали утюжить!

Мы эту радиостанцию выбрасываем. А рядом со мной лежит атаман мой из Ивановки, Саша, и мина летит, падает в ноги. Человек умирает и говорит только: «Берегите «Батю», берегите «Батю».

Пацанёнок лет 19-ти, фуфайка, шапочка на нём, и осколок у него в голове торчит, прошёл через дерево — в голову. Пацан мне: «А что у меня в голове?» Я говорю: «Сейчас, сынок». Выдёргиваю у него из головы, томпон скрутил — ему в рану, перевязал. Подходит на-

чальник канцелярии, говорит: «Батя», я нашёл рацию». Я ему: «Серёг!» И он в это же время включает, и нас по второму разу начинают обсыпать.

Отбили мы Попасную, бой был страшный. Мы тогда первый раз набили их легендарный батальон «Донбасс» Коломойского, потрепали очень сильно, потом разбомбили две роты «Львов». И я увидел, что ребята умеют воевать. Мы научились из пушек их, из миномётов стрелять.

— Ты считаешь себя сейчас полководцем в полном смысле слова? Стратеги кто у тебя? Штабист или сам?

— Мне нравится фильм «Чапаев». Тот говорит: «Сижу я дома, чай пью — и ты пей, но в бою я — командир». В бою выполняют беспрекословно, что я приказываю. Я сказал — это закон.

И сам кручу, что и как, и у меня хорошие помощники. Война всему научит. То, чему учат в генеральных штабах, — всё не то. Поле боя учит. У меня все полевые командиры не имеют военного образования. Мне давали сюда полководцев, они не выдерживали. Две-три недели — и всё.

На нашем счету 11 самолётов — «Сушек», 12 вертолётов, 6 грузовых самолётов. Но тот «Бонинг» я не сбивал. Они мне его клеят, но я не сбивал. Мы в то время на Красном Партизане воевали.

Была хваленая разведка Балу, которую мы потрепали. Никто не мог с ним справиться — мы с ним справились. Разведка генерального штаба была, из Киева шли они диверсионной группой, я их в Дебальцево взял. Замкомандира 72-й аэромобильной бригады взяли, полковника. 79-ю аэромобильную растрепали под Лутугиным, и когда парад был, я бросил знамя — трезубец — под ноги казакам.

Свою радиосвязь установили, спецы есть. Лупим по полной программе.

Для меня армия и враги они до тех пор, пока я смотрю на них через прицел автомата. А после они для меня — обуза. Мы много поосвобождали из плена, поменяли, отдаём их так. Смотрим — из Харьковской области человек. Его под дулом заставили воевать. Отпускаем. Наш народ — сердобольный. Гуманитарные вещи, медикаменты — посылают нам, спасибо.

И вот подумайте: богатая территория, самый умный и самый красивый народ — и бедный. Почему? Надо налаживать жизнь самим. Я назначаю глав администрации, восстановил милицию, правопорядок у нас везде, люди идут

в зиму в тепле. Садики кормим, школы кормим, помогаем населению чем можем. Мы здесь предприятия, шахты начинаем поднимать. И начинаю пенсии платить, жизнь нормальную восстанавливать.

Мы — выходцы с земли. У меня дома, в Ростовской области, стадо коров, быки в тонну весом, табун коней, 25 лет этим занимаюсь. Так что и работать умеем.

Был малым, думал: как повезло молодоговардейцам, Александру Матросову, что воевали. А сейчас? Сколько уже за плечами! В России так сложно, и, видимо, каждое поколение должно пройти через войну.

— Когда были на Саур-Могиле, я подумал: русские всю жизнь воюют и будут воевать. Видимо, такая доля. Потому что тьма валится на нас, и отбиваться приходится каждому поколению заново.

Ну а мы, Николай Иванович, встретимся с тобой в Царствии Небесном?

— Да, обязательно! Но лет так через 50–100.

**«Я —
полевой
командир»**

Так воюют ополченцы Донбасса

Мы знаем названия городов Новороссии, которые воюют против киевской хунты, смотрим репортажи на телеканале «Россия-24»... Там разгромили дом престарелых, там сожжено два танка, там произошла перестрелка... Но никто не знает деталей этой войны. Какова её атмосфера?

Я — командир Первого казачьего полка «Измаил» армии Новороссии. Иерархия такова. Есть командир подразделения. Есть его замы, начальник штаба, начальник разведки, начальник диверсионных групп, особый отдел, командиры рот, взводов, командиры отделений.

Всё — как и в обычной армии. От многих ополчений наше отличается армейской спецификой постановки формирования. «Армейская специфика» — это строгая вертикаль власти. Единоначалие. Во многих подразделениях, которые сейчас формируются, нет такого. Они более стихийны.

Ополчений возникло много. В том-то и беда этих подразделений, что их много. А они должны объединиться в единый кулак, в единое централизованное подчинение. Допустим, сейчас КПД наших вооружённых формирований используется на 40–50 процентов, и при 40–50 процентах эти подразделения столь эффективны, против украинской махины держатся. А если произойдёт объединение, когда полностью централизуется и командование, и всё-всё-всё, — легко можно представить себе, что будет.

На данный момент моё подразделение отвечает за такую границу: Изварино, дорога от Изварино до Краснодона, приграничная полоса, а также районы города Краснодона. У нас как? Подразделение дислоцируется, допустим, и выдвигается на определённое направление, где существует опасность, то есть прорыв. Недавно наметился прорыв с Красного танковой группировки. Подразделение выдвинулось туда, заняло позиции, стояло, готовое к отражению удара.

Протяжённость границ нашей ответственности сейчас 20 км до Краснодона и 60 км до Луганска. Это не только у моего отряда зона ответственности, но непосредственно мой мобильный отряд действует на данном направлении. Так же он действует и в Луганске. Не так давно вёл бои за аэропорт Луганска, бои за окраины Луганска, то есть частный сектор, это направление аэропорта. Там прорывалась танковая группа, они окопались непосредственно

около жилых домов, в огородах танки закопали. Приходилось их выковыривать оттуда. Ни артиллерия не может отработать, ничто. И бойцам приходилось с ручными противотанковыми средствами выковыривать их из огородов и отовсюду.

У меня в подразделении процентов 40 — офицеры, прапорщики, а также участники, прошедшие горячие точки, процентов 30–40 сержанты, старшины и рядовые, в том числе тоже прошедшие горячие точки. И только 15% — необученный личный состав. Но даже не все офицеры занимают офицерские должности. Есть Герой Советского Союза, получивший Героя за Афганистан. Он — командир пулёмётного расчёта.

Мы дали казачью вывеску полку, назвали его казачьим, но в основном у нас обычные добровольцы. Вообще, просто должен был пограничный батальон быть сформирован... Потому что ополченцы держат определённые участки, города, и свой участок оставить не могут. А потому никто не отлавливал маневренные украинские группы. А они перешли именно на такую тактику — маневренных групп. И появилась насущная потребность — создание приграничного батальона, который будет работать на границе.

Начали создавать такой батальон. В процессе создания батальона многие полевые командиры увидели, что города захлебнутся без подвозов, и тоже отправили какие-то части своих подразделений к этой границе, чтобы те обеспечили безопасность дорог. В результате появилась Краснодонская войсковая группировка. Из отдельных подразделений. И потом командиры этих подразделений, которые пришли, стали сами командирами созданных подразделений, то есть в автономном плавании. Сейчас уже более-менее централизовалось это в Краснодоне. И есть группировки, есть коменданты районов, которые занимают определённые позиции вокруг Краснодона.

Мы знаем всех соседей наших справа, слева. Существует объединённый штаб в Краснодоне, который руководит непосредственно защитой региона, района.

Мобильность нам частично обеспечивают автомобили ГАЗ-66 («шишиги»), но это для перевозки крупных, больших подразделений, взводов. На данный момент получили мы уазики: два УАЗа нам передано было, один автобус «Газель» и пазик. Ещё одна «Волга» есть. Конечно, не хватает техники. Только передали этот уазик нам, мы на «боевую»

выдвинулись — уазик встал. Пришлось его столкнуть в канаву, чтобы не мешал.

Якобы хотели дать квадроциклы. Но их нет. А это было бы неплохое средство. Дело в том, что мощные квадроциклы с грузовыми площадками сзади — это возможность поставить пулемёты Калашникова (ПК) станковые, и это очень большая агрессивная огневая мощь. Тачанки своеобразные получаются. Потому что ПКМ, у него есть станок. Но это ПК — 7,62-мм пулемёт. У него сильная огневая мощь. Квадроциклы — это и хорошая проходимость по пересечённой местности. Это тот вариант, когда можно отлавливать передвижные мобильные группы противника. Те тоже быстренько автоматизировались, моторизировались. Поставили миномёты на уазики, «Газели». То есть они выскочили, 5–10 выстрелов миномёта сделали — и тут же исчезли. Вот они позавчера нанесли по моей базе 5 выстрелов. В результате у меня сторело две «шишиги», человек погиб, уничтожены боеприпасы. И тут же моментально скрылись. Вчера попытались они отработать, но ночью их припутали немножко. Они в темноту ушли. Были бы средства для преследования, не ушли бы.

База — это место постоянной дислокации. Наша база появилась стихийно. Человек просто разрешил бывшие помещения взять. Ремонтный завод был. Всё брошено,

вытащено, вывезено оттуда. Стояло пустое строение, здание 4-этажное и рядом — мелкие ремонтные мастерские. База сейчас, конечно, у нас, по сравнению со всеми отрядами, одна из лучших. Она автономная. Там ещё ранее было построено реальное бомбоубежище. Стоят свои котлы подогрева воды, свои пожарные бассейны, видеонаблюдение. Но бойцы спят на голом полу: картон постелили, тепло, но нет ни спальных мест, ни спальных мешков, ни ковриков, ничего. На полу спят ребята. Почему? Потому что коврики, спальные мешки — это всё финансирование, а его у меня нет.

Казалось бы, дома брошенные, частный сектор, можно там что-то взять. Но если я увижу, что мой боец из квартиры тянет стёганое одеяло — я его поставлю к стенке по закону военного времени за мародёрство. То есть разговор будет коротким. Если люди сами принесут — это другой вопрос. Но если я увижу, что боец тянет... Даже, допустим, он возьмёт стёганое одеяло, но рядом найдутся укры, которые очистят эту квартиру. Кто-то возьмёт золото, кто-то возьмёт уже другое. Всё начинается со стёганого одеяла или какой-то табуретки. Это просто кажется, что ничего страшного. Но начал тащить — и пошло!

Уазики эти как у нас появились? Рядом находятся предприятия, мы увидели, что на стоянке есть уазики. Поговорили с директором

предприятия. Он сказал, что оно является дочерним предприятием Ахметова. Мы подошли к генеральному директору, попросили у него, чтобы он передал. Мы дали ему расписку, написали, что он передал нам один автобус ПАЗ и два УАЗа.

Ему упираться — занятие тяжёлое. Потому что даже по любому закону военного времени данный господин Ахметов финансировал батальоны, создавал вооружённые формирования, которые воевали против ополчения. То есть на данный момент он — противник, враг. И все предприятия, все заводы, все каналы финансирования, которые есть у данного человека, — это оружие против нас, против народа. По законам любой войны такие каналы должны всегда перерезаться, ликвидироваться. Чтобы лишить противника довольствия, горюче-смазочных материалов, финансирования и всего остального.

Поэтому мы просто подошли к человеку, объяснили ситуацию. Он без разговоров подписал.

Провизия, еда — с этим сейчас швах. Батальон второй день сидит без хлеба. В Краснодоне хлеба нет. Начинают выпекать, но очень мало. Хорошо, мой первый зам — человек, немножко занимающийся бизнесом, не олигарх, а просто небольшим бизнесом занимающийся. У него деньги ещё оставались. Так вот он каждый день машину отправляет. Ребята покупают хлеб, мешками перетаскивают. Привозят, хлеб есть. Но вообще с питанием очень напряжённая ситуация. Если я ещё как-то готовился и предвидел, что когда отряд будет заходить на базу, то питание нужно. И у меня были консервы, тушёнка, то, сё. А у многих отрядов этого вообще нет. Вчера была подписана бумага Стрелковым: банка тушёнки на трёх человек. Он подписал это даже группе быстрого реагирования, а мужики там — минимум 54–62-го размеров. Что им банка тушёнки на троих?

Люди едят централизованно. Сейчас нам должны в частном порядке привезти полевые кухни. А то просто нашли большие обычные 4-ведёрные кастрюли. Если по-быстрому, то пару ящиков макарон распаковали, запарили, открыли тушёнку, кинули, вот поели.

Во время обеда ложку, чашку/кружку, фляжку дают. Если в рейде, то у каждого бойца есть штык-нож. Тушёнка выдаётся в рейд, консервы открыли — кто со штык-ножа поел, кто как. Спать — на землю легли, поспали.

Но это пока лето. Сейчас мы задались вопросом с тёплой одеждой. Потому что наступит

сентябрь, начнутся ветра, слякоть. Тогда наше подразделение быстрее, чем нас уничтожат укрыты, уничтожит пневмония. Если летом бойца надо одеть в тельняшку, нательное бельё, трусы, камуфляж и разгрузку, берцы, носки, то на зиму нужны и термобельё, и ватные штаны, и бушлаты...

В моём подразделении все одеты в одинаковую форму. Часть людей — наверное, два взвода — в форму российского образца, а все остальные сейчас одеты в форму «мультикам». Как бы считается натовская расцветка, но сейчас эта форма называется «русский спецназ» — такая расцветка введена у российского спецназа.

На данный момент у нас не звания, а должности. Авторитет позывного, потому что нет званий. Пока — пока! — их нет.

У нас есть штатное полковое вооружение. Можно сказать, штатное вооружение мотопехотного полка. Но в связи с тем, что выполняем мы задачи, связанные не только с мотопехотой, нам обязательно нужно спецвооружение.

У нас есть снайперы, пулемётчики, гранатомётчики, бойцы на ПТУРСы, ЗУшники, то есть зенитчики, — весь спектр военных специальностей. Нужно насыщение тяжёлым вооружением как можно быстрее. Потому что, по сути, каждое подразделение автономно. На данной войне нет единого фронта. И задача, которая ставится подразделению, сложна. Оно должно и с танками бороться, и с самолётами, и с пехотой — со всеми видами... Всему, что встретит, дать отпор.

Против танков у нас на данный момент РПГ-7, «Мухи». РПГ-7 у меня есть. Но выстрелов не хватает. Допустим, на меня было выдвижение танков. Восемь боевых единиц на нас вышло, а выстрелов к РПГ — восемнадцать.

Танки любые у укров есть, разве что 80-х не попадалось ещё ни разу. Все в активной броне идут. Надо сделать не менее пяти выстрелов по нему, при всём том, что да, эрпэгэшники — это же не то, что красиво показывают на полигоне: он вышел, танк идёт, не стреляет, он прицелился, с 300 метров всадил ты ему кумулятивную гранату под башню...

Но это же моментальный вылет откуда-то! Как когда они в огородах окопанные стояли. Снайперы с ними работают. Это только на картинках: снайпер на чердаке засел, его красиво снимают, разыгрывают игру с ним. Здесь всё проще. 22-я «Муха» пальнула — чердака нет у дома, и снайпера нет вместе с чердаком. Потому что жизнь бойцов дороже, чем чердак.

Расход таких боекомплектов, как «Мухи», РПП, очень большой. Потому что реально украинская армия не выходит на противостояние со стрелковым оружием. Если ещё снайперы там работают как-то, то в ближние бои они не выходят. Они переходят на применение тяжёлого вооружения.

Если раньше они были вооружены ещё АК-74, то есть 5,45-мм калибр, то сейчас у них откуда-то появился АК-47, то есть начинают в большей степени появляться. И они начали «стричь». А это же серьёзный 7,62-мм калибр. Уже пуля не уходит. Ты уже за тонкую кирпичную стенку, в полосу кирпича не спрячешься, как от «семьдесятчетвёрки»: лёг и пулишь сзади, а он там, бедный, поливает, ствол себе нагревает. Или ты за кустами простыми лёг, а эти пули свистят, в сторону отлетают. Нет, здесь срезает всё и вышибает всё. Всё совершенствуется.

У них тоже раньше САУ (самоходные артиллерийские установки) не было. Там были бронетранспортёры, БМП, БРДМ. Потом пришли танки, потом пошли САУ, сейчас у них пошли баллистические ракеты. С каждым часом, с каждым днём всё это нарастает и нарастает.

Укры объявили повальную мобилизацию. Повальнойшую. У меня в деревне на Украине мужик знакомый, он уже спился сорок семь раз. Так этот бедный мужик уже ходить-то не может, к нему пришли, вытащили из хаты — и в ополчение.

Укры облавы проводят. Вот люди сидят в кафе. Окружается кафе, выводят всех молодых, собирают, увозят на призывные пункты — все под автоматы. Кто-то не хочет воевать, но на кого-то из этих людей, которых выловили, поставили в строй, во время боя — есть такая вещь — находит эйфория, то есть страх: или я, или меня. Он, может, и не хочет стрелять, но он из-за страха за свою жизнь начнёт стрелять. А снаряд вылетел, он где-то разорвётся, чью-то жизнь унесёт, что-то разрушит.

Частично запустили мариупольский завод, восстанавливают танки. В Харькове на полную работают, КРАЗ на выпускал «черепашек», то есть бронированных уазиков. Поэтому нам надо тяжёлое вооружение, снабжение. Не будет этого — очень-очень печально всё будет.

ПТУРСов у нас мало. Допустим, если пусковые даже есть — нет снарядов, ПТУРов нет. Есть «Грады», а выстрелов к ним нет. «Град» жрёт выстрелы со скоростью мясорубки.

Допустим, караван ходит у нас на склады. То есть поставок самих нет, сами ездим. Допустим, привезли, мы два залпа дали, всё, больше

у нас нет выстрелов... А в данный момент подходит танковая колонна укров, располагается, стоит. Подтаскиваем 152-е гаубицы, а к ним всего два ящика — четыре снаряда.

Отстрелялись, всё. Вроде бы появилось вооружение у нас нормальное, более-менее, которым мы можем противостоять, так другая беда началась.

А если мы сейчас не отстоим этих областей и не сделаем южный рейд (я Россию считаю своей страной), то Россия поимеет очень бледное лицо, и огромные проблемы в России начнутся реально. Тогда Запад влезет к нам на шею. Это всё связано с южным рейдом.

Допустим, танковый бой. На окраинах Луганска на подходах к частному сектору укры от аэропорта зашли, окопались, танки закопали в землю — в огороде закопали, прямо под хатами. Эти два танка постоянно ведут огонь. То есть расстреливают что-то, ведут прострелочные прямые. А ещё два танка по крайним улицам ходят. Когда начинаешь подбираться к этим, закопанные которые, ты его не можешь разнести. Потому что у него торчит одна башня. Его надо брать или минами 122-мм, или 150-мм, что-то такое придумывать, то есть сверху ударить. Эрпэгэшные выстрелы — по башне ударил, скользнул, и всё. Как попасть ещё? Или выше где-то забраться, чтобы напрямик кумулятивно уже сверху. Только начинаешь подбираться, два этих уже выныривают, то есть прикрывают на ходу и начинают!

Пришлось объезжать весь жилой массив, заходить сзади. И когда только сожгли эти два, что на ходу, — просто подошли вплотную и расстреляли тех, которые были окопаны.

Снайперы их прикрывали. У них тактика такая. У них автоматчиков очень мало. Почти все — снайперы. Допустим, десять человек, вооружённых снайперскими винтовками СВД. СВД у них — море. Если с десяти снайперских винтовок два нашлось хорошо стреляющих человека, то есть просто хороший глаз, то они вреда наделают больше, чем взвод автоматчиков. Если пуля 7,62-мм даже в полуметре от тебя свистит — малоприятно. А есть те, которые хорошо стреляют. С 800 метров они бьют, с километра бьют. У меня один боец на 1,5 км стреляет из СВД.

А представьте ополчение, когда шахтёр просто взял автомат, каково им приходится?

Ополчение — да, вроде бы готовы в бой единицы из них, но они будут рядом с тобой стоять. Когда увидят бойцы, что рядом ко-

мандиры стоят, стреляют, то они будут стоять, потому что он, боец, верит, что стоят люди, работают, не перебегают, воюют. А если он видит, что один побежал, трое побежали, он думает: мне тоже бежать надо, потому что потом не успею.

Авиация летала. Мы не сбивали. Они нас атаковали, да. Поначалу уходили просто. Ну расстреляли — расстреляли, ушли. Мы отвечали пулемётным огнём. ЗУшек ещё не было. Сейчас у нас есть ЗУшки. Они эффективны. Хотя это не «Игла», не «Стрела». Но когда даже ты, я представляю себя лётчиком, заходишь на цель, до цели 3 км. Могу начать боевую работу с 2 км, а навстречу мне идёт линия горящих снарядов (у меня две ЗУшки, получается четыре линии идёт перекрёстных). У лётчика желание, я не думаю, что точное прицельное бомбометание делать. Поэтому он решает: я отверну, уйду, издали пушу, может быть, ракету.

Но с появлением у нас «Стрел», «Игл», конечно, авиация перестала летать. В Краснодарском регионе авиация не летает. Вообще не летает. Вертолётные полёты у них прекратились полностью. У них практически не осталось вертолётов. Любой появившийся летательный аппарат сейчас над территорией Краснодарского региона будет сбит сразу. Беспилотники ещё где-то прошмыгивают, но «сушек» — пока нет. Не знаю, как это дальше всё у нас пройдёт, как это будет связываться с наступлением укропов. Танки, танковые прорывы идут, танковые группировки прорываются, мотопехота прорывается, а авиации сейчас нет. Последняя «сушка», которая вышла на мою колонну, тут же была сбита. Она ещё и не вышла на «боевой» даже, тут же её сшибли. Правда, пилот убежал. Бегаёт быстро. В кукурузу упала, и он быстро смылся.

Первое боестолкновение именно с людьми, которые стоят с оружием, столкновение

с Нацгвардией у меня произошло в Луганске 3 мая. 2-го сгорел Дом профсоюзов в Одессе, я вывез всех в Луганск. И 3-го тут же, прямо с площади, как только штаб всех высадил, поехал. Сразу мне: айда, штурмуем военкомат. Я сказал, что у меня нечем штурмовать. «Да что-нибудь найдём!» Поехали штурмовать военкомат. То ли дурость, то ли не знаю, как назвать. И вот в первый бой мы штурмовали военкомат. Было 130 человек Нацгвардии в военкомате в Луганске.

Когда я крался вдоль забора, чтобы закидывать бутылками с горючей смесью, то есть «коктейлем Молотова», первую очередь в меня влупили, сантиметров пять над головой крошка полетела, всё полетело. В Луганске на тот момент везде стояли части Нацгвардии. Они тоже не знали, что им делать. Если бы они на тот момент вышли все из казарм и начали бы зачистку, они бы зачистили город. Они просто не знали, что им делать, в растерянности были. Поворачиваюсь, а за деревом сидит дед какой-то с автоматом, закрыл глаза и поливает в белый свет как в копеечку. То ли с перепугу, то ли с чего он.

Это первый бой был — мы подожгли первый этаж в военкомате. Бутылками забросали. Потом мы дали им загасить. Я вёл с ними минут сорок разговор, с командиром, который сидел в военкомате. Я ему рассказывал, что случилось буквально сутки назад в Одессе. Посмотрите паспорт, откуда я. Там сгорели мои друзья, и я вас здесь сожгу. Чисто психологически давили на них. Потом они вызвали командира одного, приехал человек, велось переговоры. В это время они вызвали две «сушки», они в небе летали, страшно, яростно гудели над военкоматом. Заходы делали. Тем не менее, когда они начали звуковые гранаты кидать, мы зажгли полностью весь первый этаж почти. Они поняли, что они или сгорят, или выйдут. Они вышли.

Это ещё моего полка не было. А первое боевое крещение вообще вот каким было. Мы только приехали — поступила информация, что спрятался танк где-то между Изварино и Краснодоном и что ни движется, он всё лупит. По трассам. То есть разбивает, и Краснодон долбит, и всё, и никто найти его не может. Мы выдвинулись, на удивление быстро нашли его. Примерно район знали, и он решил в этот момент с посадки выехать. Мы смотрим — ствол лезет из посадки. Тут же мы — этот танк! Сдетонировал боезапас, он взорвался. Мы хотели захватить его, но вышло по-другому.

Потом был эпизод такой: с украинскими пограничниками мы воевали. Тоже так же обошлось всё как-то интересно, быстро. Боевых столкновений длительных не было. Но это благодаря тому, что я ребят каждую ночь, можно по-русски сказать, замучивал (не буду по-другому говорить). Выгонял тройки-четвёрки боевого охранения. Они уходили на пять километров, по три-четыре человека, от лагеря. Вокруг лагеря практически всё находилось. У меня была разведывательно-диверсионная группа в шестьдесят человек, которая подчинялась только начальнику штаба. Два взвода, считай, полных. Так вот, почти все шестьдесят человек ежедневно уходили в ночь в поле. То есть все по 3–4 человека расходились на разные километражи вокруг лагеря. Лагерь же стоял в поле. С одной стороны 1400 метров и 600 метров было с другой стороны до российской границы. Рядом стоит застава. Тут таможня. Должанские пограничники тоже сидят, а мы в центре. Как мишени.

То есть приходилось боевое охранение, боевые посты вводить везде. В определённый момент не было ни карт никаких, ничего. Голь на выдумки хитра, если знаешь, чем хитрить. Гугловскую распечатку сделали этой местности. Я сел, просто взял тетрадь, линейку, лист — распечатку напечатали. Квадратиками по три сантиметра расчертил полностью лист. Каждому квадратика присвоил номер, раздал эти листочки каждому командиру, обозначил, где какая группа в каком квадратике сидит. И по приказу, по радиации то есть, если какая-то группа где-то что засекла, я говорил командиру: третья-четвёртая группа выдвигается в такой-то квадрат.

И пришлось вот таким путём командиру давать приказ. Тот выдвинулся. Укры развернули миномётную батарею, даже не ожидая, что вокруг них уже собралась целая толпа гавриков. Как бы такого боя не произошло, но ребята вышли просто из посадки, держа их под прицелом пулемётов, РПК. Просто говорят: пацаны, всё, пакуйтесь назад. Распаковались, теперь давайте, сворачивайтесь. У нас было перемирие тогда, такое зыбкое. Позвонили начальнику заставы, спросили: что это за понты? Вроде бы мы ничего не делили с тобой пока. Он сказал, что это не он, это там приехали какие-то киевские. Ну киевские — так киевские.

Миномёт я забрал. Конечно, были столкновения. Вот мы направили первый взвод на Лисичанск. Но дело в том, что там, где стоял

отряд, постоянно ополченцы занимались. С утра вставали — зарядка и тактические занятия. Они кричали, верещали, возмущались. Как ни пытались орать, но целыми днями шло боевое слаживание, тактические занятия и всё остальное. В результате, когда захали в Лисичанск, переночевали, на следующий день поехали посмотреть, где проходят мосты, где что. И просто резко выезжают на КамАЗе, а перед ними идёт украинский батальон на марше. Батальон назывался «Волынь». Взвод окружил данный батальон и уничтожил подчистую. Там 120 человек. Но у нас — подготовка, слаженность.

Стрелковым оружием, «мухами» тогда сожгли четыре БТРа. Сообщили нам об этом — и мы тут же сажаем в КамАЗ второй взвод. Он летит — и тут же, буквально с ходу (впереди «жучка» шла), — влупился в роту 25-й бригады днепропетровской. Тут же второй взвод развернули, взяли в кольцо, открыли огонь, сожгли два БМП, два остановили, «Урал» с боеприпасами взорвался сразу.

Командир батальона укров запросил перемирие и чтобы его пропустили. Мы выдвинули требования, по телефону разговаривали долго с командиром 25-й бригады. Разговаривали-разговаривали — и в результате этот командир подразделения всё-таки решил на прорыв идти. Было много ещё бойцов уничтожено. Оставили технику они. Остальные разбежались просто.

Связь у нас — рация, «уоки-токи».

Есть диверсионные группы. Диверсионные операции должны заключаться в уничтожении коммуникаций противника. Глубокие рейды. Но у нас их нет. Близко где-то выйти — мы можем сделать диверсию, далеко идти мы не можем. Потому что нет ни специальных средств связи, ни специального оружия, ни мин.

Да, у нас есть автоматы, есть патроны к автоматам, а больше реально ничего нет. Если есть восемнадцать этих выстрелов — это тьфу. При любой военной операции, на любой базе, в любом отряде должно храниться минимум два-три боекомплекта. А их нет.

К нам сейчас едут сербы, французы, киргизы, македонцы, можно сформировать на базе нашего полка интербригаду. У нас нет левых, правых, православных, неправославных, монархистов, «белых», «красных». У нас об этом даже разговора нет. У нас все «наши», у нас понятие, что мы — «наши», мы воюем за Новороссию. Вот наш девиз.

Записала Екатерина ГЛУШИК

Саур-Могила: рассказ ополченца

В Москве, в храме Святой Троицы Живоначальной на Воробьёвых горах, состоялось событие, за которым следили десятки миллионов людей по всему свету: три новоросские пары, где и женихи, и невесты — участники ополчения, обвенчались и зарегистрировали свой брак.

На этой войне бойцы обращаются друг к другу по позывным. Александр, позывной «Зелёный», один из молодожёнов.

— В ополчение я пришёл ещё в феврале месяце, когда это всё только началось и пошли митинги против Майдана. По мирной жизни я стро-

итель, техникум окончил по специальности «сборщик металлоконструкций по обработке бетона пятого разряда». И вот начал я ходить на митинги в Донецке, Дружковке, по другим городам ездить. Почему? Потому что мой народ был мне безразличен, и тот путь, каким пришли к власти Турчинов, Яценюк, мне сильно не понравился. Пришлось взять оружие в руки.

Я сам бывший служивый. В армии полтора года служил, был старшим разведгруппы. Служил в 25-й Харьковской дивизии ВДВ, с которой в данный момент воюю. Так получилось. Армейское звание у меня — лейтенант ВДВ. Как из армии пришёл, больше оружия в руки до сих пор не брал, хотя, когда вступаешь в ряды, из любого оружия стреляешь.

Митинги проходили во всех городах одновременно. Мы с ребятами стояли в оцеплении, чтобы не было провокаций со стороны

майданников. В шахте «Володарская» в городе Соledаре Артёмовского района Донецкой области хранился большой запас вооружения ещё с советских времён (шахта соляная, долго там всё сохраняется). Ставили мы там блокпост, не давали украинской армии вывезти оружие.

Ездили-ездили на митинги в Донецк. И вот однажды не вернулись, а пошли захватывать УГА. Потом был Славянск, гора Карачун, долго держали её, Саур-Могилы. И наши родные узнавали о том, где мы, из СМИ — где самые тяжёлые бои.

7 апреля взяли штурмом СБУ в Донецке. С 10 на 11 апреля взяли Славянск полностью под свой контроль, так как там был самый сильный сбор оружия, а нам надо было чем-то отстаивать свой народ и свои области. С пустыми руками мы же против врагов не пойдём. Пришлось брать таким путём — склады, горотделы, СБУ. Ну оно и пошло так. В мае месяце я уехал

в Донецк. Стал воевать, ездить на задания. Сначала был ротным. Потом меня поставили замкомандира батальона по тыловой службе. На мне продовольствие, камуфляж, амуниция, сухпай для выездных групп. Бывает, ротацию не могут произвести, нам звонят: у нас ничего нет. Грузим сухпай, вооружаю бойцов, на машину — и туда.

Бывало, не успею выпрыгнуть из машины — бабах! Прямое попадание. И 20 километров по полям пешком. Приходим мы в ополчение со своими машинами, со своим оружием. Кто-то с карабином охотничьим. Буквально — всё для фронта, всё для победы.

В Донецке патриоты со всех городов пособирались, люди, которые служили. Вот они-то и взяли оружие и встали на защиту народа. Хунта эта — киевская власть — начала подтягивать войска, обстреливать города, жилые дома, детские дома, школы, университеты. И за май месяц они превратили Славянск, к примеру, в какие-то бараки разбитые. Просто превратили! Стреляли по всем. И выкладывали тут же ролики в Интернете, в новостях давали, якобы это ополченцы стреляют по мирным домам. А как мы можем стрелять по мирным домам, если мы сами там находимся?

15 августа поехал на Саур-Могилу. Мы приехали в ночь с 16 на 17 августа. Сформировались, укомплектовались боеприпасами в городе Снежном и 17 августа оттуда выдвинулись. И попали на большую засаду — очень большую засаду. По всем сведениям, Саур-Могила должна была быть под нами, но так как наши не прошли туда, их по дороге расстреляли (20 человек погибли), с ними не было связи, и наше руководство подумало: если нет связи, значит, они на высоте. И нас послали туда их поменять. Не доходя до Саур-Могилы (там есть здание — вход в музей), попали мы под полный обстрел. Полный обстрел! В нас и из танковых стреляли, и снайперы, и пулемётчики, и БМДэшки подогнали — стреляли по нам. Бой завязался в 17 часов 15 минут. Обстрел был часов до восьми вечера — непрерывно.

Когда бой завязался, я дал команду группе своей отходить, потому что я был раненый, со мной ещё двое раненых было — не ходящих полностью. Дал команду отходить, сам остался с ранеными, так как я отвечал за группу. Со мной ещё осталось два человека, хотя я им велел тоже отходить, но они сказали — нет. И мы втроём приняли бой на себя полностью. Даже вызывали обстрел по себе — по квадрату,

где находились, потому что прекрасно понимали: возьмут нас в плен — всё равно убьют. А пойдёт артобстрел, пусть мы погибнем, но заберем их жизни тоже. Слава богу, наша икона ополчения помогла.

Моя жена (тогда ещё невеста) в то время (и сейчас) в Москве, на Воробьёвых горах, с другими людьми занималась сбором гуманитарной помощи для Донбасса. И вот она звонит подруге, говорит: подойди, пожалуйста, к палатке (то есть к ней, чтобы подменить).

А в это самое время меня ранили, и я позвонил, чтобы попрощаться. И вот она, вся в слезах, звонит подруге. Потом надевает платок, идёт в церковь на Воробьёвых горах, где сейчас находится икона Ополчения — Тихвинской Божьей Матери, просит за меня.

В это время как раз я отдавал свою аптечку раненой девочке, помогая ей. Помог, ползу. А жена в это время в Москве опять идёт к иконе Тихвинской — во второй раз. И я в этот момент среди поля чистого на земле нахожу аптечку.

Дело в том, что, когда группа отходила, никто не шёл той дорогой. Я, получается, полез к врагам в тыл и каким-то чудом там оказалась аптечка. Я открыл её — аптечка наша, у нас только были такие укомплектованы. Там было 9 шприцев: 3 морфия, 3 антишока и 3 — кровеостанавливающее. Я всем этим обкололся — из меня же кровь текла.

А что получилось? Когда меня ранило, я упал, поворачиваюсь, смотрю — девчонка, Нонна, ей 19 лет, она из разведгруппы, прошла Славянск. Она лежит, мне по позывному: «“Зелёный”, помоги, я раненая». Я к ней подполз, у неё были прострелены обе ноги, прострелен копчик.

Жгутами её перемотал, ноги перетянул, чтобы не было истекания крови. А копчик же никак не передавишь. Обколол шприцами из своей аптечки. Всю аптечку на Нонну использовал, поэтому сам был в бреду: и боль, и крови потерял много.

У нас ещё бой был, потом немножко подухло, начало темнеть, я пополз, получается, не к своим — в бреду был, вот и пополз в сторону, где враги. И там нахожу аптечку. Обкололся, немножко полежал, думаю: дождь пошёл, сейчас будет легче чуть-чуть. Да и уколы подействовали.

А телефон начал пикать уже — был разряжен. Я в себя пришёл, понял, что ползу не туда, куда надо, а к врагам в руки. Разворачиваюсь и ползу обратно. И километров семь в общем

по чистому полю прополз. Оно выгоревшее, если снайпер возьмёт ночник, меня просто-напросто «срисует» — я полз у них как на ладони. Но я выполз.

Выполз я, включил телефон, позвонил своему командиру, спрашиваю: «Где ваша подмога?» Он говорит: «Так вас уже вытянули». Я: «Никто нас ещё не вытягивал. Я нахожусь здесь». И как раз встретился с этими двумя, которые со мной остались. Они ползли другими путями, встретились, они спрашивают: «Связь есть?» Говорю: «Не знаю, сейчас попробую запустить телефон». Запускаю телефон, и тут мне звонит жена. Я понимаю, что если с ней поговорю, у меня на второй звонок не хватит зарядки. Я звонок сбрасываю, набираю командира и спрашиваю про подмогу. Он мне — а вас уже вытянули, разведгруппа другая доложила, что якобы мы все в больницах. Я: «Нет, мы ещё здесь». Он: «Я всё понял, сейчас мы за вами высылаем группу». И он, не выключая телефона, кому-то говорит, кому, я не знаю: «Отменить артобстрел по Саур-Могиле».

Если бы я не позвонил, просто бы нас перемешали: шесть установок «Град», это 240 ракет, были развёрнуты по Саур-Могиле. Роль сыграли две-три минуты.

Мы со своими посидели немного, стали двигаться. Наткнулись на разведгруппу, которая шла нам на помощь. Я дал полные координаты, где лежат раненые. Разведгруппа выдвинулась туда. Уже находясь в больнице, узнаю, что двое умерло от потери крови. Остальные вышли все. Там раненые, контуженные были. Нонна умерла. Её нашли, и когда забирали оттуда, она была ещё живая, понесли, но идти — почти 12 километров получается от Саур-Могилы, куда можно было подогнать машины. И вот пешком шли, её несли, и, пока дошли, от потери крови она умерла. Умерла она и ещё один боец из разведгруппы, ему 54 года. Двое погибли у нас, остальные все выжили, хоть были раненые — не без этого. На войне без потерь, без раненых не бывает.

Мы дошли к своим пешком, меня сразу увезли в больницу, осмотрели, поставили один диагноз, по приезду в Москву — поставили другой диагноз. Будут делать операцию — собирать кости.

Саур-Могилы важна нам, потому что там воевали наши деды. Во время войны были очень сильные бои. Саур-Могилы — это большая гора, самая высокая точка в Донецкой области. Если бы укры нормально укрепились,

поставили «Грады», «Буратины», «Ураганы», то практически процентов семьдесят Донецкой области у них было бы как на ладони. Они просто разгромили бы все города с одного места. Им не надо бы было другие позиции занимать — просто всем бы городам был полный конец.

Вот Саур-Могила и переходила из рук в руки. Сначала она была у нас под полным контролем, потом укры кинули туда все свои силы: танки, «Грады». Сильно разгромили, разбили. Там мемориальный комплекс — стела, стоял солдат. Сейчас всё полностью разгромлено. Там погибли наши друзья. 8 сентября там было перезахоронение, потому что, когда ребята погибли, мы не могли их ни вывезти, ни толком похоронить. Похоронили когда смогли. Из моей группы погибли двое. А всего — одиннадцать человек. Четверых не могли вытянуть вообще, в троих прямое попадание танкового снаряда в окоп, их разорвало на куски.

Я участвовал и в боях в аэропорту. А от аэропорта до города пять минут. Мы пытались выдавить из аэропорта Нацгвардию, «Правый сектор». Они начинали обстреливать города — это были танковые обстрелы, градковые обстрелы. Не только моя группа, групп много было, давали в ответку. И так завязывались бои. Те их группы, которые были от нас близко, мы пытались брать в плен, они обстреливались по нам, мы обстреливались по ним, и были потери, конечно.

О том, где укры находятся, конкретные месторасположения — докладывает разведгруппа, которая работает: даёт координаты, кто где, сколько солдат, какие единицы техники. Мы брали их в кольцо. Получалось разоружить — разоружали, не получалось, если они вступали в бой, мы давали в ответ. На тот кон, когда всё это начало происходить, у нас не было ни установок «Град», никаких. Были автоматы, пистолеты, РПГ-7, РПГ-26, «Мухи» восемнадцатые. Сейчас есть и тяжёлая техника.

На днях был артобстрел по Донецку: 20 гражданских убитых, 18 раненых и 6 очень тяжело раненых. Вот такое перемирие.

Сейчас на Украине за ношение георгиевской ленточки дают 5 лет тюрьмы, а мы собираемся восстанавливать разрушенный на Саур-Могилах мемориал.

Часть населения очень напугана. Да, есть некоторые, кто говорит: всё равно какая власть, лишь бы мы жили. Сейчас цены у нас очень

взлетели, думаем, чтобы народ настроить против всего.

Но большинство не хотят быть с Украиной. Ополченцев местное население поддерживает. База в Славянске была в жилом частном доме — люди пустили. Они понимают, что защищают-то их, их дома. Бабушка получает 1400 гривен пенсию, оставляет себе на хлеб 400 и остальное приносит нам.

Помогают: тут у нас аккумулятор сел, тут воды надо. Люди носили нам еду... Бывало, неделями мы стояли на блокпостах под дождём, под ветрами, и нам население еду приносило, тёплые вещи, понимая, что если мы с блокпоста уйдём, в ту же минуту может зайти Нацгвардия. Даже переодеться домой пойдёшь — и те могли в этот момент пройти.

Блокпосты стояли между сёлами под открытым небом, в любой момент могли начать танками обстреливать. А мы стояли, держались. Практически с голыми руками против армии. А потери сами посмотрите: на один «двухсотый» наш в Славянске на первые числа мая у них было убито 125 человек.

Потому что хорошо работали разведгруппы, мы хорошо минировали дорогу. Они, не зная, что заминировано, пошли. И мы-то за свою свободу и веру идём воевать. А они сами не знают. Просто убивать? На Украине в армии служить не престижно, поэтому люди там не подготовленные. Конечно, Нацгвардия подготовлена, их учили не год, не два и не три, эта операция была давно запланирована. Спокойно жить они нам ни при каких условиях бы не дали.

Украинская сторона выставляет как пушечное мясо молодых ребят, ничему не обученных. Сзади идёт «Правый сектор» — вот где заградотряды-то! — и если парень бросает оружие, его расстреливают. В Волновихе был массовый расстрел. Показывают ролик по украинскому ТВ: хоронят 17 убитых. «Слава Украине, героям слава, они на блокпосту стояли до последнего, а ополченцы расстреляли блокпост с вертолётки». И так далее... Но у ополченцев нет вертолётки! А было так: ребята отказались стрелять в мирное население, сложили оружие. Вертолёт Нацгвардии поднялся в воздух, расстрелял блокпост. А СМИ это показывают как злодеяния ополченцев.

У меня к молодым ребятам, которых призывали в армию и заставляли стрелять, страдание. Было так: беру группу в плен, а там 12 человек из Дружковки, Краматорска, Константиновки, Донецка — это наши ребята.

Они служили, а их послали туда. Когда я их полностью разоружил, они сказали: «Наконец-то мы уже дома!»

Они звонят из армии домой, говорят: мы не можем сбежать. Дезертирство — это одно. Другое — донесут. В подразделениях держат правосеков, которые сразу донесут о настроениях и ребят расстреляют.

Вот БТРы украинские заходили в Славянск через Артёмовск, Андреевку, ребят с БТР сняли, накормили, помыли, дали сигареты, и у нас появился БТР. Озлобления у нас нет. А у Нацгвардии — озверение. Заходя в город, она выставляет на площади урны, куда можно кинуть донос. По доносу приходят, тебя забирают — и в подвал. Если ты даже в соцсетях ставишь «лайки» на то, что неуютно режиму, тебя точно так же забирают — и в подвал.

В Славянске показательно расстреляли семью «Моторолы». За то, что «Моторола» в ополченцах: жену, двоих детей, мать, отца — всех расстреляли. Показательно!

«Моторола» всё бросил, уехал. Около месяца его не было. Но он вернулся, собрал группу, начал работать, он старший группы.

Сейчас создаётся единая армия, единоначалие признают, сплываются. Командиры съезжаются на совещания, все нюансы между собой оговаривают, приходят к одному мнению. А если мы будем каждый тянуть на себя рубаху, то войну не выиграем, она затянется.

Славянск — особая категория. Почему именно Славянск? А там четыре месторождения сланцевого газа, которые уже были проданы Евросоюзу, практически и буровые вышки доставлены.

ПЗРКашники работали сами по себе: они выбирали позиции, чтобы засечь объект вдалеке, а не за 2–3 километра только, полностью вокруг себя чтобы была горизонталь, когда самолёт двигается, чтобы успеть зарядиться, подпустить к себе ближе.

Я из ПЗРК сам стрелял, у меня на счету один вертолёт — Ми-8. Укры везли группу на высадку, а мы просто гуляли по посадке и наткнулись на них. Я ему нарушил хвостовик, он упал, начал рассыпаться, солдаты, что остались живые, начали вести полный обстрел, наша группа начала по ним.

Итальянских журналистов, которые попали в передрагу — об этом во всех новостях говорили, — мы нашли. Я находился в Андреевке,

видел весь этот обстрел. Но я был в точке, где передо мной было болото, и я им издали кричал, чтобы они оттуда уходили, потому что начинается артобстрел, укры уже начали снаряды «ложить». А журналистам же интересно снимать всё это. И когда я увидел, что двое оттуда ушли (это водитель и журналист, он ранен был), а двое нет, понял, что там остались люди, под полный обстрел попали. Вечером я туда не пошел, потому что снайперы, а положить группу — не мой профиль.

Утром, рискуя ещё двумя, пошел. Переоделись в гражданку, полезли туда. Одного нашли в овраге поломанного полностью, а второго без головы. Голову оторвало снарядом: где он лежал, рядом была воронка — от головы один скальп остался, всё полностью было разорвано. Раненого в тот же день отвезли в больницу.

Был сюжет, нас показали: очевидцы обнаружили. Мы — очевидцы.

Все живут в расположении, а домой — одеваются в гражданскую и идут навестить, как увольнительная, раз в три-четыре дня. А когда тяжело, то и неделями не бываем дома. Денег мы не получаем, а семьи кормить надо, и нам выделяют гуманитарную помощь: идём домой — пакет нам дают.

Люди сочиняют песни, поют под гитару наши боевые, для души тоже, как оно и всегда было. «Ветер», «Батальон «Восток»», «Вставай, Донбасс» — самая популярная песня.

У подразделения каждого есть своё знамя, шевроны, сверху написано название батальона. Знамя цепляем везде, на машины и всюду. Оно как эмблема получается. Шеврон ставится на удостоверение личности. Если буду заезжать куда-то в расположение, без этого удостоверения никто не пустит, хоть и будут тебя знать, но не пустят.

Когда приходит группа добровольцев, их распределяют и направляют, куда надо, где необходимость. У нас в батальоне, если взять по всем базам, которые расформированы по Донецку, получается тысячи две с половиной человек. Первая, вторая, третья база. Всех поселить на одной базе — не вариант, по-любому не вариант.

Прежде чем дать оружие, человека «пробивают» по всем каналам, чем он дышит: кто он, что он и почём он. «Ты откуда?» — «Из Славянска». Мы его сразу смотрим, кто он, кто его знает. Если я знаю человека, иду и говорю, что ручаюсь. Даже роты формируются по городам.

А есть и из России, казаки, другие добровольцы, охотники из Ямало-Ненецкого округа есть, чеченцы. Чеченцы говорят: «Вы наши братья, у нас одна родина — Россия». Ребята российские пришли к нам добровольно. Некоторые просили: только маме не говорите, я маме сказал, что на заработки еду в Москву. Они и на венчание наше приехали в Москву.

Из Афганистана, Испании есть у нас. С испанцами в основном жестами общаемся, а афганцы русский знают.

Возраст ребят у нас от 16 до 60, а в среднем 28–35 лет. Вот со мной двое выходили с Саур-Могилы: одному — у него позывной «Назар» — 58 лет, прошёл Афганистан. Воюет хорошо, бегают, как пацан. На Саур-Могиле мы были метрах в 10–15 друг от друга, я кричу: «Назар, отходи!» Он мне, ну другими словами, я не буду выражаться: «Я не уйду, с тобой останусь». Он и «Борода», пацан, 21 год, со мной остались.

А пришёл один парень, спрашиваем: «Мама с папой знают, что ты воевать пришёл? В армии-то служил?» Он: «А мне нет восемнадцати, у меня только брат, мамы-папы нет». Сирота детдомовский. «Вы не возьмёте, к другим пойду». Сейчас обучили полностью, хорошо работает на установке АГС, старший группы.

Есть мальчик 15-ти лет — с папой пришёл.

Некоторые уходят, боятся. Товарищ пропал, я думал, в плену он. Но вот звонит, я ему: «Где ты?» Он: «Мне стыдно сказать в глаза, но я испугался, ушёл».

А вот наши ходили в одну московскую больницу, навещали раненых ополченцев, инвалидные кресла привезли, медикаменты, продукты, всё такое. Там парнишка из Дружковки, у него нет ноги выше колена, он говорит: «Я всё равно вернусь, мне пацаны скотчем обмотают, буду с коляски стрелять, я здесь не могу сидеть». Дух у людей не падает даже при таких условиях.

Замкомандира батальона наш весь переломан был, собрали его по частям в Волгограде, он на коляске, так он вернулся, организовывал перезахоронение на Саур-Могиле.

У меня брали штурмом дом мамин, искали меня, к моей жене там домой приходят эсбэушники, ищут. То и дело дают дезы, что я погиб, то ли не знают, то ли морально давят.

Список с Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери «Ополченская» старцы Тихвинского монастыря, когда начались события, передали Донецкой и Луганской народным

республикам, икона прошла весь Донецк, всю ДНР. Сейчас её привезли в Москву, чтобы на свадьбе нашей она была. А потом поедет обратно — и по всем блокпостам. «Ополченская» она называется, потому что помогла ополчению Тихвина против французов в 1812 году. И наши ополченцы, уходя на задания, прикладываются к этой иконе.

Вот есть предание, легенда, что, когда шведы напали, 80 ополченцев с монахами вместе молились, а шведам казалось — 80 тысяч их. И сейчас, после того, как эта икона побывала на территории ДНР, под Константиновкой, 44 ополченца берут в кольцо и разбивают 1600 нацгвардейцев и бойцов «Правого сектора».

Эти ополченцы к иконе приложились, а на следующий день так разбили. И говорят ребята: непонятно, откуда и силы, и дух взялись.

Буквально за полтора часа — взяли в кольцо и разгромили. Чудо. Чудотворная икона. Она и на поле Бородинском была, и на Крымской войне, в Севастопольской битве. Сейчас в ДНР. На базе стоит, охраняется. Специально ей устроен уголок, негасимая лампада.

Сказать честно, до всего этого не очень верующий был. Но под какие только обстрелы не попадал — выходил. Молился, чтобы вышла группа, чтобы самому выйти... И уже начинаешь верить.

Сейчас я в госпиталь московский обратился, операция нужна — ключицы практически нет, раздроблена. Когда вылечусь обратно. У нас другого выхода нет — только победа.

Материал подготовила
Екатерина ГЛУШИК

Сильные небом

*О беспилотниках над Новороссией рассказывают
Станислав ФЁДОРОВ и Виктор ГАЛЕНКО*

Наша организация — Русское воздухоплавательное общество — имеет давнюю историю. А восстановили деятельность мы в 1997 году. И до сего момента занимались в основном установлением национальных и мировых рекордов во всех видах авиации и воздухоплавания. Авиация, воздухоплавание, дирижабли — всё у нас.

К юбилею Юрия Гагарина, например, нами был построен воздушный шар в форме космического корабля «Восток» высотой с 22-этажный дом. 12 апреля мы впервые его на Ходынском поле подняли, а после он с триумфом объездил всю Россию. И до сей поры он существует. Прощёл ремонт и опять будет летать.

Организация общественная. Есть база кое-какая. Хоть и небольшое, но собственное производство. Ряд организаций разрешают пользоваться их аэродромами, ангарами: можно приезжать, работать, учить команду.

Сейчас мы делаем беспилотники. Беспилотники, которые мы производим, многоаспектны. Так, на недавнем байк-шоу «Ночных волков» в Севастополе мы обеспечивали безопасность мероприятия с воздуха. Там проверили работу беспилотников с точки зрения наземного противодействия. Службой безопасности байк-шоу специально было нанято 50 «охотников», которые должны были эти аппараты сбивать,

чтобы посмотреть, как это можно сделать. В итоге продемонстрирована высочайшая эффективность беспилотников с точки зрения обеспечения безопасности в горной и городской местности и их полная неуязвимость.

Мы просто «по-партизански» немножко полетали над байк-шоу — с постепенным снижением. И пока не включили огни на беспилотнике, он не был виден. И ещё даже не придумано, как против него бороться: потому что они маленькие, быстрые, невидимые — радар их не берёт, — там практически один пластик.

Аппараты нагружены оптикой. Один наш коллега работал с тепловизором, смотрел горы. И в результате были два теракта предотвращены, найден склад оружия. Главная задача была — обеспечить высокую активность и показать представителям частных военных компаний, действующим на стороне укров, что путей отхода у них нет. А наёмники, когда у них нет путей отхода, не воюют. Они же воюют за деньги — героизмом не страдают.

Задача нами была с блеском выполнена, получили мы благодарность от командования. И самим, конечно, приятно быть соучастниками этого действия.

На вооружении Российской армии есть беспилотники. Их закупали в Израиле. Сейчас уже не закупают. Дело в чём? Наша армия достаточно

требовательна. И аппараты для армии стоят не на порядок, а на два порядка дороже, чем гражданские. Потому что они должны храниться 25 лет, эксплуатироваться при температуре от -45°C до $+50^{\circ}\text{C}$, быть устойчивыми к морской воде, пыли... И так далее. Поэтому сейчас у армии беспилотники Ту-143М. Это огромная цельнометаллическая вещь, которая должна всем этим условиям соответствовать. А современная война выдвигает свои требования. И нужен аппарат, которому необязательно выдерживать до -50°C , потому что на нынешнем театре военных действий не будет -50°C . Да и если мы сейчас его вводим в эксплуатацию, он до зимы не доживёт. Или сожжёт его, или выработает свой ресурс. Они же достаточно интенсивно летают. Понятно, что не будут их складировать и хранить 25 лет, потому что 25 лет он не сохранится: углепластик, из которого сделаны аппараты, покоробится и разрушится.

Беспилотники мы начали применять в конце мая. Идея эта родилась так. Приехал кто-то из зоны боевых действий в Новороссии, сказал, что хорошо бы, чтобы было средство для поражения бронетехники с воздуха. То есть всё началось совсем с других целей. В результате обучения персонала, эксплуатации мы пришли к прямо противоположным целям, с которых начинали.

Подумали: а чем же бронетехнику поразить? Возьмём какой-нибудь вертолёт многовинтовой, засунем в него много гранат и отправим на танк. Но когда начали проектировать идею, то получилось, что для засовывания гранат — вертолёт-то дорогой, а вот для обзора местности, для корректировки миномётного огня и для разведки — в самый раз.

Хотя у нас есть и система подвески боевой нагрузки. Ведь сначала украинцы обстреливали беспилотники с большим удовольствием. И ребята придумали: они вешают гранату в стакане. Укры начинают стрелять, ну её и роняют. То есть, сбивая беспилотник, укры сами себя подрывают. Потому что как только они начинают стрелять по беспилотнику, оператор это видит, обижается, бросает на них гранату, беспилотник улетает за следующей гранатой. А если по беспилотнику не стреляют, то он спокойно выполняет свои разведывательные функции и никому не мешает. Мы же глубоко мирные, вежливые люди. И укры перестали обстреливать, а, наоборот, прячутся.

Итак, поначалу мы конструировали аппараты для поражения бронетехники. Поняли, что это пока не под силу, и решили ограничиться целенавещением. Потому что каждый такой беспилотник, с нормальной оптикой, связью, — стоит за полмиллиона рублей. Тратить полмиллиона рублей, чтобы подбить один БТР, нерентабель-

но. Их уничтожают гораздо дешевле. Тем более сейчас ополченцы стараются их не уничтожать, а подбивать, чтобы они были пригодны к ремонту, и потом самим пользоваться.

И ещё: из опыта ещё Второй мировой войны известно, что главные враги — это корректировщики огня. За сбитую «раму» (самолёт-корректировщик «Фокке-Вульф», Fw 189) наш лёгчик получал орден Ленина... Потому что «рама» позволяла уничтожить путём наведения много техники и живой силы. Возьмём обычный миномёт. Чтобы подготовить миномётный расчёт, надо как минимум два курса артиллерийского училища, знание тригонометрии, талант. А мы берём эту трубу со станиной, вытаскиваем из автомобиля, беспилотник поднимается... И даже «тётка в ватнике» путём вращения двух нехитрых прицелов после трёх мин положит всё вражеское расположение.

И мы можем сделать такой маленький аппаратик, за три минуты он поднялся. Ребята отстрелялись, за минуту выпустив по 20 мин с каждого ствола, убрались и уехали.

Беспилотник передаёт полную телеметрию: GPS, курс. Система ГЛОНАСС помогает: приёмник GPS плюс ГЛОНАСС — и работа идёт гораздо быстрее.

Миномётчики и операторы должны быть синхронизированы. У операторов просто экран перед глазами, и они видят, где разрываются их мины. Два щелчка вправо, два щелчка влево... Ни тригонометрических расчётов, ничего тут не надо.

Если противник находится достаточно далеко и визуально не виден, но мы знаем его координаты, беспилотнику даются его координаты по GPS. Он по GPS даёт эти координаты и оттуда передаёт видео. Миномётчик визуально противника не видит, он видит экран. Поэтому беспилотнику GPS нужен. Это миномётчику ничего не нужно, только экран. Перелёт. Недолёт. Ага! Ему даже не нужно никакого высшего артиллерийского образования: человека можно за три дня подготовить.

Когда мы только начали беспилотники строить, встал вопрос: кто их там будет эксплуатировать? И вот приехали девять добровольцев «оттуда», которые уже были обстреляны, с опытом боевых действий. Их месяц учили и эксплуатации, и ремонту. Кто-то выучился на оператора. Кто-то — ремонту. Кто-то ничему не выучился, так бывает. Те, кто здесь не выучился, там доучился.

А закончили обучение, в «Газель» загрузили в разобранном виде аппараты (в готовом они достаточно больших размеров), и поехали ребята

своим ходом. Им дали вполне приличную базу в Донецке, они всё собрали, испытали. И вот уже больше месяца работают, передают очень ценные сведения. Буквально недавно они сделали первую достоверную фотографию о «Точке-У» (управляемая на всём протяжении полёта одноступенчатая твёрдотопливная баллистическая ракета). Заснявшие её поняли, что это надо сразу выкладывать в прессу, в Сеть. Отправили нам, мы тоже по своим каналам распространили: посмотрите, прямо в деревне, на улице рядом с домами, стоят три «Точки-У»... И украинским товарищам сказать-то было нечего — вот оно! И фактически было предотвращено применение этого оружия. Это один из главных наших успехов.

Вся обученная нами группа находится под начальником разведки, и поэтому они достаточно быстро перемещаются. Что надо — они разглашают, что не надо — не разглашают.

Ребята, нами подготовленные, уехали месяц назад. За это время мы разработали уже новые аппараты, ещё более совершенные. Сейчас туда наши ребята едут, везут аппараты, чтобы переучить бойцов на новые.

Там — эскадрилья. Эскадрилья — это до одиннадцати аппаратов. Сейчас у них пять.

Новые машины будут пополнять существующую эскадрилью. Обратились и товарищи из Луганской народной республики, чтобы создать такую же эскадрилью у них. И мы ведём сборку аппаратов и для них.

Но трубы, винты, моторы — у нас в достатке. Для самолётов — крылья, корпуса. А вот электроника стоит очень больших денег. Нам люди по своей инициативе помогают, скидываются, кое-что присылают. Но средств всё равно не хватает. И поэтому часть машин стоит одиноко и сиротливо, ждут, когда в них воткнут «мозг», воткнут «глаз» и так далее. Потому что летать они могут, но не знают, куда лететь, да и нечем снимать. Даже элементарные камеры стоят не менее 200 тысяч. Нормальный автопилот — 60 тысяч.

Там чудовищная система гироскопической стабилизации прицелов. Сейчас можно в магазине купить видеокамеру SONY за 25 000 рублей, на которой стоит система гироскопической стабилизации объектива. Можно подвесить беспилотник и получать стабильную картинку. Но она импортная. А у нас не должно быть импортного, не должно быть хрупкого, не должно быть мягкого, должно быть мороз/жара и должно 25 лет находиться в неотапливаемом помещении.

На чём учили ребят — мы всё отдали. Теперь всё, что мы сейчас только что собрали, опять отдадим. И если нам пришлют учеников — нам их не на чем учить. И речь-то порой идёт о пустяках, как компьютер с тренажёром. Компьютер — 10 000 рублей, тренажёр — 8 000 рублей = 18 000 рублей. Мы можем посадить бойца, он восемь часов на тренажёре будет работать, что заметит ему неделю обучения, практики на полях. Можно из любого бойца за неделю подготовить,

например, оператора миномётного расчёта. Потому что нужны лишь его внимание и аккуратность, старательность, а всё остальное берёт на себя электроника. Маленькая коробочка, размером с пачку сигарет, содержит в себе акселерометр, автопилоты, систему GPS, систему полёта по маршруту.

Мы выполняем и инженерные работы, и руками мастерим. Приходится всем заниматься, потому что мы преподаём, и чтобы понять, как что устроено, нужно самому это сделать. Да и нас в организации не так много, поневоле мастером на все руки станешь.

Коллеги из Министерства обороны, из ФСБ, из ОМОНа дали возможность отработать на различных практических учения, в условиях, что называется, «приближённых». Это избавило нас от многих тупиковых путей. Например, мы думали, что каждый винтик должен быть смазан силиконом, но не учитывали, что танки поднимают песок, который выводит из строя моторы. На полигоне ВДВ мы «с удивлением» это обнаружили. Это вещи элементарные, но сталкиваться нам с этим не приходилось, а на полигоне мы это поняли. Мы хотя и не в силах моторы защитить от пыли, однако взяли более дорогие, большего диаметра, они более пылеустойчивы. И фактически мы сейчас в плане практического применения беспилотников — наверное, одни из лучших. Но это не только наша заслуга. Удалось вокруг себя объединить лучших авиамоделистов,

специалистов по беспилотным устройствам, которые поддержали Новороссию.

Этот мир разбился на две части. Первая часть сказала: знать ничего не знаем, помогать не будем, упаси господи, потому что это помешает нашему бизнесу. Но такая позиция оказалась насквозь фальшивой, потому что именно эти люди осуществляют поставки беспилотников для Киева.

И вторая часть — обычные наши граждане, которые очень активно оказывают нам помощь.

Например, несколько коммерческих фирм, которые давно делают для любителей эти вещи, по вечерам или по своим выходным — в своё свободное время — помогают нам собирать аппараты.

А кто-то нам помогает самими аппаратами. И получают порой курьёзы. Деньги-то опасаются давать, чтобы не разворовали, и привозят нам собранные какими-то умельцами недоразумения. Люди, исходя из лучших побуждений, покупают детали, привозят. А у нас на реконструкцию, «доведение до ума» уходит в два-три раза больше времени и сил, чем на создание. Потому что накрутил сумасшедший гений, начитавшись форумов, что-то... А нам самим удаётся покупать всё это в 2–3 раза дешевле, потому что через знакомых идут прямые поставки этого оборудования. А из Франции, например, нам француз прислал собранный беспилотник нашего типа. Причём француз абсолютно не русского происхождения, а просто заинтересовался.

Самое гнилое место в этом плане — Москва. Нам помогают Тула, Калуга, Новосибирск и так далее. А вот москвичи... Индифферентны. Новая модель айфона их намного больше интересует.

Беспилотник — это углепластик. Самые лёгкие — углепластиковые. Это композит.

Электродвигатель. Аккумуляторы. Когда аппарат возвращается, происходит зарядка аккумуляторов.

Лучшие образцы — до часа могут «висеть». Есть потери, конечно. Сейчас из того, что отправили в Новороссию, потеряли около трети. Дальние беспилотники были потеряны в первую очередь. Вопрос в том, что, отправляя первую группу, мы отдали им абсолютно всё, а ребята были не очень опытные. Да и у них чудовищное количество вылетов, большой износ батарей, моторов. Но за месяц треть потерь — это нормально. Часть удаётся восстанавливать в полевых условиях.

Сейчас эскадрилья базируется в Донецке. Постоянно идёт разведка переднего края — осмотр передовой линии. Как действует противник? Сплошная слаженная оборона отсутствует, и вот противник медленно выдвигает щупальца... Если пошло — туда выдвигаются уже следующие. И главное — это вовремя обнаружить. Смотрят: пошла первая мобильная группа. Если сразу обнаруживают, засекают — уничтожают, и прорывы не происходят. Как только выдвинулась эта первая мобильная группа, если их не обнаружили, за ними пошла уже небольшая броневая группа, а за ней уже пошли... И получается — клин вбит. Основная задача — не допустить вбивания клина. Вовремя обнаружить, дать целеуказание. Потом приезжает мобильная защитная группа с миномётами, приезжают наши «Грады», накрывают эту цель и быстренько уезжают.

Мы ведём журнал операций. Вот, например, эпизод с «Точкой У». Ещё была ситуация, о которой в прессе сообщали, — уничтожение группировки в 400 человек. Подняли беспилотники, они дали полные координаты этой группировки. Ополченцы ударили «Градом» и накрыли.

Фактически сейчас мы подготовили вторую группу модернизированных аппаратов. Но интересна уже третья группа, потому что сейчас наши

американские коллеги русского происхождения поставили нам один аппарат, который мы хотим испытать. Принципиальное отличие от украинцев. Те пошли по пути медленных долголётов: они медленно и долго летят. Они не способны работать в ветер, но способны висеть. А нам предложили использовать быстролёты — это американские гоночные аппараты. Аппарат за 3 минуты может уйти на 12 км, взять развединформацию и через 3 минуты вернуться. При этом ветер 10–15 м/с для него — не помеха. А для украинцев 10 м/с является непреодолимым препятствием.

То есть новый аппарат может работать в любое время суток. Плюс мы достаточно хорошо продвинулись в использовании камер ночного видения, тепловизоров. Нам очень хорошо помогают именно «всем миром», иначе мы бы не смогли столько сделать, просто физически бы не хватило наших усилий. Уже предлагают какие-то готовые решения, которые мы испытываем и выбираем самые недорогие, приемлемые.

Беспилотник ходит на высоте 0,5 км; 1 км; 2 км. Причём он просто пулей уходит. Даже небольшая моделька уходит на 0,5 км за 100 секунд. Спускается в два раза медленнее.

На боевые позиции выходят так. В Донецке есть ангарчик, аппараты там находятся. Потом выезжает мобильная группа на «Газели», грузит: два аппарата, двух операторов, водителя, одного дешифровщика аэрофотосъёмки и обычно двух стрелков — охранение.

Беспилотники выезжают уже собранными. Их сгружают на землю. Запускают с земли или с рук. Иногда где-то трава высокая, кусты, и приходится принимать на руки эту «летающую мясорубку». А что делать, аэродромов-то нет. Быстро запустили, развединформацию собрали...

На байк-шоу очень хорошо себя показали «Ультралайт». Это совсем маленький аппаратик. То, что могло бы помочь разведчикам, потому что он помещается в рюкзачке, дальность у него небольшая (3 км). Вздэвэшники очень такими заинтересовались, омовцы. Потому что выпустил — он быстро посмотрел. Ты получил информацию: что за этим пригорочком, что за лесочком. И уже можно действовать.

Мы показывали аппараты лично Шаманову. Он сказал, что нам такими маленькими нужно оснастить каждый БМД. Чтобы БМД высаживалась и первым делом отправляла «глаз», осматривалась и начинала действовать. Но пока это слова. К делу ещё не приступали.

Казалось бы, НИИ, учёные, их должно заинтересовать... Но говорят: военные учёные — это

уже не совсем военные и ещё не совсем учёные. Да и сколько раз разгоняли наши военные институты, переформатировали и переформировывали... И пока они озабочены чем угодно, но не созданием новой техники. К сожалению.

Новороссия является в каком-то смысле полигоном для испытаний этого оружия. До того беспилотники активно применяли только американцы в арабских конфликтах. И применяли только с одной стороны, потому что противник их не применял. А здесь активно применяются с обеих сторон, потому что у украинцев то же самое. У нас и у украинских товарищей мозги одинаково устроены, и школа одна. И изначально конструкции выпускались практически неотличимые друг от друга.

Но у них преимущество — на 1 наш беспилотник приходится 10 украинских. Они финансируются государством, а у Новороссии пока нет средств, финансирования, нас государство финансировать не может.

А спасает то, что наши украинские коллеги, понимая неизбежность собственного поражения, идут по пути создания огромных летающих монстров с большой накруткой себе в карман. Это снижает их боевые возможности. Они особо не вкладываются в развитие, потому что больше заботятся о собственном благополучии.

И второе — они не вкладываются в обучение. Привозят картинку, а люди расшифровать её не могут. А мы сделали упор именно на обучении бойцов — а именно расшифровке, а не технике пилотирования — компьютер пилотирует беспилотник, боец лишь указывает только точки на карте.

Мы на энтузиазме вместе с ребятами всё это создали... Зарплаты никто из нас с мая не видел. Новороссия и Крым стали неким рубежом, который пробудил общество ото сна, из полупассивного содержания мы перешли к активным действиям. Невозможно оставаться равнодушным, надо чётко определить свою позицию. Достаточно много и друзей, и знакомых на Украине нас, мягко говоря, не поняли. Порвали с нами отношения.

А мы с самого начала решили, что не будем скрывать свою позицию. Мы — общественная организация, мы не государство, можем себе позволить. Поэтому, наверное, мы единственные, кто прямо, не скрываясь, собирает на это деньги. Ведём дневники наших, собственно, успехов. Успехи могли бы быть гораздо больше, если бы помощь была побольше.

**Материал подготовила
Екатерина ГЛУШИК**

Леонид ИВАШОВ. Битва за Россию. Хроники геополитических сражений. (Серия «Коллекция Изборского клуба») —
М.: Книжный мир, 2015. — 416 с.

Рушится однополярный «Рак Америгана», основанный на гегемонии США, которые так и не смогли обеспечить стабильность и безопасность на Земле. Планета на пороге радикального пересмотра принципов глобального мироустройства. В борьбе за будущее схлестнулись не на жизнь, а на смерть великие державы Запада и Востока, финансовый олигархат и военные блоки. В войнах нового типа фронты пролегли не по обрывистым берегам рек и не по укрепрайонам, а по культурно-цивилизационным разломам.

В этих условиях характер и масштабы угроз для России выше, чем когда-либо со времён окончания Второй мировой войны. Противостояние в Арктике, угрозы с Востока, хаос на Юге, напор радикального ислама в Средней Азии и на Кавказе. Украинский кризис — лишь малая часть этой геополитической борьбы. Битва идет не за Украину, а за Россию, за Русский мир. В этой борьбе США пойдут на всё, чтобы не дать возродиться России.

Но Америка «заканчивается», равно как и вся западная цивилизация. Она достигла своего пика и катится вниз.

Михаил ДЕЛЯГИН. Россия перед лицом истории: конец эпохи национального предательства? (Серия «Коллекция Изборского клуба») —
М.: Книжный мир, 2015. — 384 с.

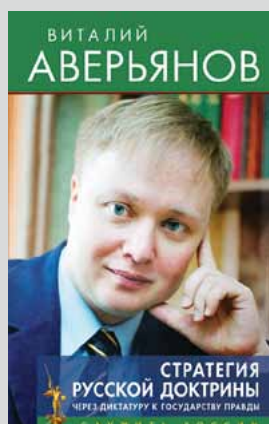
Новая книга известного российского экономиста, публициста и политика Михаила Делягина посвящена анализу путей развития России в недалёком будущем. Как повлияет на это будущее противостояние России и Запада, война на Украине, грядущий мировой экономический кризис и какие другие события нам стоит ожидать в ближайшие годы?

Что надо сделать, чтобы вырвать нашу страну из смертельных объятий экономи-

ческого либерализма и мирового финансового олигархата? Что станет с ценой на нефть, долларом и рублём? Сможет ли президент Путин возродить державу и почему для этого придется вспомнить экономическое наследие Сталина?

Об этом и о многом другом, что коснется каждого из нас уже в следующем году — прочти в этой книге.

Знание — сила. Узнай будущее — стань сильным.

Виталий АВЕРЬЯНОВ. Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к государству правды. (Серия «Служить России») —
М.: Книжный мир, 2014. — 512 с.

Россия явила в истории опыт правильной, жизнеспособной империи. Западный секулярный проект с его мнимыми толерантностью и гуманностью по отношению к «иным» навязывает окружающему миру совершенно ненужные ему представления, модели поведения, установки, порой не просто чуждые, а прямо кощунственные и безобразные с традиционной точки зрения. Запад не способен осуществлять свою экспансию без подрыва традиции и традиционных ценностей других культур.

Россия должна не «угодить» всему миру, не подладиться под сложившуюся

мировую ситуацию, но использовать её для воссоздания гармоничного порядка, для отвоёвывания культурного и жизненного времени и пространства для нашей Традиции-Цивилизации. Мы не считаем, что в прошлом России существовал некий «золотой век», который заслуживает слепого поклонения и к которому необходимо вернуться. Скорее мы пытаемся реконструировать Россию такой, какой она могла бы быть, если бы ей не помешали разворачивать её национально-государственную традицию.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ. 2014. № 1 (октябрь) и № 2 (ноябрь).

Из Донецка кружными путями пришёл неожиданный и чудесный для нас подарок — два первых, за октябрь и ноябрь, номера журнала «Новая земля», издание которого осуществляется Изборским клубом Новороссии. Поднять такое дело в условиях военного времени — настоящий подвиг. Но героев нашего времени и, более того, подвижников, для которых подвиг — не разовая акция, а постоянное усилие души, в нынешнем Донбассе не занимать.

Можно было бы сказать, что страницы «Новой земли» пахнут порохом, но они пахнут обычной типографской краской, и там нет боевых сводок противостояния «украинским» карателям, свидетельств о гуманитарной катастрофе, которую переживают люди на территориях Донецкой и Луганской народных республик.

Материалы журнала свидетельствуют о другом — что жизнь человеческого духа продолжается в любых условиях, а в условиях постоянной, ежедневной и ежечасной защиты права оставаться самими собой,

оставаться людьми эта жизнь наполняется особым смыслом и особой «статьей».

Например, знаете ли вы, что украинцы не только сносят в подвластных им населённых пунктах памятники Ленину, но и перечёркивают букву «ё» практически везде, куда могут дотянуться? Потому что считают седьмую по счёту букву русского алфавита одним из символов ненавистной им «русскости»: в других мировых письменных языках эта буква отсутствует... А как вам сравнительная история русского Георгиевского и прусско-немецкого Железного крестов? А знаете ли вы, что на Донбассе нынешнюю Украину, как и республики Балтии, считают наследием так и не преодоленного «похабного» Брестского мира 1918 года?

Стоит заметить, что немалое место в публикациях «Новой земли» занимают и во многом задают тон материалы участников Изборского клуба и авторов газеты «Завтра». И есть не только надежда, но и уверенность в том, что такое сотрудничество будет продолжаться и развиваться.

Александр МАСЛОВ

Максим КАЛАШНИКОВ. СССР. Версия 2.0.

(Серия: Идеальное общество.) — М.: Алгоритм, 2014. — 368 с.

Начинают гибнуть «государства всеобщего благоденствия» Запада, испаряется гуманность западного мира, глобализация несёт раскол и разложение даже в богатые страны. Снова мир одолевают захватнические войны и ожесточённый передел мира, нарастание эксплуатации и расцвет нового рабства. Но именно в этом историческом шторме открывается неожиданный шанс для русских: создать

новую империю — «СССР. Версия 2.0». Новое Советское государство уже не будет таким, как прежде, — в нём проявятся все те стороны, о которых до сих пор вспоминают с ностальгическим вздохом, но теперь с новым опытом появляется возможность учесть прежние ошибки и создать общество настоящего благосостояния и счастья, общество равных возможностей и сильное безопасное государство.

Максим КАЛАШНИКОВ. Мобилизационная экономика.

Может ли Россия обойтись без Запада? (Серия: Битва за Россию.) — М.: Алгоритм, 2014. — 240 с.

В книге, предлагаемой вашему вниманию, Максим Калашников рассуждает о том, сможет ли Россия выстоять в экономической войне, которую развязал против неё Запад. Для примера он берёт экономическую модель, существовавшую в нашей стране при Сталине, — «мобилизационную экономику». Конечно, сейчас условия в на-

шей стране иные, пишет автор, но многие аспекты этой экономики вполне применимы в современной России.

Он подробно останавливается на промышленной и финансовой областях «мобилизационной экономики», не обходит стороной и политические меры, необходимые для ее существования.

Хронология мероприятий клуба

14–16 декабря 2014 года

25–27 ноября 2014 года

Председатель Изборского клуба **Александр Проханов** принял участие в **III форуме Всемирного Русского Народного Собора в Ставрополе**, посвящённом теме «**Глобальные вызовы — русский ответ**». В своём выступлении Проханов выразил убеждение в том, что смысл государства Российского — в защите православной веры, причём «не просто в виде храмов, соборов, обрядов, а как божественной справедливости, красоты, противодействия злу, тьме, смерти».

2 декабря 2014 года

Посол Исламской Республики Иран в Москве Мехди Санаи провёл переговоры с делегацией Изборского клуба в составе: **Александра Проханова, Сергея Глазьева, Александра Нагорного, Шамиля Султанова и Михаила Делягина**. Посол Ирана назвал кризисы в Ираке, Афганистане, Сирии следствием односторонних подходов и отсутствия внимания к потребностям влиятельных стран региона и выразил надежду на то, что благодаря совместным усилиям Ирана и России в регионе воцарятся мир и стабильность.

Председатель Изборского клуба **Александр Проханов**, рассказав о мировоззренческих целях, которые преследует клуб, отметил необходимость использования потенциала, которым располагают экспертные организации и структуры, для укрепления ирано-российских отношений. Советник Президента России по экономическим вопросам **Сергей Глазьев** высказался за принятие мер и подходов, ведущих к большему экономическому сотрудничеству двух стран и укреплению двухсторонних экономических связей.

2 декабря 2014 года

Брянским отделением Изборского клуба был проведён круглый стол на тему «**Непрерывность русской истории**»,

в котором приняли участие постоянные члены клуба **Виталий Аверьянов, Андрей Кобяков и Олег Розанов**. На круглом столе также была широко представлена брянская экспертная общественность. Утром того же дня состоялось открытие памятной часовни на кургане около древнего города Вщиж, символизирующей историческую память и преемственность по отношению к предкам, жившим на этой земле более 1000 лет назад. В мероприятиях приняли участие представители местной власти, депутаты, священники, члены руководящих структур Всемирного Русского Народного Собора.

3–7 декабря 2014 года

Александр Проханов посетил Исламскую Республику Иран, где провёл встречи с иранскими политическими и духовными лидерами, общественными деятелями и учеными, посетил атомную станцию в Бушере, священный город Кум, побывал в гостях у **экспрезидента Махмуда Ахмадинежада**. По итогам поездки Александр Проханов опубликовал в газете «Известия» статью, в которой отметил: «Иран и Россия обречены на сближение. Не только потому, что мы соседи, не только потому, что нас омывает Каспийское море и у нас длинная общая история. Россия и Иран сегодня подвергаются одинаково унижительным санкциям, исходящим от Америки и Запада. Военные базы Америки, окружающие Иран и Россию, направлены в равной степени на Москву и на Тегеран. Меня влечёт возвышенность этой цивилизации, возвышенность представления иранцев о смысле жизни, о смерти и о бессмертии. Мои первые поездки были ошеломляющими для меня, я завёл в Иране множество друзей среди философов, политиков, военных. Я полюбил этих людей, а им оказались интересными мои суждения о сегодняшнем мире и о моей ненаглядной России».

Делегация Изборского клуба в составе **Александра Проханова, Александра Агеева, Валерия Коровина, Владислава Шурыгина** посетила Омск. Визит состоялся по приглашению губернатора Омской области **Виктора Назарова**, принявшего активное участие в заседаниях Изборского клуба 15 декабря. Также в этих заседаниях участвовали омские политики и эксперты. Обсуждались две темы: «**Обновлённый образ России в идеологии, культуре, образовании**» и «**Омск — ворота в Азию. Евразийская идея и Русская Сибирь**».

В ходе поездки изборцы посетили ряд знаковых культурных мест Омской земли, встречались со студентами ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, ответили на вопросы журналистов и экспертов в студии местного телеканала. Александр Проханов появился в прямом эфире программы «Первые лица», где предложил объявить омским историческим героем генерала Карбышева, который, по его мнению, достоин канонизации как святой и служит чрезвычайно актуальным символом синтеза «красной» и «белой» традиций русской государственности.

18 декабря 2014 года

Члены Изборского клуба **Виталий Аверьянов и Александр Нотин** посетили Нижний Новгород, где встретились с инициативной группой по созданию регионального отделения клуба и приняли участие в организованном ими круглом столе «**Новороссия и Россия в условиях новой холодной войны**». В ходе круглого стола, в котором приняли участия многие видные представители нижегородской общественности и науки, прошла профессиональная и насыщенная дискуссия, результаты которой должны будут лечь в повестку дня нижегородского Изборского клуба. Данная встреча прошла в качестве подготовки к большому визиту изборцев в Нижний Новгород, запланированному на конец января 2015 года.

/ Елена ЗАСЛАВСКАЯ /

«Мы стали чёрным хлебом на войне...»

* * *

«И выползают морлоки-шахтёры
Из своих нор.
Индустриальный Мордор
Работает, чадит и громыхает,
Ворочая своим железным чревом,
Рождает биомассу, быдло, гопов
(Игра в пузырь, лесоповал и семки)».
А на Майдане светлые эллой
Творя историю, поют, едят печеньки.
А мы едим беду, да с хлебом серым,
По праздникам пельмени с самогоном,
Эллой светлые воюют за идею,
А мы можем стоять только за деньги,
Но если только выйдем добровольно,
То не захочется ни песен, ни печенек.
Героям слава? Разные герои!
Но может быть, хоть слава Украине?!
Тебе решать, измученный народ мой,
Непримиримы или же едины?

Декабрь 2013

МОЛИТВА

Не размыкая уста,
Молюсь, и мольба проста:
«Не надо,
Чтоб брат на брата
И на сестру сестра».
И нет на мольбу ответа.
И небо
В чёрном дыму.

За что живу я на свете —
Не важно. Важно — за что умру.

Мелите своё, пустомели,
С надеждой на перепост.
«Молотова коктейли»
Так горячат в мороз!

Что снится тебе, Берегиня?
Какие ты видишь сны?
Стоит моя Украина
У самого края мира
На самом краю войны.

Январь 2014

БИОГРАФИЯ

ЕЛЕНА Заславская

Луганская поэтесса, журналист, общественный деятель. Родилась 14 октября 1977 года в городе Лисичанск. Сейчас живёт в Луганске. Автор четырёх поэтических сборников: «Эпоха моей любви», «Мамині сльози», «Инстинкт свободы», «Бдышь-мен и Ко», публикаций в интернет-изданиях и периодике. Редактор газеты Луганской государственной академии культуры и искусств им. Матусовского «Камертон». Участница и финалистка Конкретного донецкого слэма (Донецк, 2008 г.), Главного киевского слэма (Киев, 2008 г.), Международного Dzejas Slams (Рига, Латвия, 2011 г.). На Всеукраинском слэме «ZEX» в Харькове в 2006 году получила звание «Председателя земного шара».

Заславская представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008 г.), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012 г.) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014 г.).

«На родине я, как всегда, не в тренде, — невесело усмеяется отважная девушка в одном из писем. — По версии нынешнего правительства, террористка и пособница террористов. Воспеваю народное ополчение, а не «небесную сотню». Так что надеяться на публикации на украинских ресурсах не приходится. В Одессе уже начались аресты всех, кто не поддерживает Порошенко. Как символично, что первый БШУ — бомбово-штурмовой удар — в Луганске нанесли по скверу Героев Великой Отечественной войны. Люди гибнут каждый день».

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка.
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные.
Русские после молитвы встают с колен.

* * *

Жив он, жив. —
Главная новость.
Жив он, жив. —
Повторяю на все лады
И голос
Разливается солнцем,
Отступает ожиданье беды.
Жив он, жив. —
Повторяют губы.
Жив он, жив. —
Долгожданный миг.
Под ногами цветут незабудки,
В небе ласточки и стрижи.
И становится мне заметно,
Как весенний распахнут мир,
Как он нежен и как он смертен,
И как он прекрасен, когда ты жив.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухажу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.
И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг — на друга.
И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
Как антрацит — наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит чёрный жернов.
Мы стали чёрным хлебом на войне,
А были... были золотые зёрна.

* * *

Петя, Петя, Петруха,
Вон солдат, пуля в брюхо,
А из брюха требуха,
А из брюха потроха,
Будет плакать мамка
За своим Иванком,
Кинут в ров под Славянском:
Отвоевал, отмаялся.

И рядом с этим адом
Торгуют шоколадом.

* * *

После трудного лета войны
Я вернулась в Луганск,
Чтобы снова здесь жить
И нелепые вирши слагать,
А в доме моем кто-то был.
Кто же? Да бог весть!
Я изучила следы
И догадалась — смерть.
Она заходила. Никого не застала.
Сильно ругалась. Разбила все окна
И острые стёкла
Кругом разметала.
Соседи сказали просто:
Дом обстреляли из «Града».
Моя нежданная гостья
Оставила мне подарок —
Чёрный железный осколок,
Маленький, смертоносный.
Что из него мне сделать?
Кольцо обручальное, солдатика детям?
Нет, сделаю крест нательный.

ПОСТОЯННЫЕ ЧЛЕНЫ ИЗБОРКОГО КЛУБА

Александр ПРОХАНОВ,
председатель

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
исполнительный секретарь

Александр НАГОРНЫЙ,
исполнительный секретарь

Александр АГЕЕВ

Жорес АЛФЕРОВ

Дмитрий АЯЦКОВ

Сергей БАТЧИКОВ

Владимир БОРТКО

Сергей ГЛАЗЬЕВ

Михаил ДЕЛЯГИН

Александр ДУГИН

Леонид ИВАШОВ

Максим КАЛАШНИКОВ

Андрей КОБЯКОВ

Валерий КОРОВИН

Джультто КБЕЗА

Юрий ЛАСТОЧКИН

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

Александр НОТИН

Иван ОХЛОБЫСТИН

Олег ПЛАТОНОВ

Юрий ПОЛЯКОВ

Захар ПРИЛЕПИН

Василий СИМЧЕРА

Николай СТАРИКОВ

Шамиль СУЛТАНОВ

Юрий ТАВРОВСКИЙ

Андрей ФУРСОВ

Михаил ХАЗИН

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ

архимандрит ТИХОН (Шевкунов)

Максим ШЕВЧЕНКО

Владислав ШУРЫГИН

...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE
...THESE ARE THE WORDS OF THE

